

П. ИНФАНТЬЕВЪ

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ ЖИЗНИ ТАТАРЪ, КИРГИЗОВЪ, КАЛМЫКОВЪ, ВОГУЛОВЪ БАШКИРЪ И САМОѢДОВЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ А. Ф. ДЕВРІЕНА.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ





Этнографическiе разсказы.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ

*

изъ жизни
татаръ, киргизовъ, калмыковъ,
башкиръ, вогуловъ и самоѣдовъ

П. П. Инфантьева.

*

Съ 59 рисунками въ текстѣ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. ДЕВРІЕНА.

Типографія А. Бенке, Новый переулокъ № 2.

СОДЕРЖАНIЕ.

Предисловіе.

Въ Россіи насчитываютъ болѣе 100 различныхъ племенъ и народностей. Однако, кромѣ коренныхъ славянскихъ племенъ, мы очень мало что знаемъ о другихъ племенахъ; о жизни же, бытѣ, правахъ, обычаяхъ и вѣрованіяхъ большинства мелкихъ, малокультурныхъ и некультурныхъ народностей, обитающихъ въ предѣлахъ нашей родины, мы часто даже и совсѣмъ ничего не слыхивали, кромѣ развѣ кое какихъ легкомысленныхъ анекдотовъ. А между тѣмъ и эти народности, эти наши меньшіе братья, требуютъ къ себѣ и къ своимъ нуждамъ точно такого же внимательнаго отношенія, и даже пожалуй большаго, чѣмъ ихъ старшіе братья.

Всякій мыслящій гражданинъ, желающій знать и понимать истинныя нужды и потребности своей родины, долженъ прежде всего хорошо ознакомиться съ тѣми народностями, которыя входятъ въ составъ ея населенія. Это ознакомленіе вмѣстѣ съ изученіемъ основныхъ законовъ своей собственной страны должно быть поставлено во главу угла, на самомъ первомъ планѣ, во всякой школѣ. Безъ этого знанія нѣтъ гражданина, а лишь одинъ безправый обыватель. И только оно, это знаніе, можетъ передѣлать этого обывателя въ сознательнаго гражданина и избавить его отъ заблужденій и предразсудковъ, оставшихся со временъ дикаго варварства, относительно чужихъ племенъ и народовъ, относительно тѣхъ, кто „не нашъ", и заставить его тверже понять и глубже уяснить себѣ ту великую евангельскую истину, что всѣ люди братья, и что въ великой семьѣ народовъ одни племена разнятся отъ другихъ не болѣе, чѣмъ разнятся братья отъ одной и той же матери, жившіе долгое время раздѣльно другъ отъ

друга въ совершенно различныхъ условіяхъ для своего существованія.

Къ сожалѣнію, мы, русскіе, до самаго недавняго времени были лишь обывателями, а не гражданами, и потому не можемъ похвастаться знаніемъ своей родины. Въ нашемъ обширномъ отечествѣ до сихъ поръ есть еще огромнѣйшія территоріи, никѣмъ не изученныя и даже не изслѣдованныя, — гдѣ же намъ было знакомиться съ бытомъ и нравами какихъ-то мелкихъ народностей, часто обитающихъ въ предѣлахъ такихъ малоизвѣстныхъ мѣстностей?!

Въ нашихъ школахъ нѣтъ преподаванія этнографіи, и только въ самое послѣднее время на этотъ пробѣлъ стали обращать нѣкоторое вниманіе, знакомя школьниковъ, при прохожденіи курса географіи, съ главнѣйшими народностями, входящими въ составъ Россійской Имперіи. Но эти свѣдѣнія имѣютъ случайный, отрывочный и безсистемный характеръ.

У насъ нѣтъ даже споснаго учебника по этнографіи Россіи, и всякому, кто захотѣлъ бы основательно ознакомиться съ бытомъ, нравами, обычаями и вѣрованіями всѣхъ, обитающихъ въ Россіи народностей, пришлось бы рыться въ изданіяхъ спеціальныхъ трудовъ разныхъ ученыхъ обществъ или отыскивать нужныя свѣдѣнія о большинствѣ мелкихъ народностей въ разныхъ альманахахъ, губернскихъ и епархіальныхъ вѣдомостяхъ и разныхъ другихъ провинціальныхъ изданіяхъ.

Чтобы сколько нибудь пополнить этотъ пробѣлъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи малоизвѣстныхъ некультурныхъ народностей, обитающихъ въ предѣлахъ Россійской Имперіи, я задался цѣлью дать хотя бы по одному разсказу изъ жизни каждой такой народности, снабдивъ предварительно этотъ разсказъ краткимъ очеркомъ быта и нравовъ этой народности. Мнѣ думается, что составленные такимъ образомъ сборники этнографическихъ разсказовъ могутъ замѣнить до нѣкоторой степени и руководства къ изученію народностей Россіи и пособія къ нимъ.

Авторъ.



Киргизы.

Всѣхъ киргизовъ въ настоящее время насчитываютъ до 5.000,000, и они дѣлятся на два главныхъ отдѣла; въ низменныхъ равнинахъ, прилегающихъ къ Каспійскому и Аральскому морямъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, орошаемыхъ р. Обью и притоками ея, живетъ самый многочисленный отдѣлъ, „киргизъ-кайсаки", или, какъ они сами себя называютъ, „казаки" („казакъ" по-тюрски значитъ „бездомный бродяга"); въ долинахъ же Средне-Азіатскихъ горъ Тянь-Шаня, Алая и Памира бродятъ „буруты" или „кара-киргизы" (черные киргизы), иначе называемые дикокаменными киргизами; послѣднее названіе произошло отъ того, что они кочуютъ среди дикихъ гранитныхъ горъ.

Область, въ которой этотъ народъ передвигается въ теченіе года съ одного мѣста на другое, столь же обширна, какъ вся Европейская Россія; она простирается отъ береговъ Волги до предѣловъ Китайской имперіи и отъ низовьевъ Аму-Дарьи до р. Иртыша. Но точныя границы кочевокъ киргизовъ опредѣлить довольно трудно.

Русское подданство киргизы приняли еще въ 1734 году, но до 1870 года они только считались въ этомъ подданствѣ

и въ продолженіе многихъ, многихъ лѣтъ это были самые неспокойные и ненадежные подданные въ Русской державѣ. Они совсѣмъ не боялись русской власти и, хотя сами по себѣ народъ очень миролюбивый, но подстрекаемые своими воинственными сосѣдями, туркменами и хивинцами, постоянно возмущались, нападали на наши окраины, грабили русскихъ купцовъ и уводили въ плѣнъ и продавали въ рабство русскихъ людей хивинцамъ.

Киргизы исповѣдуютъ магометанскую религію, но они далеко не такъ ревностны въ дѣлахъ вѣры, какъ другіе магометане, а простой народъ почти весь и до сихъ поръ совершенно равнодушенъ къ ученію Магомета, и религіозные обряды и обычаи этого народа не имѣютъ никакой связи съ предписаніями Корана, вѣроучительной, священной книги магометанъ. По большей части всѣ ихъ вѣрованія заключаются въ грубыхъ суевѣріяхъ и разнообразныхъ примѣтахъ.

По своимъ духовнымъ способностямъ киргизы принадлежатъ къ числу богато одаренныхъ народовъ. Киргизъ гордъ, остроуменъ, насмѣшливъ, энергиченъ; рѣчь его складна и образна; онъ веселъ, любитъ общество и бесѣду.

Одежда киргизовъ по большей части состоитъ изъ широкаго халата, подъ которымъ иногда носится рубаха съ отложнымъ на выпускъ воротникомъ, широчайшихъ шароваръ и сапоговъ со скошенными каблуками; на головѣ они носятъ высокую съ наушниками шапку. Одежда женщинъ состоитъ изъ широкой рубахи, поверхъ которой надѣвается халатъ. Лѣтомъ женщины на головѣ носятъ полотняный башлыкъ, вышитый по краямъ узорами, зимой, шапочку.

Обычную пищу киргизовъ составляетъ сушеное или вареное въ лошадиномъ молокѣ просо, куртъ (овечій сыръ), мясо и кумысъ, т. е. особеннымъ образомъ приготовленное перебродившее лошадиное молоко.

Въ своей домашней жизни киргизы народъ очень добродушный и гостепріимный. Отказать путнику въ пріютѣ и ночлегѣ, по ихъ понятіямъ, значитъ совершить преступленіе, которое у нихъ карается даже штрафомъ. Для пріѣзжаго гостя они всегда рѣжутъ барана и приглашаютъ сосѣдей. Появленіе всякаго новаго человѣка составляетъ для киргизовъ какъ

будто праздникъ. Киргизы, народъ чрезвычайно любознательный и любятъ всякаго рода новости; поэтому всякій заѣзжій гость для нихъ является въ то же время и живой газетой, и чѣмъ больше онъ сообщаетъ новостей, тѣмъ болѣе онъ пріятенъ и желателенъ.

Киргизы болѣе, чѣмъ какой-либо другой изъ кочевыхъ народовъ Россійской Имперіи, способны дѣлаться образованными, просвѣщенными людьми. Въ этомъ они далеко оставляютъ за собой даже осѣдлыхъ татаръ, и въ настоящее время въ киргизскихъ степяхъ перѣдко можно встрѣтить киргизовъ не только со среднимъ, но и съ высшимъ образованіемъ. И стремленіе дать образованіе своимъ дѣтямъ у киргизовъ годъ отъ году все болѣе и болѣе усиливается.



Свирѣль маленькаго Кытлыбая.

(Изъ жизни одного киргизскаго мальчика).

Кытлыбаю было всего три года, когда померли его родители. Ребенка, сироту увела къ себѣ въ кибитку одна старая родственница. Однако, и у ней Кытлыбаю недолго привелось жить. Ему шелъ всего шестой годъ, какъ пріютившая его женщина тоже отправилась на тотъ свѣтъ. И сталъ съ тѣхъ поръ маленькій Кытлыбай скитаться изъ кибитки въ кибитку, переходя отъ одной семьи къ другой. Ему нигдѣ не отказывали ни въ пріютѣ, ни въ кускѣ хлѣба, но усыновить его никто не выражалъ желанія.

И вотъ оставшись безъ родительскаго призора, предоставленный самому себѣ, Кытлыбай сдѣлался бродячимъ мальчикомъ, питаясь, какъ птица небесная, тѣми крохами, какія перепадали ему со стола чужихъ для него людей. Зимой его одежду составляли жалкіе лохмотья, уже бросаемые за негодностью другими киргизскими дѣтьми, а лѣтомъ онъ обходился совсѣмъ безъ всякаго одѣянія, какъ, впрочемъ, и многіе киргизскіе ребятишки.

И, однако, несмотря на свою сиротскую долю, Кытлыбай былъ живой, простодушный и очень веселый мальчикъ. Онъ вѣчно распѣвалъ пѣсенки, которыя такъ любятъ вообще всѣ киргизы, но въ особенности онъ чувствовалъ какую-то страсть къ музыкѣ. Однажды Ибрагимъ, старый киргизъ-пастухъ, у котораго онъ былъ въ подпаскахъ, сдѣлалъ ему изъ тростника свирѣльку и научилъ его, какъ на ней играть. Съ тѣхъ поръ Кытлыбай не разставался со своимъ инструментомъ; онъ подбиралъ мотивы киргизскихъ пѣсенъ и искусно воспроизводилъ ихъ на свирѣли.

Неподалеку отъ аула, гдѣ жилъ Кытлыбай, поселились русскіе переселенцы, и общительный Кытлыбай, не зная еще ни слова по-русски, скоро свелъ знакомство съ крестьянскими ребятишками, чрезвычайно заинтересовавшимися его музыкальнымъ инструментомъ. Онъ охотно брался даже учить ихъ какъ устройству самой свирѣли, такъ и игрѣ на ней и, благодаря частымъ посѣщеніямъ русской деревни, скоро самъ научился болтать по-русски, хотя и ломанымъ языкомъ.

Но не одни мальчишки, и взрослые охотно слушали игру на свирѣли маленькаго Кытлыбая и любили его за его веселый и незлобивый нравъ. Для ребятишекъ же былъ настоящій праздникъ, когда Кытлыбай показывался на деревенской улицѣ.

— Кытлыбай идетъ! Кытлыбай! Онъ будетъ намъ играть на свирѣлькѣ! кричали они, торопясь сообщить своимъ матерямъ о появленіи въ ихъ деревнѣ киргизскаго мальчика.



Пожилая киргизка.

Кытлыбая скоро обступали со всѣхъ сторонъ желавшіе слушать его музыку.

— А ну-ка, Кытлыбай, сыграй „Во саду ли, въ огородѣ Сашенька гуляла“; больно ужъ ты эту пѣсню хорошо играешь, просилъ его кто-нибудь изъ мужиковъ.

И Кытлыбай не заставлялъ себя долго упрашивать. Онъ вынималъ изъ-за пазухи свою свирѣльку, подставлялъ ее къ губамъ и начиналъ выводить на ней мотивъ одной русской пѣсни, подслушанной имъ у какого-то проѣзжаго русскаго торговца и передѣланной имъ на свой ладъ:

„Во саду ли, въ огородѣ, Чашенька гуляла,
„Дружка мила своя рука къ себѣ призывала“...
— И-ихъ!..

взвизгивалъ онъ и пускался вплясъ, перемежая игру на свирѣли пѣніемъ и пляской.

Мужики и бабы смѣялись до слезъ надъ маленькимъ музыкантомъ, но всегда награждали его чѣмъ-либо съѣстнымъ, и, довольный своими похожденіями, Кытлыбай возвращался обратно въ аулъ.

Однажды весной, когда Кытлыбаю было уже десять лѣтъ, Юсупъ, старшина аула, объявилъ, что пора собираться на лѣтнюю кочевку.

Каждое лѣто киргизы снимаются со своихъ зимнихъ стоянокъ и кочуютъ со своими стадами въ степи, переходя съ мѣста на мѣсто.

И вотъ киргизки начали приготовлять разобранныя на зиму войлочныя кибитки, лежавшія безъ употребленія, и навьючивать ихъ на верблюдовъ и лошадей, а киргизы отправились собирать свои табуны и стада, и вскорѣ весь аулъ выступилъ въ путь.

Кытлыбай, у котораго не было своего опредѣленнаго крова и который привыкъ считать своимъ домомъ всѣ кибитки точно такъ же, какъ самого его всѣ въ аулѣ считали общимъ достояніемъ, тоже вмѣстѣ съ другими отправился кочевать въ степь.

Во время перекочевокъ съ мѣста на мѣсто киргизы увидали однажды въ степи какое-то странное, никогда не виданное ими дотолѣ явленіе! На горизонтѣ показалось небольшое облачко, быстро двигавшееся по землѣ по направленію къ нимъ.

— Смотрите, смотрите, что это такое? съ удивленіемъ закричали киргизки.

Но ихъ удивленіе перешло почти въ ужасъ, когда онѣ услыхали, какъ изъ этого облачка раздался пронзительный свистокъ, и въ то же время всѣ увидали, что слѣдомъ за облачкомъ тянется по степи длинный черный хвостъ.

— Шайтанъ! Степной шайтанъ бѣжитъ. Онъ насъ всѣхъ пожретъ! завизжали бабы и ребятишки, и не на шутку струсили многіе даже изъ взрослыхъ киргизовъ, не имѣвшихъ до тѣхъ поръ никакого представленія о желѣзной дорогѣ, недавно проведенной по степи.

— Ну, какой тамъ шайтанъ! успокоительно сказалъ глава кочевки Юсупъ. Это не шайтанъ, это чугунка. Развѣ вы не слыхали, что въ степи проводятъ чугунку? Вотъ это она и есть.

— А она не ѣстъ людей? приступили къ нему киргизки.

— Да нѣтъ же, глупыя! На ней возятъ людей и всякую кладь. Это машина, которой управляютъ люди. Вотъ мы скоро подойдемъ къ самой дорогѣ, да тутъ гдѣ-нибудь и кочевку разобьемъ, и тогда вы всѣ увидите, что страшнаго ничего нѣтъ.

Поѣздъ, между тѣмъ, съ шумомъ и грохотомъ надвигался все ближе и ближе, и степняки въ первый разъ въ жизни увидали, какъ огромный чугунный конь, какъ они называли



Перекочевка киргизовъ.

паровозъ, пыхтя и извергая облака дыму, тянулъ за собой цѣлые дома, наполненные людьми, выглядывающими изъ стеклянныхъ оконъ.

Лошади кочевниковъ, не привыкшія къ подобному явленію, тоже пришли въ безпокойство, и стоило не малаго труда, чтобы не дать имъ разбѣжаться по степи.

По проходѣ поѣзда караванъ приблизился къ полотну желѣзной дороги, скрытому до тѣхъ поръ высокой степной травой, и всѣ начали съ любопытствомъ разсматривать рельсы и шпалы, дѣлая свои замѣчанія и удивляясь искусству русскихъ, сумѣвшихъ провести такую необыкновенную дорогу.

Юсупъ рѣшилъ разбить кочевку неподалеку отъ одной степной желѣзнодорожной станціи. Здѣсь было хорошее паст-

бище для скота и водопой, а, кромѣ того, ему хотѣлось дать возможность своимъ одноаульцамъ поближе познакомиться съ желѣзной дорогой, по которой самъ онъ уже не одинъ разъ ѣзживалъ.

Когда было выбрано подходящее мѣсто, киргизки начали развьючивать верблюдовъ и лошадей, ставить рѣшетки для кибитокъ, обтягивать ихъ войлокомъ, и работа закипѣла. Къ вечеру уже все было готово; кибитки были разставлены, прибраны, и все разложено по своимъ мѣстамъ. За ужиномъ у всѣхъ только и было разговора, что о желѣзной дорогѣ. Старый Юсупъ, удовлетворяя общему любопытству, разсказывалъ о ней все, что самъ зналъ. Онъ говорилъ, что дорога эта ведетъ къ большимъ городамъ, въ которыхъ есть дома такой величины, что въ каждомъ изъ нихъ могутъ помѣститься жители цѣлаго аула, и много другихъ чудесъ поразсказалъ Юсупъ своимъ слушателямъ.

Но ни на кого желѣзная дорога не произвела столь сильнаго впечатлѣнія, какъ на маленькаго Кытлыбая. Передъ его глазами сразу открылся какой-то новый, совершенно до тѣхъ поръ имъ неподозрѣваемый міръ. Онъ съ жадностью вслушивался въ разсказы Юсупа, ловя каждое его слово о невѣдомыхъ ему городахъ и о людяхъ, сумѣвшихъ провести по степи эту удивительную желѣзную дорогу.

До сихъ поръ онъ зналъ одну только степь съ ея несложною, кочевою, киргизскою жизнью и думалъ, что и всюду такая же степь и такіе же киргизы, да развѣ кое-гдѣ русскіе крестьяне, и вдругъ оказалось, что на землѣ существуетъ и еще кое-что, кромѣ степи и киргизовъ. И ему страшно захотѣлось побывать въ тѣхъ городахъ, о которыхъ разсказывалъ Юсупъ и посмотрѣть, какъ тамъ живутъ незнакомые ему люди.

Почти всю ночь онъ прислушивался къ свисткамъ и грохоту проходившихъ неподалеку отъ ихъ кочевки поѣздовъ, уносившихъ въ невѣдомую даль ѣдущихъ въ нихъ людей, и самъ уносился въ своей фантазіи вмѣстѣ съ ними далеко за предѣлы степи, въ сказачныя, волшебныя страны.

Проснувшись поутру, онъ тотчасъ же отправился осматривать станцію, виднѣвшуюся вдали своими зелеными кры-

шами. Онъ былъ уже возлѣ самой станціи, какъ послышался свистокъ и грохотъ приближавшагося поѣзда. Кытлыбай остановился. Ему было и жутко и весело. Поѣздъ, свистя и громыхая, пролетѣлъ мимо него, не останавливаясь на станціи. Станція была небольшая, и пассажирскіе поѣзда не всегда на ней останавливались. Тамъ жили только начальникъ станціи съ семьей, его помощникъ, телеграфистъ да сторожъ. Никакихъ поселковъ поблизости не было. Кругомъ — однообразная, травянистая степь.

Проводивъ глазами промчавшійся поѣздъ, Кытлыбай подошелъ къ раскрытому окну квартиры начальника станціи, возлѣ котораго сидѣла, углубившись въ книгу, молодая дѣвушка-гимназистка старшихъ классовъ, дочь начальника, пріѣхавшая на лѣтнія каникулы къ родителямъ. Кытлыбай, желая обратить на себя вниманіе дѣвушки, вынулъ изъ-за пазухи свою свирѣльку и заигралъ.

— Мама! Мама! Посмотри, какой забавный мальчуганъ! вскричала молодая дѣвушка.

— Гдѣ? Откуда онъ взялся? подошла къ окну жена начальника станціи.

— Не знаю, точно изъ земли выросъ. Слушай, какъ хорошо играетъ.

— А ну-ка, подойди сюда поближе, поманила Кытлыбая дама.

Кытлыбай, польщенный такимъ вниманіемъ, подошелъ къ самому окну и заигралъ единственную, знакомую ему русскую пѣсенку:

„Во саду ли, въ огородѣ, Чашенька гуляла,
„Дружка мила своя рука къ себѣ призывала“...

пропѣлъ онъ и, взмахнувъ надъ своей головой свирѣлькой, пустился въ плясъ.

— Папа! Папка! Скорѣй, сюда! Посмотри какое у насъ тутъ представленіе! со смѣхомъ закричали дамы.

— Что такое? гдѣ? выбѣжалъ изъ своего кабинета давно уже прислушивавшійся къ звукамъ свирѣли начальникъ станціи.

Слѣдомъ за нимъ прибѣжали помощникъ и телеграфистъ.

Маленькій Кытлыбай произвелъ настоящій фуроръ своей свирѣлькой, нарушивъ однообразное теченіе жизни населенія станціи, скучавшаго въ степи при полномъ безлюдьѣ.

Кытлыбая затащили въ комнаты и начали угощать чаемъ и всѣмъ, что только его душа желала. Такъ какъ онъ, несмотря на свои десять лѣтъ, былъ почти голый, то начальникъ станціи подарилъ ему, вмѣсто его лохмотьевъ, свою старую рабочую блузу, доходившую Кытлыбаю до самыхъ пятъ.

Съ тѣхъ поръ Кытлыбай сдѣлался постояннымъ гостемъ на станціи. Его всѣ баловали и такъ къ нему привыкли, что всѣмъ казалось, какъ будто чего-то недостаетъ, когда онъ почему либо долго не приходилъ. Даже угрюмый станціонный сторожъ расцвѣталъ улыбкою, слушая, какъ маленькій киргизенокъ игралъ на своемъ инструментѣ русскую пѣсню, и въ теченіе нѣсколькихъ дней вся станція распѣвала, поддѣлываясь къ выговору Кытлыбая:

„Во саду ли, въ огородѣ, Чашенька гуляла",
„Мила дружка своя рука къ себѣ призывала".

Кытлыбай интересовался всѣмъ, что видѣлъ вокругъ себя, и съ любопытствомъ разспрашивалъ окружающихъ и о телеграфѣ, и о желѣзной дорогѣ, куда она ведетъ, далеко-ли до города, какой это городъ, кто въ немъ живетъ и прочее. Въ особенности онъ свелъ большую дружбу съ дочерью начальника станціи, „баришней", какъ онъ ее называлъ. Дѣвушка, подмѣтивъ большую любознательность въ маленькомъ киргизенкѣ и, скучая отъ бездѣлья, предложила ему обучать его русской грамотѣ. Она говорила, что если онъ научится читать, то самъ потомъ можетъ по книгамъ узнавать обо всемъ, что только его занимаетъ. Кытлыбай сильно заинтересовался, какъ это какая-то книга будетъ разсказывать ему о томъ, что дѣлается на свѣтѣ, и съ величайшею готовностью согласился учиться русской грамотѣ.

Онъ оказался очень способнымъ и прилежнымъ ученикомъ и черезъ какихъ нибудь двѣ-три недѣли уже сталъ свободно разбираться въ русскомъ алфавитѣ и складывать слова. Отъ своей учительницы онъ узналъ, между прочимъ, что

въ томъ городѣ, гдѣ она сама учится, есть большая школа, мужская гимназія, въ которой обучаются также и нѣкоторые киргизскіе мальчики, и Кытлыбай послѣ этого во снѣ и на яву началъ грезить, какъ бы и ему также попасть въ число учениковъ этой школы; и онъ еще съ большимъ усердіемъ принялся изучать русскую грамоту.

Дѣло шло прекрасно; но маленькаго мечтателя киргиза скоро ждало большое огорченіе. Въ то время, какъ онъ предавался своимъ мечтамъ о русской школѣ, Юсупъ, въ поискахъ за лучшимъ кормомъ для стадъ, задумалъ перенести свою кочевку на другое мѣсто, а вмѣстѣ со своими одноаульцами привелось бы уйти, конечно, и Кытлыбаю. Это было для него большимъ ударомъ. Долго раздумывалъ онъ о томъ, какъ быть, и, наконецъ, рѣшилъ бѣжать отъ своихъ сородичей.

Однажды, когда пассажирскій поѣздъ остановился на станціи, Кытлыбай, незамѣтно проскользнувъ мимо зазѣвавшагося кондуктора, забрался въ пассажирскій вагонъ. Очутившись среди незнакомыхъ ему русскихъ людей, онъ сначала смутился и не зналъ, что ему дѣлать, но потомъ, видя, что на него никто не обращаетъ вниманія, усѣлся на свободную скамейку.

Поѣздъ тронулся, и нашъ путешественникъ съ веселымъ сердцемъ отправился въ невѣдомое ему путешествіе, нисколько не задумываясь надъ тѣмъ, что изъ этого выйдетъ.

Вошелъ кондукторъ и, видя новаго пассажира, спросилъ у его сосѣдей:

— Это чей мальчикъ?

Но никто ему на это ничего отвѣтить не могъ.

— Ты откуда? спросилъ кондукторъ, обращаясь къ Кытлыбаю.

— Ми изъ степи.

— Куда же ты ѣдешь-то?

— Городъ гулямъ.

— А билетъ у тебя есть?

— Какуй билетъ? удивился Кытлыбай.

— Билетъ на проѣздъ.

— Никакуй билетъ у миня нѣтъ.

— Такъ какъ же ты сюда попалъ-то? Кто тебя пустилъ?

— Ми самъ заходилъ; никто не пускалъ.

— Ахъ ты, чертовъ мальчишка! выругался кондукторъ, да вѣдь я тебя на первомъ же полустанкѣ высажу.

— Нѣтъ, тюря *), зачимъ миня высаживать? Ми тебѣ пѣть будемъ, ми тебѣ играть будемъ, сказалъ Кытлыбай, вынимая изъ-за пазухи свою свирѣльку.

Пассажиры и кондукторъ засмѣялись.

— А ну-ка, ну, поиграй, сказалъ одинъ изъ пассажировъ.

Кытлыбай приставилъ свою свирѣльку къ губамъ и заигралъ съ припѣвомъ знакомую русскую пѣсню, зная, что она болѣе всѣхъ другихъ нравится русскимъ.

Среди пассажировъ поднялся общій хохотъ.

— Молодецъ! Вотъ молодецъ-то! Ну-ка, ну-ка еще валяй! закричали со всѣхъ сторонъ.

— Но позвольте, господа, сказалъ кондукторъ, вѣдь все-таки это безбилетный пассажиръ, и меня за него могутъ оштрафовать. Придется его высадить.

— Нѣтъ, тюря, не высаживай, пижальста, миня не высаживай! снова взмолился Кытлыбай.

— Да вѣдь, дурья голова, мнѣ за тебя отвѣчать придется, сказалъ кондукторъ.

Пассажиры, скучавшіе въ пути, были заинтересованы оригинальнымъ киргизскимъ мальчикомъ и приняли въ немъ участіе.

— Господа, сказалъ одинъ изъ нихъ, этотъ мальчуганъ будетъ насъ своей свирѣлькой увеселять въ дорогѣ. Я предлагаю купить ему вскладчину билетъ до города. Сколько стоитъ билетъ отъ этой станціи? спросилъ онъ у кондуктора.

— Мальченкѣ, повидимому, нѣтъ болѣе десяти лѣтъ; значитъ, ему надо будетъ только полбилета. Это будетъ стоить 2 рубля 20 копѣекъ, сказалъ кондукторъ.

— Ну, вотъ я съ своей стороны беру на себя половину расхода. Можетъ быть, кто нибудь еще дастъ.

Охотники нашлись, и скоро на билетъ Кытлыбая была собрана достаточная сумма и вручена кондуктору.

---

*) Господинъ.

Такимъ образомъ, дѣло уладилось, и маленькій путешественникъ былъ оставленъ въ покоѣ. Онъ скоро познакомился со всѣми, и пассажиры кормили и поили его до самаго города, а онъ за это увеселялъ ихъ своей музыкой и пѣніемъ.

Къ вечеру показались златоглавые куполы церквей и мечетей большого города съ его каменными большими домами, раскинутыми на высокомъ берегу рѣки. Кытлыбай высунулся изъ окна вагона и съ любопытствомъ разглядывалъ открывшійся передъ его глазами городъ.

Поѣздъ, громыхая, подкатилъ къ вокзалу и остановился. Пассажиры стали выходить изъ вагона. Слѣдомъ за ними направился также и Кытлыбай.

Очутившись среди большого города, онъ былъ оглушенъ его уличнымъ движеніемъ и шумомъ, и не зналъ, куда ему итти. Наконецъ, осмотрѣвшись, онъ направился вдоль первой же попавшейся улицы, съ любопытствомъ заглядывая въ окна большихъ домовъ и магазиновъ съ зеркальными стеклами, за которыми были выставлены разныя, невиданныя имъ вещи и товары.

Наступилъ вечеръ; становилось темно. На улицахъ начали зажигать фонари, и все это для маленькаго степного дикаря было столь необычно, что ему казалось, будто онъ попалъ въ какое-то заколдованное царство.

Въ степи онъ, бывало, смѣло заходилъ въ любую незнакомую кибитку, но тутъ на него нападала безотчетная робость зайти на чье-либо крыльцо или въ чей-либо дворъ. Онъ видѣлъ вокругъ себя суетливыя озабоченныя лица, не обращавшія на него ни малѣйшаго вниманія, и невольно опасался вступать съ кѣмъ либо въ разговоръ.

Спустилась ночь, теплая, лѣтняя. Кытлыбай долго блуждалъ по опустѣвшимъ уже улицамъ, пока совершенно не утомился. Тогда онъ выбрался за городъ, въ родную степь, и только тутъ, на просторѣ, вздохнулъ свободной грудью. Ему хотѣлось спать. Онъ отыскалъ какую-то ямку, улегся въ ней и почти тотчасъ же крѣпко заснулъ, какъ это онъ не разъ дѣлывалъ и ранѣе, когда ночь заставала его гдѣ-либо въ степи подъ открытымъ небомъ.

Проснулся онъ, когда солнце стояло высоко на небѣ, и городъ съ его шумною жизнью уже давно пробудился.

Кытлыбай всталъ бодрымъ и беззаботнымъ, какъ всегда, и тотчасъ же отправился въ городъ. Однако, голодъ уже давалъ ему знать о себѣ; со вчерашняго дня, когда его накормили въ послѣдній разъ пассажиры, онъ ничего не ѣлъ, и теперь ему приходились подумать о томъ, гдѣ бы достать чего нибудь поѣсть. Въ степи это дѣлалось просто; когда ему хотѣлось ѣсть, онъ заходилъ въ любую кибитку, говорилъ, что голоденъ, и почти никогда не встрѣчалъ отказа, всегда ему что-либо давали. Кто знаетъ, какъ-то его будутъ встрѣчать здѣсь?

Войдя въ городъ и увидавъ какую-то женщину, сидѣвшую возлѣ раскрытаго окна и пившую чай, онъ подошелъ къ ней и сказалъ:

— Ми ашать *) хотимъ, давай мини мала-мала ашать.

— Откуда это ты такой выискался? Давно тебя поджидала, насмѣшливо сказала женщина.

— Ми изъ степи гулялъ, учиться здѣсь хотимъ. Пижальста, давай мини мала-мала ашать. Ми тебѣ пѣть будемъ, ми тебѣ играть будемъ, сказалъ киргизенокъ, вынимая изъ за пазухи свой инструментъ.

Женщина съ удивленіемъ и любопытствомъ посмотрѣла на маленькаго бродягу.

— А ну, поиграй, сказала она.

Кытлыбай заигралъ свою „Чашеньку", сопровождая ее пѣніемъ и пляскою.

Женщина засмѣялась.

— Забавный, братъ, ты, сказала она. Дѣлать нечего, надо, вѣрно, тебя накормить.

И она подала ему кусокъ хлѣба.

Тѣмъ временемъ, заслышавъ звуки свирѣльки, изъ сосѣднихъ оконъ стали выглядывать другіе обыватели, и вскорѣ нашъ маленькій искатель приключеній былъ окруженъ цѣлою толпою любопытныхъ, просившихъ его еще что нибудь сыграть имъ на своемъ инструментѣ. Маленькій ребенокъ

*) Ѣсть.

музыкантъ казался настолько всѣмъ забавнымъ, что на него невольно обращали вниманіе всѣ прохожіе и совали ему въ руки, кто хлѣба, кто пряникъ, или другое лакомство, а кто даже и копейку, съ которою, впрочемъ, Кытлыбай не зналъ, что дѣлать, такъ какъ до тѣхъ поръ не имѣлъ никакого понятія о деньгахъ.

Но онъ давно уже понялъ, что доступъ къ сердцу чужихъ ему людей легче всего можно найти при помощи той свирѣльки, которая хранилась у него за пазухой.

И сталъ, такимъ образомъ, Кытлыбай жить въ городѣ. Днемъ онъ ходилъ со своею свирѣлью по улицамъ и наигрывалъ подъ окнами, за что получалъ кусокъ хлѣба, а ночевать уходилъ въ степь. Тамъ, на берегу рѣки, онъ отыскалъ небольшую пещеру, въ которую и залѣзалъ на ночлегъ во время ненастной погоды. Его рубашенка, подаренная ему на станціи, превратилась уже почти въ лохмотья, а между тѣмъ ночи не всегда были теплыми, и частенько ему приходилось дрожать отъ холода подъ своимъ рубищемъ. Въ городѣ многіе знали маленькаго киргизенка, ходившаго подъ окнами со своею свирѣлькой, и привыкли къ его посѣщеніямъ, но никто не зналъ, откуда онъ, гдѣ живетъ и какъ живетъ, да никому и въ голову не приходило поинтересоваться этимъ.

А Кытлыбай все продолжалъ вѣрить и надѣяться, что къ осени онъ непремѣнно поступитъ въ русскую школу, въ ту самую гимназію, о которой ему говорила барышня на станціи. Онъ не зналъ, какъ это устроится, но не сомнѣвался, что стоитъ ему только заявить о своемъ желаніи учиться старшему учителю, какъ его тотчасъ же примутъ. Онъ уже давно навелъ справки объ этой гимназіи, но оказалось, что лѣтомъ ученья не было, всѣ школьники разъѣхались, и онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ того дня, когда они вновь соберутся, и начнется ученье.

Наконецъ, въ одно прекрасное время онъ увидалъ, какъ изъ зданія гимназіи высыпала толпа гимназистовъ съ ранцами за плечами. Кытлыбай рѣшилъ, что медлить ему долѣе нечего. Проводивъ ихъ глазами, онъ направился къ подъѣзду, чтобы заявить о своемъ желаніи поступить въ число

учениковъ гимназіи. Но швейцаръ грубо прогналъ его отъ дверей. Кытлыбай прибѣгъ было къ помощи своей свирѣльки, но она только больше раздражила сердитаго швейцара, боявшагося, какъ бы эта музыка не обезпокоила гимназическаго начальства, и ему не было бы нагоняя за то, что онъ пускаетъ какихъ-то оборванныхъ нищихъ. Онъ прогналъ Кытлыбая и запретилъ ему даже близко подходить къ зданію гимназіи.

Эта первая неудача сильно поразила маленькаго мечтателя. Швейцара онъ принялъ за самаго главнаго учителя и изъ его обращенія съ нимъ онъ увидалъ, что ему не удастся попасть въ гимназію. Если этого человѣка не могла разжалобить даже его свирѣлька, то на что же теперь оставалось надѣяться?

Впервые у Кытлыбая закралось сомнѣніе во всемогущество своей свирѣльки; но ему не съ кѣмъ было подѣлиться своимъ горемъ.

И потянулись для него печальные, сѣрые дни. Лѣто прошло. Приближалась осень съ ея ненастными днями. По ночамъ сдѣлалось уже совсѣмъ холодно, и Кытлыбаю въ его жалкихъ остаткахъ рубашонки приходилось щелкать зубами, въ особенности по ночамъ.

Однажды онъ игралъ на своей свирѣлькѣ около оконъ одного дома, какъ вдругъ услыхалъ за своей спиной чей-то знакомый голосъ:

— Кытлыбай, да ты какъ здѣсь очутился? Вотъ неожиданная встрѣча!

Кытлыбай обернулся и къ своей неописуемой радости увидалъ передъ собою ту самую „баришну", которая когда-то учила его на станціи русской грамотѣ.

— Баришна, здравствуй, баришна! Арума *), арума! забормоталъ онъ, со слезами отъ счастья подбѣгая къ ней.

— Какъ ты сюда попалъ? повторила молодая дѣвушка.

— Чугунка гулялъ.

— Да зачѣмъ же? Почему никому не сказалъ? А тамъ тебя потеряли. Сколько изъ за тебя безпокойства было.

— Учиться хотѣлъ, вотъ и гулялъ городъ.

*) Здравствуй.

Гимназистка увела его къ себѣ на квартиру, и тамъ Кытлыбай разсказалъ подробно о всѣхъ своихъ приключеніяхъ и мытарствахъ, о своемъ намѣреніи попасть въ гимназію и о своей неудачѣ у гимназическаго швейцара.

Дѣвушка посмѣялась надъ его несбыточной мечтой попасть въ число учениковъ гимназіи, но не стала его разочаровывать.

Хозяинъ квартиры, желѣзнодорожный чиновникъ, пріятель отца гимназистки, узнавъ отъ послѣдней о приключеніяхъ маленькаго киргизенка-музыканта, принялъ въ немъ самое горячее участіе. Онъ взялъ его къ себѣ въ качествѣ разсыльнаго мальчика, и Кытлыбаю нельзя было жаловаться на судьбу. Его умыли, пріодѣли, и онъ сталъ жить въ одномъ домѣ со своей „барышней".

У хозяина былъ сынъ гимназистъ почти однихъ лѣтъ съ Кытлыбаемъ, и между двумя мальчиками установилась тѣсная дружба. Гимназистка-покровительница въ свободное отъ занятій время начала продолжать давать своему ученику уроки русской грамоты, и скоро Кытлыбай выучился хорошо читать и писать по-русски.

Но со своей свирѣлью онъ не разставался. Правда, теперь онъ уже не ходилъ играть подъ окнами, чтобы заработать себѣ кусокъ хлѣба, но все-таки продолжалъ играть на ней ради собственнаго удовольствія и по просьбѣ другихъ. Его свирѣль создала ему большую извѣстность въ городѣ, и многіе приходили нарочно посмотрѣть на маленькаго забавнаго музыканта-киргизенка, приводившаго всѣхъ въ восторгъ своею наивностью, веселымъ нравомъ и игрой на свирѣли. И Кытлыбай видѣлъ, что эта свирѣлька все еще продолжаетъ оказывать на людей свое магическое дѣйствіе, и все еще, благодаря ей, онъ находитъ себѣ защитниковъ и покровителей, и онъ снова началъ возлагать на нее надежду, что, авось, она дастъ ему возможность выполнить его завѣтную мечту поступить въ гимназію.

Отъ своего пріятеля-гимназиста онъ узналъ всѣ гимназическіе порядки, а также и то, что главнымъ лицомъ, отъ котораго зависѣлъ пріемъ учениковъ, былъ не швейцаръ, а директоръ гимназіи. Гимназистъ показалъ даже однажды ему

на проходившаго по улицѣ директора, и съ тѣхъ поръ Кытлыбай только и думалъ о томъ, какъ бы поймать директора гдѣ-нибудь на улицѣ и попросить его, чтобы онъ принялъ его въ гимназію

И случай этотъ не заставилъ себя ждать.

Однажды вечеромъ Кытлыбай бродилъ возлѣ гимназіи, попасть въ которую онъ такъ страстно стремился, какъ вдругъ увидалъ директора, вышедшаго на прогулку подъ руку со своею женой. Маленькій киргизенокъ смѣло направился къ нимъ навстрѣчу.

— Здравствуй, тюря! произнесъ онъ, снимая передъ директоромъ шапку.

— Здравствуй, братецъ, отвѣтилъ тотъ. Ты чей и откуда?

— Ми изъ степи гулялъ, учиться хотимъ. Возьми миня въ своя гимназія.

— Что такое? удивился директоръ.

— Ми учиться хотимъ; возьми миня въ своя гимназія, повторилъ Кытлыбай. Ми тибѣ пѣть будимъ, ми тибѣ играть будимъ, только, пижальста, возьми сказалъ онъ, вынимая свою свирѣльку.

— Какой забавный мальчуганъ! сказала жена директора.

— Ты умѣешь играть на этой дудкѣ? спросилъ директоръ, едва сдерживая улыбку.

— Ми все умѣимъ: читать умѣимъ, писать умѣимъ, играть умѣимъ, только, пижальста, возьми миня, ми учиться хотимъ

— А ну-ка, сыграй что-нибудь, заинтересовался директоръ, уже слышавшій отъ своихъ знакомыхъ кое-что о похожденіяхъ маленькаго музыканта.

Кытлыбай приставилъ къ губамъ свирѣльку и заигралъ свою излюбленную пѣсенку:

„Во саду ли въ огородѣ, Чашенька гуляла“,
„Мила друга своя рука къ себѣ призывала“.

И онъ пустился приплясывать передъ директоромъ и его женой, едва удерживавшимися, чтобы не расхохотаться при видѣ этого забавнаго мальчугана.

— А что, другъ мой, сказала директорша мужу. Отчего бы тебѣ и въ самомъ дѣлѣ не принять его? Вѣдь въ нашей гимназіи учатся же другіе киргизскіе мальчики?

— Объ этомъ надо подумать, сказалъ директоръ. Кажется, у насъ дѣйствительно есть свободная киргизская стипендія. Мальчикъ, повидимому, смышленый, и если только онъ умѣетъ, какъ говоритъ, читать и писать, такъ чего же лучше? Ты гдѣ, братецъ, живешь? обратился онъ къ Кытлыбаю.

Тотъ разсказалъ, гдѣ и у кого онъ живетъ, и директоръ велѣлъ ему на завтра притти въ гимназію съ кѣмъ-либо изъ своихъ хозяевъ, чтобы переговорить объ условіяхъ поступленія.

Внѣ себя отъ восторга прибѣжалъ маленькій киргизенокъ къ себѣ домой.

— Баришня, ми въ гимназію поступаемъ! объявилъ онъ своей учительницѣ.

— Ну, что ты зря болтаешь? Это вовсе не такъ легко дѣлается, сказала гимназистка.

— Вирная, чистная моя слово тибѣ говорю. Пойдемъ завтра со мной въ гимназія; самъ тюря директоръ велѣлъ мнѣ кого бы то ни было съ собой привести.

И онъ разсказалъ подробно все, какъ было дѣло.

Сомнѣнія молодой дѣвушки исчезли: Кытлыбай никогда не лгалъ. Выслушавъ его разсказъ, гимназистка вмѣстѣ съ нимъ запрыгала отъ радости, и никогда еще свирѣль Кытлыбая не играла такъ весело, какъ на этотъ разъ:

„Во саду ли, въ огородѣ Чашенька гуляла“,
„Мила друга своя рука къ себѣ призывала“.
— И-ихъ!..

взвизгивалъ маленькій киргизенокъ и волчкомъ кружился по комнатѣ.

Дѣйствительно, Кытлыбай скоро поступилъ киргизскимъ стипендіатомъ въ гимназію и началъ учиться прекрасно. Онъ сдѣлался общимъ любимцемъ какъ учителей, такъ и учениковъ, но былъ большой шалунъ.



Киргизскій музыкантъ.

Дѣтство Якуба.

I.

Была весна. Степь только что одѣлась въ свой пышный весенній уборъ, покрывшись сплошнымъ ковромъ, сотканнымъ изъ яркихъ, разнообразныхъ цвѣтовъ.

На берегу рѣки Тобола, немного повыше города Кустаная, въ одной изъ ложбинъ, пріютилась киргизская кочевка. Десятка два войлочныхъ. куполообразныхъ кибитокъ были разбросаны неподалеку другъ отъ друга.



Киргизъ.

Возлѣ самой обширной изъ кибитокъ, стоявшей какъ разъ въ серединѣ другихъ и принадлежавшей хозяину кочевки, еще молодому киргизу Барлыбаю, замѣчалось необычное движеніе. Вокругъ нея толпились мужчины, женщины и дѣти, съ нескрываемымъ любопытствомъ ожидавшіе окончанія какого-то событія, происходившаго въ кибиткѣ, изъ которой доносились кри-

ки и глухой гулъ визгливыхъ женскихъ голосовъ, точно тамъ жужжали пчелы въ потревоженномъ ульѣ.

— Ну,. какъ? Ну, что? посыпались вопросы изъ толпы, когда изъ завѣшеннаго кошмою входа кибитки показалась старуха Гулимъ со взволнованнымъ лицомъ.



Киргизка.

— Стучите по кибиткѣ! Кричите! Шумите! Надо прогнать Албасту (злого духа)! произнесла киргизка и съ остервенѣніемъ начала тузить ладонями своихъ рукъ по войлочной кибиткѣ, чтобы напугать злого Албасту.

Окружавшая кибитку толпа бросилась вооружаться, кто чѣмъ попало. Мужчины похватали ружья и начали стрѣлять изъ нихъ холостыми зарядами въ воздухъ, женщины принялись стучать въ пустыя ведра и мѣдные тазы, мальчишки стали хлестать нагайками и палками по войлоку, покрывавшему кибитку.

Словомъ, поднялся такой содомъ, точно всѣ сошли съ ума.

Спустя нѣсколько минутъ, изъ кибитки показался самъ Барлыбай, при видѣ котораго шумъ и крики тотчасъ же смолкли.

— Хвала Аллаху и пророку его Магомету! радостно произнесъ онъ, все окончилось благополучно. Назипа подарила мнѣ сына!

Услыхавъ эту вѣсть, толпившіеся у кибитки киргизы и киргизки начали поздравлять Барлыбая съ наслѣдникомъ, и счастливый отецъ, улыбаясь, благодарилъ всѣхъ.

Барлыбай былъ богатый и всѣми уважаемый киргизъ. У него были большія стада лошадей и гурты овецъ, съ которыми онъ кочевалъ круглый годъ, переходя съ мѣста на мѣсто по огромному пространству Урало-Каспійской низменности.

Въ семействѣ у него были: жена Назипа, пятилѣтняя дочь Гафса и отецъ Тулекъ, уже очень старый. Для полноты счастія одного недоставало Барлыбаю — сына, и теперь этотъ желанный сынъ родился, къ великой радости Барлыбая.

Рожденіе своего наслѣдника Барлыбай рѣшилъ отпраздновать самымъ торжественнымъ образомъ. Въ тотъ же вечеръ былъ заколотъ самый жирный баранъ, кушать котораго были приглашены всѣ ближайшіе родственники Барлыбая. Давно уже Барлыбай съ такимъ радушіемъ не угощалъ своихъ гостей, запихивая имъ въ ротъ собственною рукою самые жирные куски баранины, какъ на этотъ разъ. Послѣ того, какъ баранъ былъ съѣденъ, шейный позвонокъ его былъ подвѣшенъ въ кибиткѣ надъ колыбелью новорожденнаго, гдѣ онъ долженъ былъ висѣть въ теченіе сорока дней. Это было сдѣлано для того, чтобы шея у новорожденнаго сдѣлалась такой же крѣпкой, какъ у барана.

На общемъ семейномъ совѣтѣ, состоявшемся вслѣдъ за этимъ, было рѣшено тотчасъ же разослать по всѣмъ окрестнымъ кочевкамъ пословъ пригласить всѣхъ родныхъ, друзей и знакомыхъ на празднество по случаю рожденія у Барлыбая наслѣдника.

На слѣдующій же день, съ самаго ранняго утра, въ кочевкѣ Барлыбая шли суетливыя приготовленія къ встрѣчѣ ожидавшихся гостей. Рѣзали барановъ и жеребятъ, варили ихъ мясо въ котлахъ и жарили въ горячей золѣ, такъ что дымъ поднимался къ небу отъ многочисленныхъ костровъ.

Уже начиная съ полдёнъ третьяго дня по рожденіи наслѣдника, стали съѣзжаться отовсюду гости, которыхъ радушный хозяинъ встрѣчалъ съ неизмѣнной добродушной улыбкой на своемъ широкомъ лицѣ и провожалъ ихъ въ заранѣе приготовленныя для нихъ кибитки. Тамъ гостей ожидали кумысъ, горячій пилавъ (особеннымъ образомъ приготовленная баранина съ рисомъ), разные сушеные фрукты и проч.

А вечеромъ въ тотъ же день состоялась столь любимая у киргизъ *байга* *), безъ которой не обходится ни одинъ крупный праздникъ, при чемъ побѣдителямъ раздавались въ

*) Лошадиныя скачки на призы.



Пирующіе киргизы.

награду разные подарки, начиная съ барановъ и шелковыхъ халатовъ и кончая пригоршнями пряниковъ, мелкаго изюма и другихъ сладостей. Кромѣ того, пріѣзжіе развлекались борьбой, состязаніемъ въ бѣгахъ взапуски, пѣніемъ и другими увеселеніями.

А маленькій новорожденный, виновникъ этого торжества, лежалъ въ это время въ своей люлькѣ, обвѣшенный разными талисманами, которые должны были охранять его отъ дурного глаза. По понятіямъ киргизовъ, всякія болѣзни происходятъ отъ дурного глаза и предохранить отъ него могутъ только талисманы, а излѣчить разные заговоры, которыхъ каждая старая киргизка знаетъ сколько угодно.

Наконецъ, гости разъѣхались, и въ кочевкѣ Барлыбая все вошло въ прежнюю обычную колею и потекла прежняя мирная жизнь.

На сороковой день по рожденіи новаго члена семьи былъ приглашенъ изъ сосѣдняго аула мулла, т. е. священникъ, который совершилъ надъ новорожденнымъ какіе полагались обряды и назвалъ его Якубомъ. По этому случаю снова были приглашены гости, и снова было устроено пиршество.

Мать малютки быстро оправилась и чувствовала себя вполнѣ счастливой.

И началъ маленькій Якубъ расти на привольномъ степномъ воздухѣ, обвѣваемый ласками матери, отца, дѣда, маленькой сестренки и всѣхъ окружающихъ.

II.

Къ осени Барлыбай обыкновенно перекочевывалъ со своими стадами на югъ, поближе къ теплымъ странамъ. Киргизы — что перелетныя птицы. Ранней весной они тянутся къ сѣверу, а на зиму ихъ стада, составляющія все ихъ богатство, требуютъ подножнаго корма, котораго достать на сѣверѣ, подъ толстымъ снѣжнымъ покровомъ, трудно; по этому они по необходимости должны гнать ихъ въ такія страны, гдѣ скотъ зимою можетъ оставаться на подножномъ корму. Но на дальнемъ югѣ, гдѣ обыкновенно находятся зимнія кочевки киргизовъ, лѣтомъ, въ свою очередь, все высыхаетъ и не бываетъ ни воды, ни кормовъ, и киргизамъ вновь приходится перекочевывать на сѣверъ. Обыкновенно каждый киргизскій родъ имѣетъ свой округъ кочеванія и свои мѣста остановокъ.

На этотъ разъ Барлыбай думалъ провести остатокъ лѣта на рѣкѣ Иргизѣ, а на зиму перекочевать къ озеру Балкашу. И вотъ, когда, посовѣтовавшись со своими сородичами, онъ назначилъ день для выступленія, вся кочевка пришла въ движеніе. Всѣ съ радостными лицами только и говорили о предстоящемъ путешествіи. Перекочевки для киргизовъ являются самымъ веселымъ временемъ, настоящимъ праздникомъ, въ особенности для молодежи.

Съ самаго утра на слѣдующій же день закипѣла работа; приготовлялись къ предстоящему путешествію. Путь предстоялъ не малый; нужно было сдѣлать около пятисотъ верстъ.

Сняться съ мѣста и отправиться въ путь со всѣмъ своимъ имуществомъ и жилищами для киргизовъ ничего не стоитъ. Основу ихъ переносныхъ кибитокъ, или юртъ, составляютъ куполообразныя, складныя, деревянныя рѣшетки изъ тонкихъ деревянныхъ жердей, связанныхъ ремнями. Эти рѣшетки обтягиваютъ кошмами, т. е. войлоками, оставляя круг-

лое отверстіе вверху для прохода дыма отъ костра, который въ холодное время разводится на землѣ среди кибитки. Дверь въ кибитку также завѣшивается кошмой, а полъ устилается или тоже кошмами, или у болѣе зажиточныхъ коврами. Мебелью служатъ сундуки и тюки съ имуществомъ. Установка и разборка такой кибитки, при навыкѣ киргизскихъ женщинъ, которыя этимъ завѣдуютъ, требуютъ не болѣе 15—20 минутъ.

Когда все было упаковано и приготовлено, начали вьючить верблюдовъ и лошадей. Затѣмъ мужчины и женщины нарядились въ свои лучшія праздничныя одежды, обрядили также и своихъ ребятишекъ, бѣгавшихъ до сихъ поръ по большей части совершенно голыми, и караванъ выступилъ въ путь. Впереди верхомъ на степномъ скакунѣ ѣхала, по обычаю, жена хозяина кочевки. За Назипою старуха-нянька везла на верблюдѣ маленькаго Якуба. Далѣе слѣдовалъ верблюдъ съ пятилѣтней сестренкой Якуба Гафсой, сидѣвшей въ особо устроенномъ между двухъ горбовъ верблюда кожаномъ мѣшкѣ, свѣсившемся въ одну сторону, тогда какъ съ другой стороны помѣщалась старая родственница Барлыбая, нянька Гафсы. За ними, вытянувшись въ нитку, гуськомъ другъ за другомъ слѣдовали другіе верблюды, нагруженные женами и дѣтьми домашнихъ Барлыбая. По сторонамъ каравана ѣхали верхами на коняхъ мужчины, вооруженные кто пикою съ длиннымъ тонкимъ древкомъ, кто шашкою, кто ружьемъ, пріобрѣтенными у русскихъ. Кромѣ того, у каждаго наѣздника имѣлась въ рукахъ толстая, сплетенная изъ ремней нагайка, предста-



Киргизскій станъ.

влявшая собою тоже довольно сильное оружіе, такъ какъ ударомъ ею по головѣ можно свалить не только человѣка, но даже волка...

Мужчины часто удалялись отъ каравана въ стороны, гоняясь за зайцами и степными волками или охотясь за другими звѣрями и степною птицею. Позади каравана пастухи гнали многочисленныя стада Барлыбая.

Длина переходовъ въ день отъ одной стоянки до другой была не одинакова и зависѣла отъ разстояній другъ отъ друга колодцевъ и водоемовъ съ прѣсной водой, о существованіи которыхъ часто знали одни только киргизы. Здѣсь останавливались на ночлегъ и отдыхъ, а на слѣдующій день, запасшись свѣжею водою, шли дальше. Въ наиболѣе живописныхъ и удобныхъ для пастьбы скота мѣстахъ останавливались на болѣе продолжительный срокъ, и время перекочевки летѣло такимъ образомъ незамѣтно и весело.

Достигнувъ р. Иргиза, гдѣ оказалось еще достаточно корма для скота, Барлыбай рѣшилъ провести на этой рѣкѣ остатокъ лѣта, а къ зимѣ снова снялся съ мѣста и перекочевалъ къ Аральскому морю.

И такъ изъ года въ годъ совершалъ онъ свои перекочевки по тѣмъ же самымъ мѣстамъ.

III.

Маленькій Якубъ росъ здоровымъ и крѣпкимъ ребенкомъ, и къ концу третьяго года его уже начали пріучать къ верховой ѣздѣ, сначала устраивая для этого на сѣдлѣ особый ящикъ. Но къ пяти годамъ онъ уже самостоятельно научился взбираться верхомъ на лошадь и могъ свободно управлять ею безъ всякой помощи и присмотра со стороны старшихъ.

Въ раннемъ дѣтствѣ Якуба неизмѣннымъ товарищемъ его и самою заботливою нянькою была его сестренка Гафса. Она нянчилась съ нимъ, не спускала съ него глазъ и берегла, какъ зѣницу ока. Лѣтомъ и вообще въ теплую погоду она возилась съ нимъ гдѣ-либо поблизости отъ кочевки, среди степи, иногда уходила на берегъ озера или рѣчки, на которой

бывала разбита кочевка, собирала для него разноцвѣтные камушки, пѣла ему пѣсенки, которыхъ каждая киргизка знаетъ очень много. Киргизы любятъ пѣсни. Пѣсенные напѣвы у нихъ весьма разнообразны и интересны: недаромъ у киргизовъ сложилось такое преданіе о пѣснѣ: нѣкогда пѣсня летала надъ землей, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она низко проносилась, люди выучились хорошо пѣть, а такъ какъ она пролетала всего ниже надъ кочевьями киргизовъ, то киргизы и сдѣлались самыми первыми пѣсенниками въ мірѣ.

Когда Якубъ подросъ и научился самостоятельно ѣздить верхомъ, Гафса тоже не отставала отъ него и нерѣдко сопровождала его въ его прогулкахъ по степи. И степь на большое разстояніе отъ кочевки обыкновенно бывала изучена ими до мелочей. Вмѣстѣ со своими сверстниками они по цѣлымъ днямъ рыскали по ней, отыскивая яйца степныхъ птицъ, ловя мелкихъ степныхъ звѣрьковъ и проч.

Въ семь лѣтъ Якубъ былъ уже настоящимъ джигитомъ (наѣздникомъ) и умѣлъ ловко справляться даже съ мало обученными для верховой ѣзды лошадьми. Случалось, что во время байги отецъ сажалъ его на скаковую лошадь, какъ наиболѣе легкаго наѣздника, и Якубъ не одинъ разъ уже выигрывалъ крупные призы.

Отецъ гордился своимъ единственнымъ сыномъ и, надо правду сказать, было чѣмъ. Якубъ росъ смышленымъ, бойкимъ, веселымъ и любознательнымъ мальчикомъ и былъ любимцевъ не одного своего отца, но и всѣхъ окружавшихъ. Что же касается матери, то она души въ немъ не чаяла.

Но въ особенности нѣжную привязанность питалъ къ своему внуку старый Тулекъ, любившій возиться съ нимъ не менѣе Гафсы. И на любовь своего дѣда внукъ отвѣчалъ такой же привязанностью. Въ особенности онъ любилъ слушать разсказы своего дѣда про старину и про то, что видѣлъ и слышалъ на своемъ вѣку старый Тулекъ.

Дѣдъ помнилъ еще то время, когда киргизы были независимыми, и часто любилъ вспоминать про свободную жизнь своего народа, которая годъ отъ году становилась все болѣе и болѣе трудной и стѣсняемой русскими.

— Дѣдушка, да чѣмъ же лучше жилось киргизамъ въ прежнее время? Вѣдь и теперь они живутъ не худо? спрашивалъ иногда у дѣда маленькій Якубъ.

— Что ты, дитя? Прежде мы были свободны, какъ вѣтеръ, кочевали, гдѣ хотѣли, и никто не могъ намъ положить никакого запрета. А теперь насъ русскіе тѣснятъ со всѣхъ сторонъ. Народъ нашъ обѣднѣлъ, богатыхъ киргизовъ стало совсѣмъ мало, прежніе табуны скота исчезли, богачи превратились въ байгушей (бездомныхъ). Русскіе все больше и больше отнимаютъ у насъ наши родныя степи и заселяютъ ихъ своими переселенцами; кочевать киргизамъ становится негдѣ. Обида отъ русскихъ чиновниковъ повсюду. Правды у нихъ не найти. Имъ давай только взятки да подарки. Кто больше дастъ, тотъ и правъ. И жаловаться на нихъ некому.

— Такъ почему же киргизы позволяютъ русскимъ все это? спросилъ Якубъ.

— Потому что сила на ихъ сторонѣ. Ничего съ ними не подѣлаешь.

— Да развѣ киргизовъ мало? Вѣдь ты самъ же говорилъ, что киргизовъ безчисленное множество, что они, какъ песокъ морской, разносимый вѣтромъ на безпредѣльныя пространства.

— Это правда, что киргизовъ много, да не умѣли они жить между собою дружно, постоянно враждовали и этимъ себя обезсиливали. А русскіе этой братоубійственной враждой и рознью ихъ воспользовались и подчинили ихъ своей власти.

— Но развѣ киргизы не могли бы теперь всѣ сговориться, чтобы сообща прогнать изъ степи русскихъ?

— Трудно, мой милый, это сдѣлать. У русскихъ много войскъ, обученныхъ всякимъ военнымъ хитростямъ и вооруженныхъ пушками и скорострѣльными ружьями.

— Почему же киргизы не могутъ завести себѣ пушекъ и такихъ же ружей?

— Дорого все это стоитъ. Да и русскіе не позволятъ теперь заводить киргизамъ постояннаго войска.

— А какъ они объ этомъ узнаютъ? Вѣдь степь-то велика, а русскихъ въ ней что-то и совсѣмъ не видать.

— Они все знаютъ. У нихъ вездѣ есть свои люди, да и среди нашихъ киргизовъ есть много предателей. И чуть если гдѣ что заведется, они все сейчасъ же узнаютъ по желѣзной проволокѣ, которая, ты вѣдь видѣлъ, растянулась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по степи на столбахъ.

— Какъ же это они узнаютъ по проволокѣ-то? заинтересовался Якубъ.

— Хитрая, братъ, это штука, отвѣтилъ дѣдъ, а вотъ они умѣютъ какъ-то дѣлать такъ, что узнаютъ. А кромѣ того, у нихъ есть желѣзныя дороги, которыя теперь тоже проведены по степи; и чуть что случись, они сейчасъ же по этой дорогѣ направятъ свои войска, и ничего съ ними не подѣлаешь.

— А что это такое, дѣдушка, желѣзная дорога?

— А это такая дорога, по которой ѣздятъ не на лошадяхъ, а какъ-то дѣлаютъ такъ, что паръ тянетъ за собой громадные сундуки съ окнами, каждый сундукъ больше нашей кибитки, а такихъ сундуковъ сразу ѣдутъ цѣлые десятки, и въ нихъ перевозятъ людей, скотъ, пушки и всякіе товары и припасы.

— И быстро такіе сундуки тащатся?

— Что ты! Ни одинъ степной скакунъ не угонится! Въ сутки можно сдѣлать верстъ 500, а то и больше, и ѣхать можно и днемъ и ночью.

Мальчикъ задумался. Разсказы дѣда о русскихъ, и притѣсненіяхъ, чинимыхъ ими киргизамъ, объ ихъ телеграфахъ и желѣзныхъ дорогахъ, по которымъ движутся быстрѣе лошади цѣлые дома, произвели на него большое впечатлѣніе.

— Почему же сами киргизы не могутъ провести для себя такія же проволоки и желѣзныя дороги? сталъ допытываться онъ.

— Мудреная это штука. Чтобы умѣть это дѣлать, надо много знать! отвѣтилъ дѣдъ.

— Да развѣ русскіе умнѣе киргизовъ? не унимался внукъ. Развѣ киргизы не могли бы также научиться всему этому?

— Умнѣе не умнѣе, да негдѣ киргизамъ всему этому

обучиться. У русскихъ есть большіе города, въ которыхъ есть всякія школы, гдѣ можно всему обучаться; а у насъ въ степи ничего этого нѣтъ.

— А развѣ русскіе не пускаютъ киргизовъ въ свои школы?

— Отчего не пускаютъ! И наши тамъ тоже могутъ учиться. Да только дорого это ученье-то стоитъ, и могутъ учиться только дѣти богатыхъ родителей.

— Я буду просить отца, чтобы онъ отпустилъ меня въ русскую школу. А потомъ, когда выучусь въ ней всему и узнаю, какъ строятъ желѣзныя дороги и разговариваютъ по проволокѣ, я самъ буду проводить ихъ по нашимъ степямъ, и тогда мы станемъ снова свободнымъ народомъ и не позволимъ русскимъ издѣваться надъ собой.

Дѣдъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на своего маленькаго внука, и чувство гордости заблистало въ его старческихъ глазахъ.

— Молодецъ ты у меня! сказалъ онъ. Это правда, что сражаться съ русскими можно только тѣмъ же оружіемъ, которымъ владѣютъ они сами. Только знаніе можетъ помочь киргизамъ во всѣхъ ихъ напастяхъ. Просись у отца въ русскую школу, а я буду поддерживать твою просьбу.

Разсказы стараго Тулека воспламенили умъ маленькаго киргиза, и онъ съ этихъ поръ началъ грезить о томъ, чтобы поступить въ русскую школу и узнать все, что знаютъ русскіе, а потомъ воспользоваться своими знаніями для того, чтобы помочь своему народу освободиться отъ власти русскихъ.

Барлыбай, какъ умный и бывалый киргизъ, тоже ничего не имѣлъ противъ поступленія своего сына въ русскую школу. Его самолюбію льстило то, что его сынъ будетъ ученымъ и знатнымъ человѣкомъ. Среди киргизовъ въ степи въ послѣдніе годы уже нерѣдкость встрѣтить такихъ, которые получили высшее, университетское образованіе и живутъ тамъ въ качествѣ докторовъ, судебныхъ слѣдователей, адвокатовъ, учителей и проч. Стремленіе къ ученію дѣтей въ русскихъ школахъ у киргизовъ съ каждымъ годомъ растетъ все болѣе и болѣе. Они уже начинаютъ ясно понимать, что

только наука и образованіе могутъ помочь имъ выйти изъ того бѣдственнаго и угнетеннаго положенія, въ какомъ они находятся въ настоящее время.

Одна только Назипа ничего не хотѣла слышать о разлукѣ со своимъ сыномъ.

— Вѣдь выдумалъ же старый соблазнять мальчика! ворчала она, когда Тулекъ заводилъ рѣчь о томъ, чтобы отдать Якуба въ русскую школу. Какъ



Киргизская молодежь.

же онъ будетъ жить одинъ у чужихъ людей, которые и говорить-то по нашему не умѣютъ?

— Ничего, найдемъ какого-нибудь знакомаго киргиза въ городѣ, у котораго и помѣстимъ Якуба. Развѣ мало у меня знакомыхъ киргизскихъ купцовъ въ Вѣрномъ, или Оренбургѣ, или Троицкѣ? Вѣдь вонъ у султана Сейдолина сынишка учится въ Оренбургской гимназіи! И вѣдь какая на немъ одежда съ серебряными свѣтлыми пуговицами, какъ у настоящаго тюря! *) И нашъ Якубъ будетъ ходить въ такой же одеждѣ.

*) Какъ у чиновника.

Назипа мало-по-малу начала свыкаться съ мыслью о разлукѣ съ сыномъ, и въ своихъ мечтахъ видѣла его важнымъ чиновникомъ, въ шитомъ золотомъ кафтанѣ, на лихомъ конѣ разъѣзжающимъ по степи, гдѣ всѣ ему кланяются и встрѣчаютъ его съ необычайнымъ почетомъ и уваженіемъ.

IV.

Тулекъ зналъ киргизскую грамоту и умѣлъ немного говорить по-русски. И вотъ въ долгіе зимніе вечера онъ началъ обучать своего маленькаго внука, стараясь передать ему всѣ тѣ немногія знанія, которыми обладалъ самъ. Якубъ былъ способный и понятливый мальчикъ, и къ десяти годамъ онъ могъ уже свободно читать и писать по киргизски и довольно бѣгло болтать по-русски.



Киргизская школа.

Если случалось, что кочевка ихъ находилась недалеко отъ русскаго города или русской деревушки, то Тулекъ нерѣдко вмѣстѣ со своимъ внукомъ, осѣдлавъ лошадей, отправлялись къ русскимъ. Дѣдъ показывалъ при этомъ Якубу разныя городскія достопримѣчательности и такимъ образомъ постепенно знакомилъ его съ русской жизнью и въ разговорахъ съ русскими доставлялъ ему случай практиковаться въ русскомъ языкѣ.

Но Тулекъ былъ старикъ уже почтеннаго возраста; ему было давно за семьдесятъ лѣтъ, и здоровье начало частенько

измѣнять ему. Однажды, когда они кочевали около Аральскаго моря, въ зимнюю холодную пору, онъ простудился и окончательно слегъ въ постель. Внукъ во время болѣзни не отходилъ отъ него, но помочь ему не могъ. Старый Тулекъ умеръ. Горю Якуба не было предѣловъ. Онъ потерялъ въ своемъ любимомъ дѣдѣ не только учителя, но и своего вѣрнаго друга, который всегда умѣлъ понять маленькія горести и радости своего внука и приходить къ нему на помощь. Барлыбай и Назипа тоже казались безутѣшными. Назипа рвала на себѣ волосы, а Барлыбай отъ горя въ кровь исцарапалъ себѣ лицо. Родственники и въ особенности родственницы голосили на всѣ лады, восхваляя достоинство и доброту покойнаго дѣда Тулека. Это горе, такъ убивавшее родителей и родственниковъ Якуба, тяжелымъ камнемъ ложилось на его отзывчивую душу.



Киргизы на молитвѣ.

По киргизскому обычаю, покойника должны были похоронить въ тотъ же день, какъ онъ померъ, потому что душа умершаго, по вѣрованію киргизовъ, до преданія тѣла землѣ не можетъ имѣть мѣста на небѣ. Такъ какъ по близости не оказалось муллы, то его обязанности при погребеніи исполнялъ одинъ грамотный киргизъ. Въ степи, на видномъ мѣстѣ, возлѣ большой караванной дороги была вырыта могила. Передъ тѣмъ, какъ нести тѣло почившаго для преданія его землѣ, совершавшій обрядъ погребенія киргизъ прочиталъ надъ нимъ молитву и, обратившись къ присутствующимъ, спросилъ:

— Скажите, каковъ былъ покойникъ при жизни?

На это всѣ въ одинъ голосъ отвѣтили:

— Прекрасный былъ человѣкъ!

Послѣ этого Барлыбай привелъ любимаго верблюда Тулека, на которомъ тотъ въ послѣдніе годы совершалъ свои перекочевки, перекинулъ поводъ верблюда черезъ трупъ умершаго и трижды спросилъ у совершавшаго обрядъ киргиза:

— Берешь ли ты на себя всѣ грѣхи умершаго?

И когда тотъ три раза отвѣтилъ утвердительно, онъ передалъ ему въ даръ верблюда Тулека.

Затѣмъ покойника понесли на могилу, въ которой помѣстили его въ сидячемъ положеніи, лицомъ къ священному городу магометанъ Меккѣ, и засыпали землей.

Надъ могилою былъ поставленъ памятникъ изъ камней и глины, въ видѣ небольшой часовенки. Этотъ памятникъ, находившійся при большой дорогѣ, по которой обыкновенно слѣдовали караваны, направлявшіеся изъ Бухары къ Оренбургу, далеко виднѣлся съ дороги, оживляя собою безбрежную, повсюду одинаковую степь.

Черезъ сорокъ дней послѣ смерти стараго Тулека по немъ были справлены поминки, на которыя были приглашены всѣ окрестные киргизы. Поминки сопровождались, по обыкновенію, байгой, борьбой и разными другими увеселеніями.

Не чувствовалъ себя весело одинъ только маленькій Якубъ. Въ день поминокъ онъ съ самаго утра ушелъ на могилу своего дѣда и пробылъ тамъ до глубокаго вечера, мысленно бесѣдуя со своимъ старымъ учителемъ и другомъ.

Тяжело было разставаться Якубу съ могилою любимаго дѣда, когда пришло время перекочевывать далѣе, но дѣлать было нечего. Долго еще онъ оглядывался назадъ, когда тронулся ихъ караванъ въ путь, и со слезами на глазахъ смотрѣлъ на памятникъ, стоявшій на дорогой для него могилѣ; но мало-по-малу этотъ памятникъ сталъ скрываться у него изъ вида и, наконецъ, исчезъ.

Грустной казалась на этотъ разъ перекочевка маленькому Якубу. Онъ чувствовалъ, какъ ему не доставало его стараго, любимаго дѣда, который, бывало, всегда умѣлъ разсказать о какомъ-либо происшествіи или событіи по поводу чуть не всякой остановки у какого-нибудь колодца, или рѣчки, или озера.

Степь въ его разсказахъ, казалось, оживала передъ глазами внука, и каждый холмикъ, каждый курганъ непремѣнно что-либо говорилъ его воображенію. А теперь некому было разсказывать Якубу про бывшія дѣла степи. Отецъ былъ занятъ совсѣмъ другимъ дѣломъ, и ему некогда было возиться со своимъ сыномъ, а мать знала о степи не болѣе, чѣмъ самъ Якубъ, и время проходило для него скучно и однообразно. Правда, онъ старался развлекаться играми и забавами со своими сверстниками, но все это уже было не то.

V.

На слѣдующую зиму послѣ смерти Тулека Барлыбай разбилъ свою кочевку въ мѣстности, называемой Большіе Барсуки. Эта мѣстность находится къ югу отъ Мугоджарскихъ горъ, составляющихъ продолженіе Уральскаго хребта, и представляетъ превосходныя зимнія стойбища для киргизскихъ кочевокъ. Колодцы здѣсь не глубоки, вода въ нихъ прѣсная, свѣжая и въ достаточномъ количествѣ; подножнаго корма для скота въ изобиліи и, кромѣ того, много кустарника для топлива, въ особенности такъ называемаго *саксаула*. Саксаулъ очень любопытное растеніе. Ростъ его рѣдко бываетъ болѣе двухъ саженъ; его чешуйчатые листья похожи на хвою и не даютъ почти никакой тѣни; кривой стволъ не годится для построекъ, тѣмъ болѣе, что это дерево такъ плотно, что его не беретъ ни топоръ, ни пила; оно плотнѣе воды и тонетъ въ ней. Къ тому же оно такъ хрупко, что при ударѣ обрубкомъ его о землю или обухомъ топора по его стволу разбивается на куски. При гореніи оно даетъ много жара, и угли его тлѣютъ чрезвычайно долго, что очень важно для кочующихъ зимою въ степи киргизовъ, гдѣ необходимаго топлива вообще мало.

У Якуба въ это время была уже своя собственная лошадь, подаренная ему отцомъ. Это былъ прекрасный степной скакунъ, на которомъ онъ ѣздилъ навѣщать пасшіяся въ степи стада, отъѣзжая иногда отъ кочевки на очень большое разстояніе; окружающую степь онъ изучилъ прекрасно и не боялся заблудиться.

Однажды онъ предпринялъ довольно отдаленную поѣздку. Его вниманіе давно уже привлекалъ виднѣвшійся вдали холмъ, на которомъ ему хотѣлось побывать. И вотъ, выбравъ хорошій денекъ, онъ съ утра, запасшись на дорогу кускомъ баранины, отправился по направленію къ этому холму съ цѣлью взобраться на его вершину и посмотрѣть, что находится тамъ, за нимъ. Въѣхавъ на вершину, онъ увидалъ чью-то другую кочевку, разбитую у подошвы холма съ противоположной его стороны, а вдали пасшіеся табуны лошадей. Съ любопытствомъ разсматривая окрестности, онъ случайно замѣтилъ нѣсколько всадниковъ, кравшихся вдоль ложбины къ одному изъ табуновъ, несомнѣнно принадлежавшихъ хозяину замѣченной имъ кочевки. Онъ началъ слѣдить глазами, недоумѣвая, кто бы могли быть эти всадники, и почему они не ѣдутъ открыто по степи, а прокрадываются какимъ-то воровскимъ манеромъ. И вдругъ ему припомнились разсказы, что въ этой мѣстности нерѣдко бродятъ степные воры изъ племени чаудоровъ, занимающіеся угономъ скота у мирныхъ киргизовъ. Подозрительные всадники тѣмъ временемъ все ближе и ближе подвигались къ лошадиному табуну, не замѣчаемые пастухами, которые мирно спали, пригрѣтые солнышкомъ, въ сторонкѣ. И вдругъ, улучивъ удобный моментъ, конокрады выскочили изъ своей засады и съ гикомъ бросились и погнали передъ собой перепуганный ихъ внезапнымъ нападеніемъ табунъ лошадей вглубь степи.

Якубъ, сообразивъ, въ чемъ дѣло, ударилъ своего коня, гикнулъ и помчался къ виднѣвшейся подъ горой кочевкѣ, чтобы предупредить хозяевъ объ угонѣ ихъ лошадей степными хищниками. Тамъ онъ наскоро разсказалъ, что видѣлъ, и тотчасъ же вся кочевка была на ногахъ; мужчины, вооружившись, кто чѣмъ могъ, вскочили на коней и бросились въ погоню за конокрадами. Они скоро ихъ догнали и отбили у нихъ табунъ, хотя сами двуногіе хищники успѣли скрыться отъ преслѣдованія.

Маленькій Якубъ былъ тутъ же и съ любопытствомъ слѣдилъ за тѣмъ, чѣмъ все это кончится. Когда киргизы возращались обратно, хозяинъ кочевки, старый Хабибулла, вспомнилъ о маленькомъ вѣстникѣ и, замѣтивъ его въ

числѣ другихъ киргизовъ, подъѣхалъ къ нему и ласково спросилъ:

— Ты чей, мальчикъ?

Якубъ отвѣтилъ, что онъ сынъ Барлыбая, кочевка котораго находится на противоположной сторонѣ этой горы, за нѣсколько верстъ отъ нея.

Хабибулла обласкалъ маленькаго киргиза и пригласилъ его въ свою кибитку, гдѣ познакомилъ со всѣми своими домашними.

VI.

Хабибулла всего нѣсколько дней тому назадъ разбилъ въ этой мѣстности свою кочевку. Это былъ богатый караванъ-баши*). Кромѣ многочисленныхъ стадъ лошадей и овецъ, у него было нѣсколько сотъ верблюдовъ, на которыхъ онъ велъ мѣновую торговлю между Бухарой и г. Троицкомъ. Каждую весну Хабибулла набиралъ у бухарскихъ купцовъ разныхъ товаровъ, состоящихъ преимущественно изъ того, что давала природа этого ханства: изюмъ, урюкъ (абрикосы), кишмишъ (мелкій изюмъ), грецкіе орѣхи, шерсть, хлопокъ и проч., и отвозилъ ихъ на мѣновой дворъ въ г. Троицкъ, гдѣ распродавалъ свои товары, а подъ осень возвращался обратно въ Бухару съ партіей другихъ русскихъ товаровъ. Кромѣ того, онъ доставлялъ въ Россію гурты овецъ и табуны лошадей. Остатокъ же осени и зиму, свободные отъ торговли, онъ кочевалъ около Аральскаго моря.

Въ семействѣ Хабибуллы было двѣ жены, у каждой изъ которыхъ было по нѣскольку дѣтей. Дочери были уже замужемъ, а изъ сыновей только одинъ младшій, Ахметъ, оставался еще не женатымъ и жилъ съ отцомъ. Ахметъ былъ любимцемъ отца, и Хабибулла предполагалъ было сдѣлать изъ него „тюря“, для чего отдавалъ его учиться въ Троицкую гимназію, но мечтамъ стараго Хабибуллы не суждено было исполниться; Ахметъ учился прекрасно, но, когда онъ былъ уже въ шестомъ классѣ, у него произошло какое-то недора-

*) Хозяинъ торговаго каравана.

зумѣніе съ начальствомъ гимназіи, и Ахмету пришлось опять вернуться къ отцовскимъ кибиткамъ.

Съ тѣхъ поръ Ахметъ занялся торговыми дѣлами своего отца. Какъ развитой и начитанный человѣкъ, онъ интересовался судьбою своего народа, исторію котораго хорошо изучилъ и понималъ, почему караванная торговля въ степи все болѣе и болѣе падаетъ. Онъ увѣрялъ своего отца, что главная причина уменьшенія торговыхъ оборотовъ — это Закаспійская желѣзная дорога, проведенная отъ Каспійскаго моря до самой Бухары. Она отняла отъ киргизскихъ караванъ-баши большое количество товарныхъ грузовъ и направила ихъ другимъ путемъ. Онъ доказывалъ, что съ проведеніемъ строившейся тогда Сибирской желѣзной дороги перевозка на верблюдахъ товарныхъ грузовъ сдѣлается еще болѣе невыгодной, а потому совѣтовалъ своему отцу бросить прежній способъ торговли и перемѣнить его на новый; онъ предлагалъ ему поселиться осѣдло въ Ташкентѣ или въ Самаркандѣ и продолжать торговлю, отправляя товары по желѣзной дорогѣ въ Россію.

Хабибуллѣ доводы сына казались убѣдительными. Онъ и самъ видѣлъ, что караванная торговля съ каждымъ годомъ становится все болѣе и болѣе невыгодной и что надо что-нибудь предпринять для того, чтобы окончательно не разориться. Но онъ былъ уже старъ, и пускаться на старости лѣтъ въ новое, неизвѣстное дѣло ему казалось и труднымъ, и безпокойнымъ.

— Погоди, Ахметъ, говорилъ онъ въ отвѣтъ на совѣты своего сына; вотъ женимъ тебя, обзаведешься своей семьей, тогда я тебя выдѣлю, тамъ поступай, какъ самъ знаешь. Мнѣ же подъ старость пріучаться къ веденію новыхъ торговыхъ оборотовъ не съ руки!

Однако, онъ уже приглядѣлъ и сторговалъ въ Самаркандѣ подходящій домъ для своего сына, и дѣло стояло только за женитьбой Ахмета. У киргизовъ обыкновенно браки заключаются не по взаимному желанію и склонности жениха и невѣсты, а по волѣ и выбору ихъ родителей или, если нѣтъ родителей, то старшихъ въ родѣ. Киргизы смотрятъ на бракъ, какъ на связь между двумя семействами, къ которымъ бра-

чущіеся принадлежать. Поэтому часто случается, что будущіе женихъ и невѣста еще въ колыбели лежатъ, а ихъ отцы уже о свадьбѣ ихъ между собою договариваются. Главное вниманіе обращается на то, чтобы по своему достатку будущіе мужъ и жена были подходящи другъ къ другу.

Но Хабибулла не хотѣлъ принуждать своего сына и предоставилъ ему самому выбирать себѣ жену, какую тотъ хочетъ, по сердцу. Подъ вліяніемъ частыхъ сношеній съ русскими старые обычаи киргизовъ мало-по-малу, въ особенности въ послѣднее время, стали сильно измѣнятся. Хабибулла, впрочемъ, предлагалъ сыну много невѣстъ, но тотъ все медлилъ, говоря, что жениться онъ всегда успѣетъ.

Можно себѣ представить радость маленькаго Якуба, когда онъ, познакомившись съ Ахметомъ, узналъ, что тотъ хорошо умѣетъ говорить по-русски и даже обучался въ русской гимназіи, о которой Якубъ продолжалъ грезить на яву и во снѣ. Онъ засыпалъ Ахмета вопросами, желая подробно разузнать, какъ и чему обучаютъ въ русскихъ школахъ, сколько лѣтъ учатся, строги ли учителя, какъ относятся къ киргизскимъ мальчикамъ русскіе школьники, не обижаютъ ли ихъ и проч., и проч. Ахметъ подробно отвѣчалъ на всѣ эти вопросы, одобрилъ желаніе Якуба учиться въ русской школѣ и успокоилъ его, что бояться русскихъ школьниковъ ему нечего, что въ русскихъ школахъ учителя относятся совершенно одинаково какъ къ киргизскимъ ученикамъ, такъ и къ русскимъ.

Маленькій Якубъ своею бойкостью и смышленостью чрезвычайно понравился Хабибуллѣ и его семейству, а за то, что онъ предупредилъ объ угрожавшей ихъ лошадямъ опасности, они не знали, какъ и обласкать его. Впрочемъ, это не помѣшало предусмотрительному Хабибуллѣ незамѣтно выспросить у Якуба, кто его отецъ, чѣмъ занимается, много ли у него скота, изъ кого состоитъ семья и проч. Узнавъ, что мальчикъ — сынъ довольно богатыхъ родителей, Хабибулла рѣшилъ свести знакомство съ его отцомъ.

Такъ какъ наступила уже ночь и возвращаться домой Якубу одному было небезопасно, а оставлять его ночевать неудобно,—родители его могли бы безпокоиться,—то Хаби-

булла велѣлъ Ахмету проводить гостя, причемъ послалъ съ нимъ въ подарокъ отцу Якуба дорогой персидскій коверъ въ благодарность за услугу, оказанную его маленькимъ сыномъ.

VII.

Между тѣмъ родители Якуба дѣйствительно сильно безпокоились, не зная, куда запропалъ мальчикъ. Никогда еще такъ поздно онъ не возвращался домой. Они не знали, что и дѣлать, думая, не случилось ли съ нимъ какого-либо несчастья. Когда совсѣмъ смерклось, Барлыбай разослалъ во всѣ стороны гонцовъ разыскивать своего пропавшаго сына.

Была уже глубокая ночь, когда Якубъ съ Ахметомъ подъѣзжали къ кочевкѣ Барлыбая.

— Гдѣ это ты такъ долго пропадалъ? Вотъ погоди, отецъ-то дастъ тебѣ жару! бросилась навстрѣчу брату съ упреками Гафса, первая завидѣвшая его.

Но тутъ она замѣтила ѣхавшаго рядомъ съ Якубомъ стройнаго, красиваго Ахмета и, сконфузившись, повернула назадъ въ кибитку, чтобы предупредить отца съ матерью, что вмѣстѣ съ Якубомъ пріѣхалъ какой-то молодой, знатный, судя по одеждѣ, незнакомецъ.

Барлыбай вышелъ навстрѣчу пріѣзжимъ и, протягивая въ знакъ привѣтствія, по киргизскому обычаю, обѣ руки ладонями вмѣстѣ Ахмету, пригласилъ его къ себѣ въ палатку, какъ гостя.

Ахметъ слѣзъ съ лошади, вошелъ въ кибитку и, познакомившись съ хозяевами, разсказалъ имъ, почему запоздалъ Якубъ, и какую великую услугу онъ оказалъ ихъ кочевкѣ, а въ заключеніе своего разсказа онъ просилъ не отказать въ чести принять въ знакъ благодарности посланный его отцомъ подарокъ.

Выслушавъ разсказъ Ахмета, Барлыбай съ гордостью посмотрѣлъ на своего сына, и у него прошла всякая тѣнь неудовольствія на то, что своимъ долгимъ отсутствіемъ онъ причинилъ имъ съ матерью столько безпокойства. Онъ принялъ подарокъ и выразилъ надежду и желаніе, что, какъ со-

сѣди по кочевкѣ, они скоро сдѣлаются хорошими пріятелями съ его отцомъ.

Хотя было очень поздно, но, по киргизскому обычаю, Барлыбай тотчасъ же велѣлъ зарѣзать барана, пригласилъ своихъ сосѣдей и устроилъ въ честь пріѣзжаго гостя маленькое пиршество.

Ахметъ своею скромностью, обходительностью и разговорами скоро всѣмъ понравился. Узнавъ, что онъ учился въ русской гимназіи и, стало-быть, долженъ многое знать, киргизы забросали его вопросами и въ особенности стали допытываться, не можетъ ли онъ что-нибудь имъ сообщить насчетъ слуха, ходящаго въ степи, будто русскіе хотятъ совсѣмъ отнять у нихъ ихъ земли для своихъ переселенцевъ.

Ахметъ старался выяснить имъ истинное положеніе киргизскаго народа, насколько онъ самъ его понималъ, и говорилъ, что не однимъ киргизамъ въ послѣднее время приходится плохо, но что и русскому крестьянину живется не слаще, и что какъ у киргизовъ, такъ и у русскихъ крестьянъ одинъ общій врагъ — это невѣжество и темнота, съ которыми можно бороться только грамотностью и просвѣщеніемъ.

Только подъ утро распростился Ахметъ съ гостепріимными хозяевами и отправился домой.

На слѣдующій же день Барлыбай поѣхалъ къ Хабибуллѣ, чтобы поблагодарить его за подарокъ, и скоро между двумя кочевками завязались очень дружескія сношенія.

VIII.

Зачастилъ съ тѣхъ поръ Ахметъ въ кочевку Барлыбая. Онъ вызвался даже учить маленькаго Якуба и приготовить его къ поступленію въ первый классъ гимназіи, на что Барлыбай съ великою благодарностью согласился.

Но не уроки привлекали Ахмета къ кочевкѣ Барлыбая, а влекли его къ ней каріе глазки Гафсы, сильно приглянувшейся молодому киргизу. Гафсѣ въ это время было уже 15 лѣтъ, и изъ маленькой дѣвочки она превратилась въ круглолицую, красивую дѣвушку-невѣсту. Ахметъ не упускалъ

ни одного случая, чтобы встрѣтиться и поговорить съ нею. У киргизовъ не соблюдается, какъ у другихъ мусульманъ, обычай, чтобы женщина закрывала свое лицо отъ мужчинъ и избѣгала ихъ, и Ахметъ скоро узналъ, что за человѣкъ Гафса. Ей Ахметъ тоже понравился, и скоро они стали друзьями.

Родители Ахмета и Гафсы скоро замѣтили взаимную склонность своихъ дѣтей и не препятствовали этому сближенію, такъ какъ большой разницы въ ихъ достаткахъ не было; Хабибулла былъ нѣсколько богаче Барлыбая, но это не могло мѣшать тому, чтобы обѣ семьи связали себя родствомъ.

Наконецъ, Ахметъ объявилъ своему отцу, что онъ нашелъ себѣ невѣсту по сердцу и попросилъ его посватать за него Гафсу. Тогда Хабибулла, выждавъ удобный случай, завелъ съ Барлыбаемъ разговоръ, что вотъ-де у нихъ дѣти, и что дочь Барлыбая сильно нравится его сыну, Ахмету, и, какъ онъ, Барлыбай, на это смотритъ. Барлыбай отвѣтилъ, что пути Божіи неисповѣдимы, и что если Аллаху будетъ угодно, то ничто не помѣшаетъ ихъ дѣтямъ сдѣлаться мужемъ и женой. Изъ этого отвѣта Хабибулла заключилъ, что, значитъ, Гафса никому не обѣщана и, слѣдовательно, нѣтъ никакихъ препятствій къ тому, чтобы начать настоящее сватовство.

Однажды Якубъ со своими товарищами игралъ неподалеку отъ своей кочевки.

— Глядите, ребята, вѣдь это кто-то къ намъ ѣдетъ! замѣтилъ одинъ мальчикъ, указывая на ѣхавшихъ вдали двухъ всадниковъ, направляющихся къ кочевкѣ Барлыбая.

— Это не изъ нашихъ! сказалъ другой, пристально всматриваясь въ приближавшихся путниковъ.

— Должно быть, гости! вскричалъ Якубъ.

И дѣти гурьбою бросились къ кибиткамъ, чтобы извѣстить старшихъ о прибытіи какихъ-то гостей.

Подъѣхавъ къ кочевкѣ и шагомъ приблизившись къ кибиткѣ Барлыбая, всадники остановились, и одинъ изъ нихъ громко закричалъ:

— Отвѣчай!

Изъ кибитки тотчасъ же вышелъ Барлыбай и, привѣт-

ливо протягивая руки пріѣзжимъ, сталъ приглашать ихъ къ себѣ въ гости откушать хлѣба-соли.

Прибывшіе оказались послами отъ кудаларовъ (сватовъ) Хабибуллы, поручившихъ имъ справиться, угодно ли будетъ Барлыбаю и когда именно принять къ себѣ кудаларовъ для переговоровъ о сватовствѣ его дочери Гафсы за сына Хабибуллы Ахмета.

Хозяева усадили пословъ на почетное мѣсто, угостили бараниной, кумысомъ, разными сластями и отвѣтили, что сегодня они не приготовлены къ встрѣчѣ дорогихъ гостей, а завтра день тяжелый; поэтому они просятъ ихъ пожаловать послѣ завтра, въ четвергъ.

Послы уѣхали, и тотчасъ же по ихъ отъѣздѣ въ кочевкѣ Барлыбая начались приготовленія къ встрѣчѣ кудаларовъ. Начали украшать кибитки, разстилать въ нихъ новые, самые дорогіе, какіе только имѣлись, ковры; женщины стали вынимать изъ сундуковъ наряды, началась стряпня, заготовленіе кумыса и проч.

Утромъ въ назначенный день въ степи показалось до десятка всадниковъ. Это и были кудалары. Впереди ихъ ѣхалъ старшій почетный сватъ, бій Караджанъ. Это былъ толстый, почтенныхъ лѣтъ киргизъ, мѣстный судья, одѣтый по праздничному въ широкій шелковый халатъ и широкіе же шаровары, въ красные со скошенными каблуками сапоги; на головѣ у него была одѣта высокая, съ разрѣзными и откидными полями шапка, изъ-подъ которой виднѣлась расшитая золотомъ тюбитейка. Хабибулла не хотѣлъ ударить въ грязь лицомъ и попросилъ въ сваты къ своему сыну самаго знатнаго и уважаемаго изъ своихъ знакомыхъ.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, кудаларовъ ввели въ нарочно приготовленную для нихъ кибитку, усадили въ кружокъ и предложили имъ всяческія угощенія, при чемъ самъ Барлыбай своими руками вкладывалъ въ ротъ дорогихъ гостей предлагаемыя угощенія.

Послѣ того, какъ гости утолили голодъ и, по обычаю, начали производить отрыжку, чтобы показать, что они вполнѣ сыты и довольны, бій Караджанъ приступилъ прямо къ цѣли своего посѣщенія, къ сватовству.

— Ну, Барлыбай, говори, сколько ты хочешь за свою дочь калыма (выкупа)? спросилъ онъ.

— Э, Караджанъ, дочь моя еще молода, и дешево я ее не отдамъ! отвѣтилъ Барлыбай.

— Мы за калымомъ не постоимъ! Говори прямо, сколько?

Барлыбай выговорилъ нѣсколько сотъ барановъ, нѣсколько косяковъ лошадей, полдюжины верблюдовъ, нѣсколько войлочныхъ кибитокъ и много разнаго другого имущества.

Когда торгъ былъ оконченъ, ударили по рукамъ, и Барлыбай тотчасъ же распорядился, чтобы закололи бѣлаго барашка, печень и сало котораго были пока оставлены для изготовленія такъ называемаго „куйрюкъ-баура“, блюда, которое подается лишь въ концѣ празднованія сватовства, между тѣмъ какъ мясо съѣдается въ началѣ.

Затѣмъ начался пиръ, при чемъ кумысъ какъ бы замѣнялъ собою водку, которой такъ много пьютъ на нашихъ свадьбахъ, и его было выпито безмѣрное количество. Когда гости достаточно повеселѣли, начались пѣсни, пляска, различныя игры и забавы.

Но кудаларамъ во время этихъ увеселеній пришлось очень плохо. По обычаю, во время сватовства они должны были безропотно переносить все, что бы надъ ними ни продѣлывали родственницы невѣсты. И этимъ своимъ правомъ киргизки постарались воспользоваться въ полной мѣрѣ и начали продѣлывать надъ кударами всевозможныя проказы; онѣ подводили ихъ къ колодцу и окачивали съ ногъ до головы водой, смѣялись и всячески потѣшались надъ ними, приговаривая: а, вы думали, что легко брать чужую дочь? Нѣтъ, мы надъ вами потѣшимся сначала!

Больше всего при этомъ доставалось толстому бію Караджану, какъ старѣйшему изъ кудаларовъ. Его одѣли въ женскій нарядъ, вымазали ему сажей лицо, посадили на быка лицомъ къ хвосту и подвозили къ сосѣднимъ кибиткамъ, откуда выбѣгали толпами женщины и ребятишки и со смѣхомъ бѣгали за нимъ по пятамъ.

Бій Караджанъ терпѣливо выносилъ весь этотъ искусъ и только иногда приговаривалъ:

— Ну, подождите, вотъ будемъ кушать куйрюкъ-бауръ, тогда и на нашей улицѣ будетъ праздникъ.

Наконецъ, натѣшившись вдоволь, измученныхъ кударовъ къ ночи привезли въ отведенную имъ палатку и уложили въ постель.

На слѣдующій день прибыли отецъ и мать жениха, и кудалары принялись за изготовленіе куйрюкъ-баура, который составляетъ необходимую принадлежность всякой киргизской свадьбы и подается только лишь при сватовствѣ, и послѣ того, какъ онъ съѣденъ, сватовство считается законченнымъ. Куйрюкъ-бауръ имѣетъ у киргизовъ то же значеніе, что у насъ обрученье. Такъ, если, напримѣръ, потомъ возникаетъ споръ, бій на судѣ спрашиваетъ свидѣтелей: „А кушали ли куйрюкъ-бауръ?", и если окажется, что кушали, то сватовство считается доказаннымъ.



Игры и забавы у киргизовъ.

У киргизовъ за ѣдою не полагается ни вилокъ, ни ложекъ, и, угощая гостей, хозяинъ беретъ своею пятерней куски мяса и запихиваетъ ихъ въ ротъ гостю. А такъ какъ при угощеніи куйрюкъ-бауромъ хозяевами стола являются кудалары, то они и пользуются, въ свою очередь, своимъ правомъ, чтобы отомстить за тѣ насмѣшки и издѣвательства, которымъ ихъ подвергали родственницы невѣсты, благо, отъ этого угощенія никто изъ пирующихъ на сватовствѣ не можетъ отказываться.

И вотъ, когда наступило время кушать куйрюкъ-бауръ, и всѣ, по обычаю, чинно усѣлись въ кружокъ на полу среди кибитки, старый весельчакъ, бій Караджанъ, засучивая рукава, шутливо проговорилъ:

— Ну и угощу же я васъ, милыя сватьюшки, на славу. Надо же и намъ показать теперь свое гостепріимство!

Присутствующіе переглянулись и громко засмѣялись, предчувствуя потѣху.

Бій Караджанъ запустилъ въ блюдо всю свою пятерню и, захвативъ полную горсть жирнаго кушанья, поднесъ ее къ широко раскрытому рту старшей сватьи, болѣе другихъ потѣшавшейся надъ нимъ наканунѣ.

Такъ какъ захваченное имъ въ горсть кушанье плохо проходило въ ротъ киргизки, онъ началъ проталкивать его пальцемъ, и, насмѣшливо передразнивая тѣшившихся надъ нимъ наканунѣ киргизокъ, проговорилъ:

— Ну и не легко же бываетъ иногда издѣваться надъ кудаларами!...

Это замѣчаніе вызвало новый взрывъ хохота.

И въ то время, когда угощаемая, вытаращивъ глаза и чуть не задыхаясь, начала прожевывать впихнутое ей въ ротъ кушанье, бій Караджанъ всей своей широкой ладонью сталъ размазывать по ея лицу бараній жиръ, текшій съ его рукъ.

— А ну-ка, дорогая сватьюшка, прими и ты отъ меня угощенье! продолжалъ бій Караджанъ, запихивая въ ротъ такую же порцію кушанья слѣдующей киргизкѣ.

И такъ поочередно, при общемъ смѣхѣ, онъ угощалъ своихъ гостей, пока они не начали икать, показывая этимъ, что сыты, довольны и благодарятъ за угощеніе.

Между тѣмъ, пока ѣда куйрюкъ-баура сопровождалась безконечными шутками, остротами и визгомъ угощаемыхъ женщинъ, отецъ Гафсы, Барлыбай, раздавалъ кудаларамъ подарки и условливался со своимъ будущимъ тестемъ, въ какой день онъ можетъ къ нему явиться за полученіемъ калыма.

Долго за полночь продолжалось въ кочевкѣ Барлыбая веселье, и только подъ утро хозяева проводили, наконецъ, своихъ гостей.

XI.

Въ назначенный день Барлыбай въ сопровожденіи невѣстиныхъ кудаларовъ отправился къ своему будущему свату за полученіемъ калыма, въ кочевки Хабибуллы. При пріемѣ кудаларовъ невѣсты произошли тѣ же самыя церемоніи и повторились тѣ же угощенія, что были и у Барлыбая, за исключеніемъ лишь угощенія куйрюкъ-бауромъ. Отпраздновавъ у жениха и получивъ подарки и условленный калымъ, гости въ сопровожденіи цѣлыхъ стадъ барановъ, лошадей и верблюдовъ отправились обратно домой.

Калымъ можно было выплачивать и по частямъ, но женихъ хотѣлъ, чтобъ свадьбу сыграли поскорѣе, и потому упросилъ своего отца выплатить весь калымъ разомъ; иначе, время заключенія брака могло затянуться на нѣсколько мѣсяцевъ.

Маленькій Якубъ въ числѣ другихъ подарковъ получилъ отъ жениха своей сестры настоящее охотничье ружье, изъ котораго можно было стрѣлять птицу и звѣря, и былъ въ восторгѣ. Тотчасъ же по возвращеніи домой онъ отправился на охоту, и когда ему удалось подстрѣлить какую-то степную птицу, ликованію его не было предѣла; онъ съ торжествомъ притащилъ ее матери, и съ тѣхъ поръ по цѣлымъ днямъ пропадалъ въ степи, охотясь за степною дичью.

Недѣли черезъ двѣ послѣ уплаты калыма въ кочевку Барлыбая пріѣхалъ гонецъ съ извѣстіемъ, что Ахметъ, женихъ Гафсы, со своими друзьями ждетъ въ степи позволенія пріѣхать навѣстить свою невѣсту; Барлыбай велѣлъ поставить для своего будущаго зятя новую кибитку и послалъ навстрѣчу жениху свахъ. А Гафса, узнавъ, что къ ней ѣдетъ ея женихъ, вскочила верхомъ на лошадь и помчалась въ ближайшую кочевку, прося своихъ знакомыхъ укрыть ее и дать ей пріютъ. Такое бѣгство невѣсты отъ жениха требовалось обычаемъ, и, несмотря на то, что Гафсѣ давно уже самой хотѣлось повидаться со своимъ женихомъ, она должна была соблюсти приличіе и скрыться отъ него.

Между тѣмъ свахи мчались во весь опоръ навстрѣчу

жениху, каждая стараясь пригласить его первою, такъ какъ первая вѣстница получала подарокъ.

Къ пріѣзду жениха палатка для него была уже готова, и разбивавшія ее киргизки стояли возлѣ нея въ ожиданіи подарковъ. Одаривъ женщинъ, женихъ послалъ также подарки матери невѣсты и всѣмъ ея родственницамъ: кому лошадь, кому коверъ, кому барана, кому матеріи на платье и проч. Подобные подарки въ первый пріѣздъ жениха называются „илю" и считаются у киргизовъ обязательными; у нихъ есть даже поговорка, что свадьба скорѣе можетъ состояться безъ калыма, чѣмъ безъ „илю".

Начался опять пиръ, продолжавшійся весь день до вечера. На этотъ разъ угощеніе дѣлали дружки, сопровождавшіе жениха; они же заботились объ устройствѣ разныхъ увеселеній.

Съ наступленіемъ вечера дружки вмѣстѣ съ подругами невѣсты и свахами отправились отыскивать невѣсту къ тѣмъ кибиткамъ, куда она скрылась. Женихъ же остался ожидать свою невѣсту въ кибиткѣ своего будущаго тестя.

Пріѣхавъ въ кочевье, пріютившее невѣсту, дружки и сватьи передали хозяйкѣ юрты, въ которой укрылась Гафса, подарки отъ жениха, прося ее отпустить съ ними невѣсту; но, когда та наконецъ согласилась, противъ отъѣзда невѣсты возстали дѣвушки этой кочевки, и между ними и дружками жениха завязалась борьба изъ-за невѣсты. Шуткамъ, смѣху, вознѣ и веселью, казалось, и конца не было. Наконецъ, послы жениха, сдѣлавъ всѣмъ дѣвицамъ по подарку, получили-таки невѣсту и повезли ее въ отцовскую кочевку къ жениху. Тамъ ее посадили въ кибитку, приготовленную для жениха, и свахи отправились предупредить послѣдняго о пріѣздѣ его невѣсты.

Одна изъ свахъ подвела жениха къ кибиткѣ, гдѣ сидѣла невѣста, и попросила невѣсту просунуть черезъ деревянную рѣшетку кибитки свою руку. Послѣ нѣкотораго колебанія и упрашиваній Гафса протянула руку, и женихъ, прикрывъ свою руку шелковымъ платкомъ, въ первый разъ пожалъ руку своей невѣсты, при помощи свахи, въ подарокъ которой и пошелъ шелковый платокъ.

Долго гостить въ первый разъ у невѣсты считается неприличнымъ, и потому, пробывъ дня три, Ахметъ возвра-

тился домой, при чемъ и онъ и пріѣзжавшіе съ нимъ дружки получили подарки отъ отца невѣсты.

Свадьба была назначена Барлыбаемъ только къ началу весны. Но въ промежутокъ между этой свадьбой и обрученіемъ Ахметъ нѣсколько разъ навѣщалъ свою невѣсту.

Для маленькаго Якуба посѣщенія Ахмета были самымъ пріятнымъ временемъ, потому что Ахметъ, гостя у своей невѣсты, часто бралъ его съ собой на охоту и, кромѣ того, продолжалъ готовить его къ поступленію въ гимназію. Въ концѣ концовъ Якубъ такъ привязался къ Ахмету, что когда его долго не было, онъ скучалъ по немъ не менѣе своей сестры, а иногда не выдерживалъ и, осѣдлавъ своего коня, отправлялся къ Ахмету въ гости.

X.

За нѣсколько дней передъ свадьбой, женихъ явился въ кочевку своего тестя въ сопровожденіи дружекъ и старшаго почетнаго свата, бія Караджана, и снова привезъ многочисленные подарки родственникамъ невѣсты.

Наканунѣ отъѣзда молодыхъ, опять былъ устроенъ пиръ, на который были приглашены всѣ знакомые киргизы изъ сосѣднихъ кочевокъ, а въ заключеніе состоялась байга.

Когда всѣ мужчины вмѣстѣ съ женихомъ ушли на байгу, въ кибитку къ молодой собрались женщины и дѣвушки. По окончаніи байги, участвовавшіе въ ней наѣздники, окруживъ кибитку невѣсты, дурачась, начали пытаться сорвать съ нея кошмы, чтобы посмотрѣть, что въ ней дѣлается. Но тутъ изъ кибитки выскочили женщины и стали отгонять нападавшихъ, пытаясь захватить кого-нибудь изъ нихъ въ плѣнъ. Однако, сдѣлать этого имъ не удалось, и онѣ принуждены были сдаться, а чтобы задобрить побѣдителей, стали раздавать имъ подарки. Послѣ этого всѣ мужчины и женщины собрались въ кибиткѣ молодыхъ и затянули заунывную, тутъ же сочинявшуюся свадебную пѣсню, въ которой въ безконечныхъ сравненіяхъ восхвалялись женихъ и невѣста. Это пѣніе продолжалось до тѣхъ поръ, пока невѣстѣ не надоѣло его слушать, и чтобы заставить замолчать пѣвцовъ, она принуждена была всѣхъ ихъ одарить.

Къ вечеру явился женихъ со своими дружками, и снова началось пѣніе, при чемъ хоръ раздѣлился на мужской и женскій. Мужской хоръ въ своихъ, тутъ же сочиняемыхъ пѣсняхъ началъ восхвалять женщинъ, а женщины въ своихъ мужчинъ. Но мало-по-малу отъ обоюдныхъ восхваленій стали переходить къ порицанію другъ друга, а, наконецъ, и прямо закончили перебранкой. При этомъ, по обычаю, та сторона, которая умѣла лучше выбраниться и этимъ заставить замолчать противную сторону, получала отъ побѣжденной стороны подарокъ „кнэмендэ", что означаетъ „моя вина". Побѣдителями на этотъ разъ оказались мужчины.

Послѣ этого въ кибиткѣ молодыхъ былъ устроенъ ужинъ, ѣли баранину, пили кумысъ, а позвонки барана передавали жениху, который, привязавъ къ каждому изъ нихъ по платку или куску какой-либо матеріи, бросалъ ихъ въ верхнее отверстіе кибитки. Если позвонокъ упадалъ обратно въ кибитку, то подарокъ доставался присутствовавшимъ за ужиномъ женщинамъ, если же вылеталъ наружу,—тамъ подбирали его другія. Пиръ продолжался всю ночь до самаго утра.



Отъѣздъ киргизской невѣсты къ жениху

Поутру свахи нарядили невѣсту въ ея лучшее платье, а на голову надѣли высокую остроконечную шапочку съ покрываломъ, спускавшимся на плечи, посадили на лучшаго коня и повезли въ кибитку родителей прощаться.

А въ это самое время Барлыбай и Назипа показывали своему зятю и свахамъ заготовленное для невѣсты приданое, которое тутъ же подсчитывалось, укладывалось въ тюки, связывалось и навьючивалось на верблюдовъ.

Когда все было приготовлено къ отъѣзду молодыхъ, женихъ и невѣста вошли въ кибитку Барлыбая, гдѣ ихъ поджидали, кромѣ родителей брачущихся, по два свидѣтеля какъ со стороны жениха, такъ и со стороны невѣсты. Приглашенный издалека мулла долженъ былъ совершить обрядъ бракосочетанія. Въ кибиткѣ были повѣшены двѣ занавѣски, одна для жениха, другая для невѣсты, за которыми ихъ и усадили, при чемъ занавѣска жениха была приподнята, а занавѣска невѣсты опущена.

Мулла, прочитавъ молитву, подошелъ къ жениху и громко спросилъ у него:

— Ахметъ, сынъ Хабибуллы, желаешь ли ты вступить въ бракъ съ Гафсой, дочерью Барлыбая?

— Да, я желалъ! отвѣтилъ Ахметъ.

По обычаю, отвѣтъ долженъ быть даннымъ въ прошедшемъ времени.

Затѣмъ, подойдя къ занавѣскѣ невѣсты, мулла обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ Гафсѣ:

— Гафса, дочь Барлыбая, желаешь ли ты выйти замужъ за Ахмета, сына Хабибуллы?

— Да, я желала! отвѣтила Гафса.

Послѣ этого муллѣ подали чашку съ водой, изъ которой онъ далъ выпить глотокъ сначала жениху, бросившему въ чашу золотой, потомъ невѣстѣ, сдѣлавшей то же самое, затѣмъ отпили по глотку также и всѣ присутствующіе, при чемъ каждый опускалъ въ чашу кто монету, кто драгоцѣнный камень. Послѣ этого чаша со всѣмъ ея содержимымъ перешла въ пользу совершавшаго обрядъ бракосочетанія муллы.

— Ну, дочь моя, сказалъ Барлыбай, подходя къ невѣстѣ, живи такъ, чтобы никто меня изъ-за тебя не проклиналъ.

Въ свою очередь, Хабибулла подошелъ къ своему сыну и сказалъ:

— Сынъ мой, не оскорбляй свою жену, иначе этимъ ты опозоришь навѣкъ мое имя.

Когда стали прощаться, Барлыбай, по обычаю, попросилъ свою дочь сказать, не оставила ли она какого-либо предмета, который хотѣла бы взять съ собой, и заранѣе обѣщалъ отдать его ей, что бы это ни оказалось. Но Гафса отвѣтила, что у нея все есть, и ничего ей болѣе не надо.

Свадебный поѣздъ тронулся въ путь по направленію къ кочевкѣ Хабибуллы. Тамъ уже все было приготовлено для встрѣчи молодыхъ, и тотчасъ же по ихъ прибытіи начался новый пиръ, продолжавшійся нѣсколько дней.

Наконецъ, одаривъ мать невѣсты и ея свиту подарками, отецъ жениха отпустилъ ихъ обратно домой.

XI.

Послѣ свадьбы Хабибулла выдѣлилъ Ахмета и предоставилъ ему вести свое хозяйство и устраивать свои дѣла, какъ знаетъ, по своимъ соображеніямъ. Вскорѣ послѣ этого молодые переселились въ Самаркандъ на постоянное жительство. Ахметъ сталъ продолжать торговлю, но уже на новыхъ началахъ. Онъ завелъ сношенія съ приволжскими городами и началъ отправлять свои товары по Закаспійской желѣзной дорогѣ на Каспійское море, откуда они шли далѣе по Волгѣ и ея притокамъ.

Завѣтная мечта маленькаго Якуба сбылась. Онъ остался жить у сестры и осенью того же года прекрасно сдалъ экзаменъ и поступилъ въ первый классъ Самаркандской гимназіи. Живой и способный киргизскій мальчикъ скоро сдѣлался общимъ любимцемъ своихъ русскихъ сотоварищей и сталъ учиться прекрасно.



Татары.

Китайцы первоначально именемъ „татаръ“ или „та-та“ называли одно монгольское племя, жившее по среднему теченію Желтой рѣки, въ нынѣшнихъ китайскихъ областяхъ Шань-си и Ордосѣ, и потомъ оттѣсненное сосѣдями на западъ, въ области Тянь-Шаня. При Чингисханѣ, происходившемъ по матери изъ этого племени, многочисленныя монгольскія племена внутренней Азіи были объединены и получили имя того племени, изъ котораго происходилъ ихъ объединитель: они стали извѣстны подъ именемъ „та-та“ или „татаръ“. Завоеванія Чингисхана и его преемниковъ, распространившіяся потомъ на сѣверныя и западныя части средней Азіи, населенныя главнымъ образомъ тюркскими племенами, говорившими на различныхъ тюркскихъ, но не монгольскихъ нарѣчіяхъ, передали это названіе и завоеваннымъ народамъ. И хотя эти завоеванныя татарами племена, какъ болѣе культурныя, поглотили въ себѣ монголовъ-завоевателей, принявшихъ ихъ языкъ, культуру и магометанскую религію, тѣмъ не менѣе, это общее названіе „татаръ“ за ними осталось. Такимъ образомъ, слово „татары“ только общее имя для всѣхъ монгольскихъ, тюркскихъ и другихъ племенъ, совершившихъ

въ XII и XIII вв. разгромъ всей внутренней Азіи и восточной Европы, извѣстный подъ именемъ татарскаго нашествія.

Теперь названіе татары сохранилось только за нѣкоторыми мелкими народностями тюркскаго происхожденія, живущими въ Западной Сибири, на Кавказѣ и на востокѣ Европейской Россіи, говорящими на разныхъ нарѣчіяхъ тюркскаго языка. Среди этихъ послѣднихъ различаются:

1. Сибирскіе татары — это остатки татаръ бывшаго Сибирскаго царства. Къ нимъ относятся: барабинцы, тарлыки, иртышскіе, тюменскіе, ялуторовскіе и др. татары.

2. Алтайскіе татары, состоящіе также изъ множества народностей: телеутовъ, бѣлыхъ калмыковъ, катунскихъ чулымцевъ, кумандинцевъ, абаканскихъ татаръ и проч.

3. Кавказскіе татары — это главнымъ образомъ остатки древнихъ печенѣговъ, аваровъ, алановъ, хазаровъ и проч.

4. Ногайцы, нѣкогда многочисленныя кочевыя племена, населявшія южно-русскія степи.

5. Крымскіе татары, представляющіе смѣшеніе самыхъ разнообразныхъ племенъ и народовъ, которымъ въ разное время принадлежалъ Крымъ. Это помѣсь грековъ, генуэзцевъ, хозаръ, армянъ, евреевъ и цыганъ съ тюркско-татарскими и монгольскими племенами-завоевателями, объединившаяся подъ властью крымскихъ хановъ.

6. Астраханскіе татары, дѣлящіеся на юртовскихъ остатковъ Золотой орды и кундровскихъ остатковъ ногайцевъ.

И, наконецъ, 7. Казанскіе татары — остатки татаръ бывшаго Казанскаго царства, смѣшанные съ финскими племенами, болгарами, башкирами и проч.

Казанскихъ татаръ въ настоящее время насчитывается до 600,000; они живутъ главнымъ образомъ въ Казанской, Самарской и Оренбургской губерніяхъ, но встрѣчаются также по всему низовому Поволжью и южному Пріуралью. Кромѣ того, татарскія селенія можно встрѣтить въ Касимовскомъ у. Рязанской губ., въ Тамбовской и Костромской губ. Почти всѣ они исповѣдуютъ магометанскую религію. Казанскіе татары по большей части земледѣльцы, хотя и не особенно усердные и умѣлые. Они отличаются большой склонностью къ фабричной и въ особенности къ торговой дѣятельности.

Тайна Айши.

(Изъ жизни казанскихъ татаръ).

Насыръ въ послѣдній разъ ходилъ сегодня по дворамъ и улицамъ Казани, выкрикивая: „Халаты! Халаты! Халаты! Старья покупаемъ! Нѣтъ ли старья продавать?“ Завтра отправлялись внизъ по Волгѣ первые въ эту весну пароходы, и онъ рѣшилъ ѣхать домой, въ свою деревню, гдѣ его присутствіе дѣлалось необходимымъ. Въ деревнѣ была у него семья, оставшаяся на попеченіи его отца, стараго Галея; но отецъ былъ уже дряхлъ, частенько прихварывалъ, и еще на-дняхъ Насыръ получилъ отъ своей жены письмо, въ которомъ та сообщала, что батюшка сильно занемогъ и лежитъ въ постели; она просила Насыра поскорѣе возвращаться домой, боясь, какъ бы старый Галей не померъ, не дождавшись сына.

У Насыра все уже было приготовлено къ отъѣзду, и на завтра, въ пятницу, которая у магометанъ считается такимъ же праздникомъ, какъ у христіанъ воскресенье, онъ хотѣлъ выѣхать изъ города тотчасъ же по окончаніи службы въ мечети.



Казань.

Насыръ былъ человѣкъ религіозный и, какъ правовѣрный мусульманинъ, старался соблюдать всѣ правила и обряды, предписываемые религіей Магомета. Прежде всего онъ добросовѣстно уплачивалъ десятую часть изъ своихъ доходовъ въ пользу бѣдныхъ, какъ то предписываетъ пророкъ. На эти десятины и другія добровольныя пожертвованія у магометанъ содержатся богадѣльни, пріюты, школы и проч. Затѣмъ онъ аккуратно пять разъ въ день творилъ намазъ, т. е. дѣлалъ омовенія и молился, а именно: передъ восходомъ солнца, въ полдень, за часъ передъ закатомъ, тотчасъ же послѣ заката и вечеромъ между 9—10 часами. Молился онъ обыкновенно тамъ, гдѣ его заставало время молитвы. Выбравъ уединенный уголокъ и подостлавъ подъ ноги платокъ или зилянъ *), онъ становился на немъ на колѣни, обратясь лицомъ къ Меккѣ, и начиналъ читать положенныя молитвы, около получаса оставаясь неподвижнымъ, какъ статуя, позабывая обо всемъ окружающемъ. Кромѣ того, онъ строго соблюдалъ всѣ магометанскіе праздники и посты, въ особенности „уразу", постъ, бывающій въ теченіе 9-го магометанскаго мѣсяца Рамазана. Ежедневно въ теченіе этого мѣсяца съ ранняго утра и до заката солнца онъ воздерживался отъ ѣды и питья и только ночью разрѣшалъ себѣ вкушать пищу, какъ это дѣлали, впрочемъ, и всѣ другіе магометане. Не пропускалъ Насыръ также ни одной пятницы, чтобы не сходить въ мечеть для молитвы.

И вотъ, на слѣдующій день, едва только передъ восходомъ солнца муэдзинъ **) на минаретѣ ***) затянулъ свое обычное „Аллахъ экбаръ" (Богъ единъ), какъ Насыръ, сдѣлавъ омовеніе, началъ собираться въ мечеть. Онъ надѣлъ чистый ситцевый кульмякъ, т. е. длинную, спускавшуюся ниже колѣнъ бѣлую рубаху, и широкіе ситцевые, цвѣтные штаны; поверхъ кульмяка безрукавый, изъ желтой нанки, длинный, доходившій до колѣнъ, зилянъ; а поверхъ зиляна коричневый суконный кафтанъ, съ цвѣтными пуговками; ноги онъ

*) Длинный, безрукавый камзолъ.
**) Служитель при мечети.
***) Башня на мечети.

обулъ въ ичиги, сафьянные сапожки на тоненькихъ подошвахъ безъ каблуковъ, въ родѣ кожаныхъ чулокъ, съ надѣтыми на нихъ легонькими башмаками, замѣнявшими калоши. Свою бритую голову онъ покрылъ расшитою разноцвѣтными шелками тюбитейкой, поверхъ которой повязалъ бѣлую чалму. Чалму онъ надѣвалъ обыкновенно только въ торжественныхъ случаяхъ или, отправляясь въ мечеть, и сталъ носить ее лишь съ тѣхъ поръ, какъ когда-то совершилъ паломничество въ Мекку и пріобрѣлъ званіе хаджи. Нужно замѣтить, что коранъ предписываетъ каждому правовѣрному мусульманину хоть одинъ разъ въ свой жизни совершить паломничество въ Мекку и посѣтить святилище Каабы*). Но такъ какъ отъ исполненія этого предписанія можно откупиться какимъ-либо пожертвованіемъ въ пользу бѣдныхъ или выставить за себя добровольца, оплативъ его путевыя издержки, то далеко не всѣ магометане выполняютъ въ точности это предписаніе корана и только особенно усердные и религіозно настроенные рѣшаются на столь далекое путешествіе.

Насыру было лѣтъ подъ сорокъ. Это былъ средняго роста, широкоплечій мужчина, съ большою головой, сидѣвшей на толстой, короткой шеѣ. Довольно красивое продолговатое лицо его съ правильнымъ прямымъ носомъ обрамляла темнорусая, уже съ замѣтно просвѣчивающею сѣдиной, подстриженная бородка. Въ своемъ длиннополомъ татарскомъ нарядѣ и бѣлой чалмѣ, оттѣнявшей его черные, небольшіе, но выразительные глаза, Насыръ казался очень представительнымъ и почтеннымъ человѣкомъ.

Войдя въ переднюю мечети, онъ снялъ съ своихъ ногъ татарскіе башмаки и, поставивъ ихъ въ рядъ съ башмаками другихъ молящихся, ранѣе его пришедшихъ на молитву, прошелъ въ главный молельный залъ и тамъ сталъ въ ряду съ другими богомольцами.

Молельный залъ представлялъ изъ себя просторную, высокую комнату, чистую, но безъ всякой мебели и украшеній. Съ средины потолка свѣшивалась большая люстра, а впереди

---

*) Священный камень, принесенный, по преданію, съ неба архангеломъ Гавріиломъ.

молящихся возвышался амвонъ, съ котораго мулла читалъ правовѣрнымъ коранъ на арабскомъ языкѣ и говорилъ свою обычную въ пятницу проповѣдь. Всѣ молящіеся стояли съ покрытыми головами, хотя и не у всѣхъ были на головѣ чалмы: молиться и находиться въ мечети съ непокрытою головой считается неприлично и грѣшно.

Послѣ проповѣди началась молитва, заключавшаяся въ частыхъ земныхъ поклонахъ, при чемъ молящіеся поднимали обѣ руки на высоту головы ладонями вверхъ, такъ что большіе пальцы прикасались къ нижней части уха. Затѣмъ они становились на оба колѣна и садились, по восточному обычаю, на свои ноги, потомъ опускались на руки и касались лбомъ пола, читая при этомъ извѣстныя молитвы.

Глубокая тишина царствовала въ мечети; каждый былъ погруженъ въ себя. Но вотъ причетникъ пропѣлъ: „Склонитесь, вѣрующіе, такъ какъ это законъ!“ И всѣ, точно по командѣ, опустились на колѣни, держа передъ собою обѣ руки въ видѣ раскрытой книги, какъ будто читая въ нихъ. Мулла, сидя на амвонѣ передъ мірянами на корточкахъ, тихимъ, проникновеннымъ голосомъ началъ читать общую молитву, которую, шевеля губами, повторяли про себя молящіеся и отъ времени до времени произносили въ подтвержденіе словъ молитвы „аминь“. При этомъ всякій разъ, когда мулла произносилъ священное имя Аллаха, правовѣрные со стенаніемъ зажимали уши и закрывали глаза, какъ недостойные слышать это имя, и потомъ ладонями рукъ легонько поглаживали себя по лицу и бородѣ.

По окончаніи службы, татары одинъ по одному, не спѣша, стали расходиться изъ мечети.

II.

Вернувшись къ себѣ на квартиру, Насыръ собралъ свои пожитки и нанялъ знакомаго ломовика-татарина до Устья *). Тамъ онъ сѣлъ на пароходъ и отправился въ свою деревню находившуюся въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ Казани

*) Пристань на Волгѣ у Казани.

ниже ея, недалеко отъ берега Волги. День былъ теплый, солнце ласково свѣтило съ голубого неба. Красавица Волга весело катила свои воды, широко разлившись и во многихъ мѣстахъ затопивъ окрестные низменные берега. Насыръ не былъ дома уже около полгода, съ самой осени, и теперь думалъ о томъ, что-то его тамъ ждетъ? Застанетъ ли онъ своего отца еще живымъ? Смотря съ палубы парохода на быстро катившую свои волны родную ему рѣку, онъ невольно сталъ вспоминать свою прежнюю жизнь. Картины дѣтства одна за другою вставали передъ его глазами. Убаюкиваемый мѣрнымъ шумомъ парохода, онъ позабылъ обо всемъ окружающемъ и весь предался своимъ мыслямъ и воспоминаніямъ.



Лѣвобережье Волги.

Вотъ онъ видитъ себя еще семилѣтнимъ мальчикомъ, когда въ первый разъ пришелъ въ школу, находившуюся въ ихъ деревнѣ при мечети. У татаръ при каждой мечети полагается училище. Домъ для него покупается обыкновенно какимъ-либо богатымъ татариномъ, другой татаринъ беретъ на себя ремонтъ и отопленіе его на извѣстный срокъ; обученіе производятъ мулла и его помощникъ, а дѣвочекъ отдѣльно отъ мальчиковъ обучаетъ жена муллы. Курсъ обученія въ такой школѣ продолжается 5—6 лѣтъ, а кто желаетъ сдѣлаться священнослужителемъ или учителемъ,

тотъ остается долѣе. Благодаря этому, почти всѣ татары грамотны, и въ этомъ они стоятъ выше русскихъ.

Зданіе школы, гдѣ учился Насыръ, состояло, кромѣ маленькихъ сѣней, всего изъ одной большой комнаты, полъ въ которой былъ настолько высокъ, что къ нему отъ дверей вело нѣсколько ступенекъ. И вся эта большая комната была сплошь занята учащимися. Для каждаго ученика было отведено особое мѣсто не болѣе двухъ аршинъ въ длину и около аршина въ ширину — для подушки, ящика, посуды, книгъ и письменнаго прибора. Тутъ же ютился и молодой помощникъ учителя со своимъ несложнымъ хозяйствомъ, состоявшимъ изъ чеботарнаго прибора; кромѣ преподаванія грамоты, онъ училъ своихъ учениковъ также немного и сапожному ремеслу. Въ этой же комнатѣ было и помѣщеніе для жившаго рядомъ со школою муллы, огороженное занавѣскою изъ цвѣтной матеріи; здѣсь на прибитыхъ къ стѣнѣ полкахъ лежали нужныя для ученья книги. Цѣлый день, сидя на полу на своихъ мѣстахъ, ученики проводили въ изученіи татарской грамоты; кто училъ азбуку, кто читалъ книги, содержащія въ себѣ изреченія изъ корана или заключающія разъясненія на коранъ или наставленія въ торговлѣ. Но кромѣ чтенія, счета и изученія основъ религіи, мулла обучалъ своихъ учениковъ также немного и арабскому языку на столько, на сколько это нужно для пониманія корана, а также персидскому, чтобы умѣть читать турецкія книги, въ которыхъ часто встрѣчаются арабскія и персидскія слова. Знаніе этихъ языковъ считается полезнымъ еще и потому, что оно облегчаетъ сношенія по торговлѣ, а всѣ татары имѣютъ большое пристрастіе къ занятію торговыми дѣлами. Но такъ какъ самъ мулла плохо зналъ эти языки, то и изученіе ихъ было очень поверхностное, скорѣе только для вида.

Еще тогда, въ школѣ, Насыръ мечталъ сдѣлаться со временемъ богатымъ и именитымъ купцомъ и вести торговыя сношенія съ Персіей, Турціей и другими восточными мусульманскими государствами. Но мечты его такъ и остались мечтами, потому что онъ былъ сынъ бѣдныхъ родителей. Правда, по окончаніи школы, въ которой Насыръ пробылъ пять лѣтъ, отецъ отпустилъ его въ Казань мальчикомъ въ магазинъ къ

одному своему знакомому купцу, но онъ пробылъ тамъ недолго. Его хозяинъ вскорѣ обанкротился, и Галей взялъ изъ Казани своего сына, боясь, что онъ тамъ въ чужихъ людяхъ можетъ избаловаться. Съ тѣхъ поръ Насыръ сдѣлался помощникомъ своего отца по хозяйству. У Галея, какъ и у всѣхъ приволжскихъ татаръ, былъ земельный надѣлъ, но самъ онъ его не обрабатывалъ, а отдавалъ русскимъ крестьянамъ въ аренду исполу, и каждую осень, когда наступало время уборки хлѣба, онъ являлся къ своимъ арендаторамъ и получалъ съ нихъ условленную половину зерна и почти однимъ только этимъ и жилъ. Казанскіе татары вообще плохіе земледѣльцы. Они предпочитаютъ земледѣлію другія занятія — торговлю, извозъ, пчеловодство, содержаніе постоялыхъ дворовъ, или нанимаются въ приказчики, въ половые, въ караульные и проч. Но нельзя сказать, чтобы они вообще чуждались тяжелыхъ работъ; на весьма многихъ волжскихъ пристаняхъ можно встрѣтить татаръ въ качествѣ грузчиковъ, при томъ наиболѣе цѣнимыхъ за силу, выносливость и добросовѣстность въ работѣ, въ качествѣ гребцовъ, перевозчиковъ и проч.

Когда Насыръ подросъ, отецъ его подыскалъ ему невѣсту въ той же деревнѣ и женилъ его. Съ тѣхъ поръ Насыръ, хотя и не отдѣлился отъ отца, но сдѣлался какъ бы самостоятельнымъ хозяиномъ. Галей вскорѣ послѣ женитьбы сына овдовѣлъ и, такъ какъ былъ уже въ преклонномъ возрастѣ, то не хотѣлъ брать другой жены и жилъ вмѣстѣ съ Насыромъ.

Насыра такъ же, какъ и его отца, не тянуло занятіе земледѣліемъ, — торговая жилка въ немъ была очень сильна. Онъ началъ заниматься скупкою въ сосѣднихъ приволжскихъ деревняхъ яблокъ, грушъ и вишенъ, которыя выгодно затѣмъ обмѣнивалъ въ другихъ деревняхъ на яйца, холстъ и пряжу; кромѣ того, разыскивалъ и скупалъ мерлушки, занимался перекупкою лошадей, и все это дѣло велъ съ большою выгодою для себя, такъ что лѣтъ черезъ десятъ уже сдѣлался довольно зажиточнымъ человѣкомъ и мечталъ открыть въ Казани свою собственную торговлю. Но однажды въ ихъ деревнѣ случился пожаръ, и почти все добро Насыра сго-

рѣло. Имущество его и разные товары не были застрахованы, и онъ оказался почти нищимъ. Приходилось все заводить снова и снова наживать добро. А между тѣмъ семья его въ это время увеличилась; у него была уже десятилѣтняя дочь Айша и маленькій трехлѣтній сынишка Мурза.

— „Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ его!" сказалъ Насыръ и, собравъ кое-какіе долги и распродавъ остатки имущества, онъ построилъ для своей семьи на прежнемъ мѣстѣ избу, а самъ отправился въ Казань и сдѣлался старьевщикомъ. Это занятіе при опытности и смекалкѣ, которою Насыра Богъ не обидѣлъ, было довольно прибыльно. Многія вещи, которыя въ городѣ цѣнились ни по чемъ, онъ отсылалъ въ деревню и тамъ продавалъ ихъ съ большимъ барышомъ. Въ приволжскихъ деревняхъ у него было много знакомыхъ торговцевъ, татаръ, черезъ которыхъ онъ и велъ свои дѣла. Такимъ образомъ, лѣтъ черезъ пять онъ снова сколотилъ небольшой капиталецъ и рѣшилъ снова поселиться въ деревнѣ и заняться своей прежней дѣятельностью еще въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Теперь у него больше и опытности и знаній торговыхъ дѣлъ и оборотовъ, да и знакомства шире. Семья его тѣмъ временемъ подросла. Дочь его была уже невѣста, и надо было позаботиться объ ея замужествѣ. Сынишкѣ шелъ восьмой годъ, и онъ бѣгалъ уже въ школу.

Продолжительный свистокъ вывелъ Насыра изъ задумчивости. Пароходъ замедлилъ ходъ и началъ причаливать къ пристани, на которой Насыру надо было высаживаться. Онъ захватилъ свои пожитки и сошелъ съ парохода на пристань.

III.

От пристани до деревни, въ которой жилъ Насыръ, было версты двѣ. Она стояла не на самомъ берегу, а нѣсколько въ сторонѣ отъ Волги, на маленькой рѣчонкѣ, вѣрнѣе, ручьѣ, лѣтомъ часто пересыхавшемъ. Деревня была довольно большая, съ деревянною мечетью, но построена была, какъ и большинство татарскихъ деревень, безъ всякаго плана и порядка. Улицы ея были кривы, дома по большей

части выходили не на улицу, а прятались во дворѣ за заборами, гдѣ находились также амбары, крытые соломой погреба и другія пристройки.

Едва только Насыръ вошелъ въ свой дворъ, какъ его встрѣтила съ громкимъ лаемъ не узнавшая своего хозяина собака.

— Что ты, Сайга! Какъ тебѣ не стыдно! Позабыла, что ли, меня? съ укоризною вскричалъ на нее Насыръ, и собака тотчасъ же съ виноватымъ видомъ, поджавъ хвостъ, поползла у его ногъ, заискивающе засматривая ему въ глаза, словно извиняясь и прося прощенія.

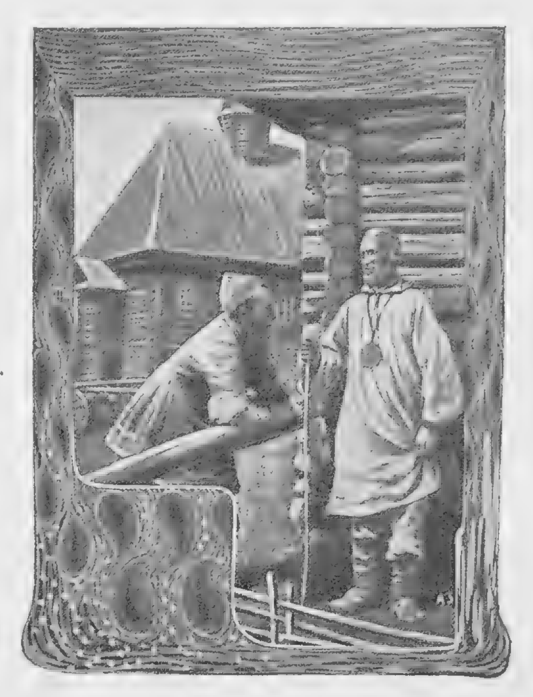
Заслышавъ голосъ отца, навстрѣчу ему вылетѣлъ откуда-то изъ дальняго угла двора маленькій Мурза и бросился ему на руки.

— Ай-ай, малецъ! Да какой же ты большой ужъ выросъ! заговорилъ Насыръ, беря на руки сынишку и лаская его. Вотъ возьми, я тебѣ подарокъ привезъ! и онъ вытащилъ изъ кармана и подалъ мальчику писаный медовый пряникъ.

Слѣдомъ за Мурзой изъ избы выскочила встрѣчать отца Айша; но у нея былъ не то испуганный, не то печальный видъ.

— Ну, что, какъ дѣдушка? спросилъ Насыръ.

— Умираетъ! со слезами въ голосѣ сказала Айша. Сегодня ночью стало хуже, былъ мулла и сказалъ, что ему вѣрно ужъ не выздоровѣть.



Въ татарской деревнѣ.

За дѣтьми вышла навстрѣчу мужу и жена Насыра, небольшая полная женщина.

— Умираетъ батюшка! подтвердила она печальнымъ тономъ.

Насыръ вошелъ въ избу.

Жилище Насыра, какъ и большинство татарскихъ избъ, дѣлилось на двѣ половины: переднюю — свѣтелку и заднюю — черную; между ними находились некрытыя сѣни, въ которыхъ татары обыкновенно совершаютъ свои домашнія молитвы подъ открытымъ небомъ. Задняя половина избы предназначалась для черныхъ работъ, и здѣсь были сложены кое-какіе пожитки; въ теплое время въ этой половинѣ жили и спали хозяева. Свѣтелка была просторная, чистенько и даже со вкусомъ убранная комната. Какъ разъ напротивъ двери на передней стѣнѣ висѣло большое зеркало, пріобрѣтенное Насыромъ, очевидно, по случаю. Подъ зеркаломъ у стѣны стояли два большихъ, красиво обитыхъ жестью сундука, покрытыхъ коврикамп. Влѣво отъ этихъ сундуковъ, въ углу, стоялъ столъ, накрытый пестрою бумазейною скатертью съ чайными фарфоровыми чашками, съ мисками и нѣсколькими подносами. Въ правомъ углу другой столъ, поменьше, также накрытый скатертью, а на немъ небольшое туалетное зеркальце. На полу возлѣ обоихъ столиковъ были разостланы коврики. Далѣе, направо у стѣны тянулись широкія нары съ пышными перинами за занавѣсью. На печи, находившейся направо отъ двери, стояли два мѣдныхъ луженыхъ кувшина; за печью же, въ углу, мѣдный тазъ для умыванья, надъ которымъ висѣло два полотенца — одно для обтиранія лица и рукъ, другое для ногъ. Подлѣ печи стоялъ самоваръ. Мѣсто между печкой и стѣнкой было завѣшено занавѣской; здѣсь должна была обѣдать хозяйка, когда у хозяина бывали гости, чтобы никто изъ постороннихъ мужчинъ не могъ ее видѣть; мужъ съ гостями или сыновьями обыкновенно обѣдаютъ всегда напередъ, а жена только прислуживаетъ, сама же съ дочерьми обѣдаетъ послѣ, за занавѣсью. Съ лѣвой стороны отъ двери было разставлено нѣсколько вѣнскихъ стульевъ, тоже, очевидно, пріобрѣтенныхъ по случаю. На окошкахъ стояли горшки съ любимыми татарами бальзаминами и душистыми базиликами.

Насыръ вошелъ въ свѣтелку, гдѣ на широкихъ нарахъ лежалъ его больной отецъ; вся остальная семья жила въ это время въ задней половинѣ избы, и лишь внучка Айша находилась почти безотлучно при больномъ, прислуживая ему.

Подойдя къ постели, Насыръ опустился передъ отцомъ на колѣни и тихонько промолвилъ:

— Селямъ алейкюмъ*), батюшка! Узнаешь ли ты меня?

Больной медленно повернулъ къ нему блѣдное, исхудавшее лицо и слабымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Алейкюмъ селямъ. Это ты, Насыръ?

— Я, батюшка.

— Вотъ хорошо, что ты пріѣхалъ! съ видимою радостью заговорилъ больной. А я вотъ, видишь, умираю. Благодарю Аллаха, что онъ при концѣ дозволилъ мнѣ тебя видѣть. Спасибо тебѣ, что поторопился пріѣхать.



Татарка съ ребенкомъ.

Больному, видимо, было трудно говорить; онъ поминутно останавливался на полусловѣ и дѣлалъ большія передышки.

— Аллахъ милостивъ! сказалъ Насыръ. Можетъ-быть. батюшка, ты еще поправишься?

*) Миръ съ тобою.

— Нѣтъ, что напрасно говорить! Чую, смерть моя близка... Да и пора... Благодарю Аллаха за все... Живи, сынъ, и свято исполняй Его велѣнія и заповѣди, и все будетъ хорошо...

Старикъ замолчалъ, и Насыръ отошелъ отъ него, чтобы не безпокоить своими разговорами.

На слѣдующій день къ вечеру больной почувствовалъ себя хуже и попросилъ позвать муллу, чтобы тотъ прочиталъ надъ нимъ отходную. И когда мулла явился, старый Галей дѣйствительно сталъ умирать. Онъ простился съ дѣтьми и внуками и благословилъ ихъ. Мулла сталъ читать надъ нимъ главу изъ корана, въ которой говорилось о воскресеніи мертвыхъ, а Галей все время повторялъ: „Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ его". Но голосъ его дѣлался все слабѣе и слабѣе и, наконецъ, замолкъ. Мулла продолжалъ читать.

— Батюшка, твори молитву! напомнилъ умирающему Насыръ.

Больной открылъ мутные глаза, обвелъ ими окружающихъ и едва слышно еще разъ проговорилъ: „Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и"... дальше онъ не договорилъ, зубы его стиснулись, глаза закрылись, и онъ тихо отошелъ въ вѣчность.

Умершаго обмыли и запеленали въ бѣлый холстъ, по обычаю, оставивъ одно только лицо открытымъ; затѣмъ спрыснули его водой съ растворомъ камфары и положили среди свѣтелки на столъ, ногами въ ту сторону, гдѣ находится священный городъ магометанъ Мекка. Все время, пока убирали покойника, мулла читалъ коранъ, а затѣмъ онъ пристегнулъ къ груди умершаго бумажный ярлычокъ, съ надписью: Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ его".

У татаръ полагается держать тѣло покойнаго не погребеннымъ не долѣе 12 часовъ; поэтому на слѣдующее же утро умершаго положили на лубокъ и понесли на кладбище мимо мечети, передъ которой остановились для того, чтобы прочитать коротенькую молитву. Провожали покойника одни мужчины; женщинамъ, по правиламъ магометанской религіи, провожать умершихъ до могилы не дозволяется. Въ могилѣ была устроена ниша съ выведеннымъ кирпичнымъ сводомъ, куда и положили тѣло покойника, въ саванѣ, на правый бокъ, съ лицомъ, обращеннымъ къ Меккѣ, и затѣмъ могилу закопали.

Магометане вѣрятъ, что въ ту самую минуту, когда тѣло опускаютъ въ могилу, ангелы совершаютъ надъ умершимъ такъ называемый надмогильный судъ: у праведнаго душа легко отдѣляется отъ тѣла, тогда какъ у грѣшника она освобождается съ большимъ трудомъ. До страшнаго суда, по ихъ вѣрованіямъ, души умершихъ витаютъ надъ своими могилами, являясь иногда во снѣ живымъ; поэтому татары дѣлаютъ по умершимъ частыя поминки, и только души павшихъ въ бою за вѣру воиновъ идутъ прямо въ рай, гдѣ онѣ наслаждаются блаженною жизнью.

Въ день погребенья Галея, Насыръ и его семья, по обычаю, ничего не ѣли и не пили и три дня сряду не зажигали въ домѣ огня. Мулла ежедневно по нѣскольку разъ приходилъ къ нимъ читать коранъ, и это чтеніе продолжалось въ теченіе цѣлыхъ шести недѣль. Въ продолженіе всего этого времени жена Насыра каждый день стряпала и разносила милостыню бѣднымъ.

На третій день послѣ смерти Галея всѣ его знакомые, родственники и мулла были приглашены Насыромъ на обѣдъ, точно также и на седьмой и на сороковой день.

Насыръ поставилъ надъ могилою своего отца памятникъ въ видѣ камня, на которомъ на арабскомъ языкѣ была высѣчена надпись: „Сей камень положенъ Галею Кочакову въ такомъ-то году. Всякъ смертенъ, одинъ Богъ безсмертенъ. Пророкъ говоритъ: „Кто Богу поклоняется и живетъ непорочно, тому я кровный другъ“.

IV.

Дочери Насыра Айшѣ было 15 лѣтъ. Это была стройная дѣвушка, съ миловиднымъ личикомъ, оживленнымъ небольшими, какъ у отца, черными глазками, весело смотрѣвшими изъ-подъ узенькихъ черныхъ бровей. Айша была любимицей отца, и тотъ ничего не жалѣлъ для ея нарядовъ. Обыкновенно она носила длинную ситцевую рубашку, украшенную нагрудникомъ, унизаннымъ серебряными монетами, подъ рубашкою шальвары, а поверхъ рубашки шелковый халатъ съ длинными, суженными на концахъ рукавами, который она накиды-

вала на голову вмѣсто чадры. По праздникамъ же она любила украшать себя ожерельями, серьгами, браслетами, которые нерѣдко дарилъ ей отецъ, пріобрѣтая всѣ эти вещи по случаю задешево. На лѣвомъ плечѣ она носила богато украшенную камнями и монетами перевязь. На головѣ подъ чадрой можно было видѣть шелковый колпачекъ съ дорогой бахромой, позументами и цвѣтными камешками, а зимой бархатную круглую шапочку съ плоскимъ верхомъ, отороченную соболемъ.

Айша была помощницей и правой рукой матери по хозяйству. Она ходила за коровами и лошадьми, убирала комнаты и слѣдила за ихъ чистотой, помогала матери въ стряпнѣ и проч. и хорошо умѣла готовить разныя татарскія кушанья: салму, въ которой варится баранина или козлятина, пироги съ зелеными огурцами, кислое молоко, кобылій кумысъ, бишбармакъ, приготовляющійся изъ жирнаго, изрѣзаннаго на мелкіе кусочки мяса, разныя блюда изъ конины, считающейся у татаръ за лучшее мясо и проч. Она также хорошо умѣла готовить медъ, приготовляющійся слѣдующимъ образомъ: опару, составленную изъ крупы, муки и меда-сырца, кладутъ въ сыту, прибавляя къ опарѣ въ семь разъ больше воды; когда медъ устоится, его сцѣживаютъ, а на гущу вновь наливаютъ простую сыту и т. д. Другой медъ, эйранъ, составляется также изъ меда-сырца, сыворотки и мятыхъ вишенъ. Есть еще и третій видъ меда, балбузанъ, чрезвычайно крѣпкій, приготовляемый изъ пивныхъ дрожжей, муки и хмеля. Кромѣ того, Айша была прекрасная рукодѣльница; она умѣла вышивать золотомъ, бисеромъ и шелками красивыя тюбитейки, сафьянныя ичиги и туфельки, которыя отецъ ея сбывалъ въ Казани иногда по 30 рублей и дороже за пару.

До 12 лѣтъ Айша посѣщала школу, въ которой преподавала грамоту татарскимъ дѣвочкамъ жена мѣстнаго муллы, и умѣла читать, писать, считать и даже знала немножко арабскій языкъ.

У себя дома Айша пользовалась большой свободой; она ходила куда ей угодно, не спрашивая позволенія матери, которая требовала отъ нея только одного, чтобы она при встрѣчахъ съ мужчинами всегда закрывала свое лицо,—встрѣтить мужчину съ открытымъ лицомъ считалось и зазорно и грѣшно. Когда ея братишка, Мурза, былъ еще малъ, она была его не-

разлучною и заботливою нянькой, но потомъ, когда онъ подросъ и началъ посѣщать школу, у Айши стало много свободнаго времени, и она больше всего любила уходить на берегъ Волги и тамъ сидѣть на крутомъ берегу, любоваться на рѣку и смотрѣть, какъ по ней плывутъ пароходы, баржи, плоты съ бревнами и проч.

Однажды ночью, вскорѣ послѣ похоронъ дѣда, случилась страшная гроза. Вѣтеръ бушевалъ почти цѣлую ночь, и только подъ утро все успокоилось. На слѣдующій день Айша пошла на берегъ Волги, чтобы посмотрѣть, какихъ бѣдъ тамъ натворила могучая рѣка и сколько разбила и потопила плотовъ и барокъ. Утро было ясное и тихое. Айша спустилась съ крутого обрыва и пошла по песчаному, поросшему мелкимъ кустарникомъ берегу рѣки, къ которому тамъ и сямъ прибило нѣсколько бревенъ и досокъ отъ сломанныхъ плотовъ и барокъ. Вдругъ она испуганно вскрикнула, увидавъ возлѣ самой воды на пескѣ неподвижно распростертаго человѣка, выброшеннаго волнами. Айша въ ужасѣ хотѣла бѣжать прочь, чтобы позвать людей, но въ это самое мгновеніе несчастный издалъ слабый стонъ и пошевелился. Добрая, жалостливая Айша подошла ближе къ лежавшему на пескѣ человѣку. Это былъ молодой татаринъ, почти мальчикъ, съ еле пробивающимися усиками на верхней губѣ. Шелковый зилянъ незнакомца, съ серебряными застежками, былъ весь мокрый и выпачканъ въ глинѣ и пескѣ; бритая голова съ запекшейся кое-гдѣ кровью находилась на самомъ солнцепекѣ и была почти сплошь облѣплена мухами.

Айша прежде всего постаралась оттащить незнакомца въ тѣнь кустовъ, и, такъ какъ у нея ничего иного не было подъ руками, чѣмъ можно было бы принести воды и обмыть раны, то она сорвала со своей головы шелковый колпачекъ съ бахромой и позументами, зачерпнула имъ въ Волгѣ воды и стала ею мочить лицо, виски и промывать рану на головѣ молодого татарина, оказавшуюся, впрочемъ, простой царапиной; затѣмъ она обвязала ее своимъ платкомъ. Вскорѣ незнакомецъ открылъ глаза и мало-по-малу началъ приходить въ чувство. Наконецъ, онъ приподнялся и сѣлъ, съ удивленіемъ смотря вокругъ себя и на Айшу.

— Кто ты, и какъ тебя зовутъ, красавица? спросилъ онъ у Айши.

Только тутъ Айша вспомнила, что стоитъ съ открытымъ лицомъ передъ незнакомымъ мужчиной. Она страшно смутилась и тотчасъ же накинула себѣ на голову сброшенный, было, халатъ.

— Самъ Аллахъ послалъ мнѣ тебя на помощь! продолжалъ между тѣмъ незнакомецъ. Не смущайся, скажи мнѣ, чья ты дочь и какъ тебя зовутъ?

Айша назвала свое имя и сказала, что она изъ сосѣдней деревни, дочь Насыра Кочакова.

Молодой татаринъ, въ свою очередь, сказалъ ей, что его зовутъ Ибрагимомъ, что онъ сопровождалъ хлѣбную барку своего отца въ Астрахань, но ночью буря потопила ихъ барку, и онъ вмѣстѣ съ остальными своими спутниками принужденъ былъ спасаться на маленькой лодочкѣ, которую опрокинуло раньше, чѣмъ они прибыли къ берегу; а что было потомъ, онъ не помнитъ, и спаслись ли его спутники, ему ничего объ этомъ неизвѣстно.

Пока они разговаривали такимъ образомъ, вдали на рѣкѣ показалась большая лодка, плывшая по направленію къ нимъ возлѣ берега, а по берегу шло нѣсколько человѣкъ, внимательно осматривавшихъ сосѣдніе кусты.

— Ахъ, вонъ, я вижу, тамъ идутъ наши люди! Они, должно быть, меня отыскиваютъ! вскричалъ Ибрагимъ.

Айша, считая, что она тутъ больше не нужна, быстро поднялась съ мѣста и, промолвивъ „селямъ алейкюмъ“, исчезла.

V.

Ибрагимъ былъ сынъ богатаго казанскаго купца Сафара Османова, ведшаго обширную торговлю хлѣбомъ. Сафаръ былъ примѣрный мусульманинъ и не жалѣлъ средствъ, чтобы дать сыну хорошее домашнее образованіе въ духѣ магометанской религіи. Онъ нанималъ для него опытныхъ мудеррисовъ (профессоровъ) и муллъ, которые ознакомили своего ученика со всѣми тонкостями магометанской религіи и тѣми науками, которыя преподаются въ высшихъ магометанскихъ

медрессе (школахъ), находящихся въ Бухарѣ. Но кромѣ этихъ, преимущественно богословскихъ наукъ, Ибрагимъ прекрасно изучилъ арабскій, персидскій и турецкій языки, столь необходимые для торговли съ восточными странами. Ему было 18 лѣтъ, когда онъ закончилъ свое образованіе, и отецъ хотѣлъ его женить, такъ какъ, по мнѣнію татаръ, не хорошо молодымъ людямъ оставаться долгое время не женатыми. Почти у всѣхъ магометанъ жену для сына обыкновенно выбираетъ отецъ, но Сафаръ не хотѣлъ навязывать свою волю сыну, а предоставилъ ему самому подыскивать для себя невѣсту. И Ибрагимъ черезъ услужливыхъ свахъ, давшихъ ему возможность видѣть въ лицо всѣхъ богатыхъ невѣстъ въ Казани, познакомился со многими татарскими дѣвушками; но ни одна изъ нихъ не пришлась ему по душѣ. Тогда онъ упросилъ своего отца позволить сопровождать одну изъ хлѣбныхъ барокъ, отправляемыхъ въ Астрахань, гдѣ онъ думалъ поискать себѣ невѣсту по сердцу. Отецъ охотно согласился на его просьбу, тѣмъ болѣе, что считалъ такое путешествіе необходимымъ для молодого человѣка; такъ какъ онъ ознакомится не только съ людьми, но и съ торговыми оборотами, напрактикуется въ торговыхъ дѣлахъ и въ умѣньѣ обращаться съ приказчиками и рабочими. Онъ далъ ему рекомендательныя письма къ своимъ богатымъ единовѣрцамъ въ Астрахани и отправилъ въ путешествіе. Но эта первая самостоятельная поѣздка оказалась для Ибрагима неудачной и едва не стоила ему жизни. Въ первую же ночь послѣ выхода его изъ Казани надъ Волгой разыгралась такая страшная буря, что баркѣ стала угрожать гибель. Ибрагимъ, всегда религіозно настроенный, увидалъ въ этомъ гнѣвъ Божій на него за то, что, вступая въ жизнь взрослаго человѣка, онъ не испросилъ предварительно благословенія Божія и не сдѣлалъ паломничества


Молодой зажиточный татаринъ.

въ Мекку, которое, какъ мы говорили, предписывается кораномъ совершить хоть одинъ разъ въ жизни каждому правовѣрному мусульманину. И вотъ теперь, видя близость гибели, онъ поклялся въ душѣ, что, если только останется въ живыхъ, обязательно съѣздить въ Мекку на поклоненіе Каабѣ и уже потомъ займется устройствомъ своихъ личныхъ дѣлъ. Его чудесное спасеніе и встрѣча съ Айшей, поразившей его своей красотой, показались ему тоже не простой случайностью, а предзнаменованіемъ и какъ бы указаніемъ свыше на то, что эта дѣвушка и есть его суженая.

Вернувшись послѣ крушенія домой, онъ разсказалъ своему отцу во всѣхъ подробностяхъ, что съ нимъ случилось, а также о своемъ обѣщаніи и о своихъ дальнѣйшихъ планахъ. Отецъ одобрилъ намѣреніе сына совершить паломничество въ Мекку. Что же касается женитьбы на какой-то неизвѣстной дѣвушкѣ, то отецъ хотѣлъ объ этомъ подумать и во всякомъ случаѣ навести справки, кто она такая и заслуживаетъ ли того, чтобы онъ на ней женился. Сафаръ не гнался за богатствомъ невѣсты для своего сына, но онъ, какъ человѣкъ осмотрительный и осторожный, все-таки не хотѣлъ, чтобы его сынъ по молодости лѣтъ и неопытности женился Богъ знаетъ на комъ. Но Ибрагимъ такъ былъ очарованъ Айшею и такъ убѣдилъ себя въ томъ, что она назначена ему самимъ небомъ въ жены, что слышать не хотѣлъ, чтобы его отецъ наводилъ какія бы то ни было о ней справки; онъ упросилъ его, что, если тотъ все-таки будетъ это дѣлать въ его отсутствіе, то по крайней мѣрѣ дѣлалъ бы такъ, чтобъ ни Айша, ни ея родные объ этомъ и не подозрѣвали; ему казалось, что своимъ недовѣріемъ онъ можетъ не только оскорбить Айшу, но и прогнѣвить самое судьбу, пославшую ему эту дѣвушку. И отецъ долженъ былъ дать ему слово до его возвращенія изъ Аравіи никому ничего не говорить объ его намѣреніи жениться на Айшѣ.

VI.

Вернувшись домой, Айша ничего не сказала своей матери о томъ, что она видѣла и что дѣлала на берегу; она не знала, хорошо или худо она поступила, и боялась, какъ бы

мать не забранила ее за то, что она разговаривала съ незнакомымъ молодымъ татариномъ, позабывъ закрыть свое лицо. Отца въ это время не было дома; онъ, по обыкновенію, былъ въ отлучкѣ, ѣздилъ по приволжскимъ деревнямъ и селамъ скупать разный товаръ.

На слѣдующій день, справивъ домашнюю работу, Айша убѣжала на берегъ Волги, надѣясь опять тамъ увидать своего вчерашняго знакомца; но его не оказалось. Каждый день съ тѣхъ поръ она ходила на Волгу, постоянно мечтая объ Ибрагимѣ, гдѣ онъ, и помнитъ ли онъ ее...

Прошло около недѣли; вода на Волгѣ спала; кое-гдѣ стали обнажаться залитые до тѣхъ поръ низменные берега. Однажды Айша сидѣла на обрывѣ и смотрѣла на Волгу; посрединѣ рѣки, гдѣ въ обыкновенную воду бываетъ обнаженная мель, виднѣлись выставившіеся изъ воды края затопленной барки, около которой суетились какіе-то люди на лодкахъ. Айшѣ тотчасъ же пришло на мысль, что это, должно быть, та самая барка и есть, на которой Ибрагимъ потерпѣлъ крушеніе. Она стала пристально всматриваться въ виднѣвшихся около барки людей, въ надеждѣ увидать среди нихъ того, кто все время занималъ ея мысли; но барка была далеко, и люди возлѣ нея казались такими крохотными букашками, что ни одной человѣческой фигуры невозможно было ясно разсмотрѣть.

Вдругъ Айша вздрогнула; ей почудились за спиной чьи-то шаги. Она быстро обернулась и едва не вскрикнула отъ радости: передъ ней былъ Ибрагимъ!

— Селямъ алейкюмъ, Айша! промолвилъ молодой татаринъ, подходя къ дѣвушкѣ.

— Алейкюмъ селямъ, Ибрагимъ! зардѣвшись, отвѣтила она, и, схвативъ лежавшій подлѣ нея зилянъ, быстро накинула его себѣ на голову и закрыла лицо.

Ибрагимъ въ своемъ свѣжемъ шелковомъ кафтанѣ и расшитой золотомъ бархатной тюбитейкѣ казался теперь настоящимъ красавцемъ.

— Что это ты тутъ дѣлаешь? спросилъ онъ у Айши.

— А вотъ смотрю на рѣку. Это тамъ не около ли вашей барки работаютъ люди?

— Да, около нашей. Теперь вода спала, и мы думаемъ, что, можетъ-быть, удастся хоть сколько-нибудь спасти хлѣба

— А ты отчего же не тамъ?

— Я пошелъ бродить по берегу въ надеждѣ, не встрѣчу ли тутъ мою прекрасную спасительницу, о которой я постоянно думаю съ тѣхъ поръ, какъ первый разъ увидалъ ее...

Если бы молодой татаринъ могъ видѣть, какъ отъ этихъ словъ зардѣлось подъ зиляномъ лицо Айши, онъ навѣрное остался бы доволенъ своею любезностью.

— Я тоже о тебѣ вспоминала! сказала молодая дѣвушка.

— Какъ, и ты обо мнѣ думала? радостно вскричалъ Ибрагимъ.

Айша, молча, утвердительно кивнула головой.

— Скажи мнѣ, Айша, ты не просватана? У тебя нѣтъ жениха? спросилъ Ибрагимъ.

Айша отрицательно покачала головой.

— Согласилась ли бы ты пойти за меня замужъ, если бы я прислалъ къ тебѣ сватовъ? прямо задалъ вопросъ молодой татаринъ.

Айша была застигнута врасплохъ этимъ внезапнымъ предложеніемъ. Сердце ея сильно стучало, и она не знала, что ей отвѣтить.

— Это не моя воля: у меня есть отецъ! сказала она, наконецъ.

— Слушай, Айша, заговорилъ Ибрагимъ, мое знакомство съ тобой было такъ чудесно, что я вижу въ этомъ указаніе Аллаха жениться на тебѣ. Скажи мнѣ, если твой отецъ согласится выдать тебя за меня, ты не будешь противиться?

— Я не мечтала о такомъ счастьѣ! отвѣтила Айша. Мы, вѣдь, бѣдны, а у васъ вонъ ходятъ барки съ хлѣбомъ. Какая же я тебѣ пара?

— Полно, Айша! Это ничего не значитъ. Мой отецъ говоритъ, что не въ деньгахъ счастье, а въ хорошей женѣ.

— Если мой отецъ согласится выдать меня за тебя, развѣ я могу этому противиться? уклончиво сказала Айша.

Татарскія дѣвушки не привыкли къ самостоятельности и свободѣ въ выборѣ себѣ жениха—воля отца для нихъ все.

Но Ибрагимъ, какъ сынъ одного изъ богатѣйшихъ татаръ въ Казани, былъ увѣренъ, что ея отецъ наврядъ ли будетъ что-нибудь имѣть противъ ихъ брака, и считалъ это дѣло порѣшеннымъ. Онъ разсказалъ Айшѣ о своемъ намѣреніи съѣздить сначала въ Мекку на поклоненіе Каабѣ, а оттуда въ Медину для поклоненія гробу пророка и въ заключеніе добавилъ:

— Ты видишь, что я не могу сейчасъ же прислать къ тебѣ сватовъ. Поэтому ужъ позволь мнѣ говорить тебѣ о настоящемъ сватовствѣ по возвращеніи изъ путешествія. Но я хотѣлъ бы только, чтобъ ты объ этомъ нашемъ разговорѣ тоже до поры, до времени никому не говорила, даже своимъ родителямъ. Вѣдь, кто знаетъ, судьбы Аллаха неисповѣдимы— мало ли что можетъ со мною случиться въ дорогѣ? Зачѣмъ же людямъ заранѣе знать о томъ, что касается только насъ двоихъ?

— Я охотно тебѣ это обѣщаю! сказала Айша. Когда же ты хочешь ѣхать?

— На этихъ дняхъ. Я хотѣлъ только передъ отъѣздомъ повидаться съ тобой и заручиться твоимъ согласіемъ.

— А какъ же барка съ хлѣбомъ?

— Тамъ наблюдаетъ за работами нашъ управляющій, и мнѣ тутъ совсѣмъ нечего дѣлать.

— Когда же ты вернешься?

— Все будетъ зависѣть отъ воли Аллаха. Если онъ позволитъ, то я надѣюсь вернуться мѣсяца черезъ два или три, во всякомъ случаѣ къ началу осени.

VII.

Лѣто было въ полномъ разгарѣ. Прошло уже около двухъ мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ Ибрагимъ уѣхалъ въ Аравію. Айша считала дни и часы, соображая, сколько еще остается времени до его возвращенія. Она свято держала данное ему слово никому не говорить объ его сватовствѣ до возвращенія его самого, хотя эта тайна и сильно ее тяготила: ей такъ хотѣлось подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своимъ счастьемъ. Но она скорѣе дала бы голову на отсѣченіе, чѣмъ

позволить себѣ проболтаться. Теперь аккуратнѣе прежняго она ходила каждый день на берегъ Волги и тамъ, сидя на излюбленномъ ею обрывѣ, предавалась воспоминаніямъ о свиданіи съ Ибрагимомъ и мечтамъ о своей будущей съ нимъ жизни.

Но тихому и безмятежному счастью Айши скоро пришло тяжелое испытаніе.

Однажды ея отецъ съ улыбкой и какъ бы вскользь замѣтилъ:

— Должно-быть, скоро наша птичка выпорхнетъ изъ нашего гнѣздышка.

Айша смущенно насторожилась: ужъ не узналъ ли какъ-нибудь отецъ ея тайну? И, зарумянившись, она молча потупилась.

— А что? спросила жена. Развѣ женихъ какой-нибудь находится?

— Да есть тутъ кое-кто...

Айша смутилась еще болѣе и еще ниже наклонила голову.

— Кто же такой? спросила мать.

— Женихъ богатый и хорошій.

— Ну, да не томи же, говори ужъ, кто такой? снова спросила жена.

— Правда, онъ ужъ не молодъ, и Айша будетъ у него второй, но зато любимою женой!.. загадочно сказалъ Насыръ.

Айша при этихъ словахъ поблѣднѣла, какъ полотно. „Такъ, значитъ, отецъ говоритъ о какомъ-то другомъ женихѣ!“ мелькнуло у нея въ головѣ, и въ глазахъ ея потемнѣло отъ одной этой мысли.

— Да кто такой, знакомый, что ли? продолжала допытывать жена.

— А кто бы, ты думала? Вовѣки не угадать! Купецъ изъ сосѣдней деревни, Абдулъ Магометовъ!

— Абдулъ Магометовъ! Да ты не шутишь? Неужто этотъ богатый купецъ хочетъ сватать нашу Айшу?

— Онъ черезъ другихъ узнавалъ у меня, какъ я посмотрю на это сватовство.

— Ну, и что же ты?

— Я сказалъ, что сочту для себя за великую честь, если Аллаху угодно будетъ, чтобы Абдулъ посватался за мою Айшу.

При этихъ словахъ отца молодая дѣвушка не выдержала и разрыдалась.

— Что ты? Что съ тобой, дитя мое? тревожно спросилъ отецъ.

— Батюшка, не выдавай меня за Абдула! Я не пойду за него! съ рыданіемъ произнесла Айша.

— Вотъ тебѣ на! Да развѣ я тебѣ худого желаю? И какъ это — не пойду? Давно ли татарскія дѣвушки перестали признавать волю отца? Не гнѣви Бога! Ты должна считать за великое счастіе, что за тебя хочетъ свататься такой богатый и всѣми уважаемый человѣкъ.

— Мнѣ легче умереть, чѣмъ итти за него замужъ! продолжала причитать Айша.

— Не говори глупостей! Если я ему откажу, такъ кто же послѣ него за тебя рѣшится свататься? Вѣдь не князя же намъ ожидать! Скажутъ: вонъ они какіе, не хотѣли выдать Айшу даже за Абдула, который могъ дать за нее такой калымъ, что обыкновеннымъ татарамъ и во снѣ не приснится! И всѣ тебя будутъ обходить, и ты останешься вѣчною дѣвкой. Ну, да что тутъ толковать! Это всѣ дѣвушки всегда такъ говорятъ: не пойду да не пойду; потомъ сама поймешь, что говорила глупости.

— Батюшка, откажи ему сразу, и пусть онъ не доводитъ дѣло до сватовства! молила Айша.

— Полно, глупая! Какъ я ему откажу, когда уже далъ понять, что согласенъ? Ты, можетъ быть, боишься быть второй женой? Такъ, вѣдь, у Абдула большая торговля, и онъ съ каждымъ годомъ богатѣетъ все больше и больше. У него въ Сенгилеѣ большое торговое дѣло, а своего человѣка никого тамъ нѣтъ; онъ потому и беретъ вторую жену, что хочетъ съ нею переселиться въ Сенгилей, а старую оставить на прежнемъ мѣстѣ завѣдывать хозяйствомъ, такъ что тебѣ нечего опасаться, что ты будешь въ подчиненіи у старшей жены; ты сама будешь полная хозяйка.

— Ничего мнѣ отъ него не надо, а только сдѣлай милость, не неволь меня итти за Абдула! продолжала умолять Айша.

— Ну, полно, полно! Вѣдь не сейчасъ еще придутъ сваты; скоро начнется Нижегородская ярмарка, и, по всей

вѣроятности, Абдулъ вздумаетъ сдѣлать свадьбу только послѣ нея, такъ что времени у тебя еще будетъ достаточно, чтобы образумиться.

Это соображеніе отца немного успокоило Айшу: если Абдулъ пришлетъ сватовъ не раньше, какъ послѣ Нижегородской ярмарки, то, можетъ быть, къ тому времени вернется изъ своего паломничества Ибрагимъ, и тогда все можетъ обернуться по другому. Но кто знаетъ, успѣетъ ли онъ къ тому времени возвратиться? Что, если что-нибудь его задержитъ?

И Айша мучилась этими опасеніями и не спала ночей.

VIII.

Лѣто быстро проходило. Вотъ началась и Нижегородская ярмарка. Насыръ уѣхалъ въ Нижній. Безпокойство Айши съ каждымъ днемъ возрастало все болѣе и болѣе. Ибрагимъ, по ея соображеніямъ, долженъ былъ уже вернуться, а его все не было, объ немъ не было ни слуху, ни духу. Если бы Айша знала, куда ему писать, она сообщила бы ему о своемъ затруднительномъ положеніи, попросила бы у него совѣта, какъ ей быть. Но она не знала, гдѣ онъ. Каждый день она ходила на берегъ Волги на свое излюбленное мѣсто и мечтала, что вотъ-вотъ Ибрагимъ внезапно явится передъ нею, какъ въ тотъ разъ, передъ отъѣздомъ. Но ожиданія ея не сбывались.

Время шло. Отецъ Айши уже вернулся съ ярмарки, которая скоро должна была совсѣмъ окончиться. Вернулся также, какъ узнала Айша, и Абдулъ. Отецъ полунамеками давалъ понять, что скоро должны заявиться отъ него сваты. Айша потеряла давно уже сонъ и постоянно молилась, прося Бога научить ее, какъ ей быть. Родители Айши стали готовиться къ встрѣчѣ сватовъ. Они тщательно прибирали въ домѣ и во дворѣ, чтобы не ударить лицомъ въ грязь передъ сватами. Насыръ вычистилъ и вымелъ ограду, его жена вымыла въ домѣ полы, выбѣлила въ свѣтелкѣ стѣны и потолки, повѣсила новыя занавѣски. Сваты могли явиться со дня на день.

Однажды за деревней послышались колокольчики, и вскорѣ на улицѣ показался тарантасъ, запряженный тройкой лошадей; въ немъ сидѣли два татарина въ богатыхъ шелковыхъ одеждахъ, въ бѣлыхъ кисейныхъ чалмахъ, изъ-подъ которыхъ виднѣлись шитыя золотомъ тюбитейки. Одинъ изъ ѣхавшихъ былъ тучный, уже пожилой мужчина, другой совсѣмъ старикъ, съ длинною сѣдою бородою, которая такъ почитается у мусульманъ.

Ямщикъ лихо осадилъ тройку неподалеку отъ дома Насыра и спросилъ у проходившаго татарина, гдѣ тутъ живетъ Насыръ Кочаковъ, и когда татаринъ указалъ, тройка подъѣхала къ воротамъ; оба пріѣзжихъ вышли изъ экипажа и направились во дворъ.

Въ это время Насыръ, заслышавъ, что кто-то подъѣхалъ къ его дому, вышелъ навстрѣчу гостямъ. Онъ былъ увѣренъ, что это сваты отъ Абдула Магометова. Но каково же было его удивленіе, когда онъ въ толстомъ татаринѣ узналъ одного изъ самыхъ богатыхъ казанскихъ купцовъ, Сафара Османова, котораго ему приходилось встрѣчать въ Казани, хотя лично съ нимъ онъ и не былъ знакомъ. „Вотъ какъ, подумалъ онъ: Абдулъ пригласилъ въ сваты Сафара Османова! Кто бы могъ подумать, что онъ съ нимъ такъ хорошо знакомъ, и какая это честь для меня!"

— Селямъ алейкюмъ, дорогой Насыръ! И да осѣнитъ всемогущій Аллахъ тебя своею благодатью вмѣстѣ съ семействомъ и домомъ твоимъ! произнесъ Сафаръ, подходя къ Насыру и протягивая ему, по татарскому обычаю, обѣ ладони, вложивъ ихъ одна на другую на протянутыя ладони Насыра.

— Алейкюмъ селямъ, дорогіе гости! И надъ вами пусть будетъ благословеніе Аллаха! отвѣтилъ Насыръ.

— Я казанскій купецъ Сафаръ Османовъ и пришелъ къ тебѣ вмѣстѣ съ другомъ своимъ муллой Омаромъ. Не будешь ли ты такъ добръ, не пріютишь ли насъ на нѣкоторое время въ своемъ домѣ?

— Я и моя семья почтемъ за великое счастіе, если такіе высокіе гости удостоятъ нашу бѣдную хижину своимъ посѣщеніемъ. Мой домъ и мой дворъ въ вашемъ распоряженіи! отвѣтилъ Насыръ. Онъ помнилъ еще школьные уроки учти-

вости и не забылъ, какъ надо выражаться высокимъ слогомъ въ торжественныхъ случаяхъ.

Насыръ повелъ гостей въ свое жилище, въ то время какъ кучеръ, растворивъ ворота, вводилъ лошадей во дворъ.

Айша, услыхавъ пріѣздъ сватовъ, въ испугѣ убѣжала въ черную половину избы и запряталась тамъ въ самый дальній уголъ.

Насыръ ввелъ гостей въ свѣтелку и усадилъ ихъ на самое почетное мѣсто. Его жена, по мусульманскому обычаю, не выходила къ гостямъ и не открывала своего лица передъ ними; она оставалась за занавѣсью и готовила самоваръ и разныя угощенія.

— Мы пріѣхали къ тебѣ, дорогой Насыръ, за дѣломъ, заговорилъ Сафаръ. Мы знаемъ, что у тебя есть дочь невѣста. Аллаху угодно было, чтобы она оказала моему сыну Ибрагиму великую помощь въ то время, когда онъ умиралъ отъ ранъ и зноя, выброшенный на берегъ послѣ крушенія барки, и Ибрагимъ видитъ въ этомъ перстъ судьбы, указывающій ему его суженую. Онъ умоляетъ тебя не отказать ему въ рукѣ твоей дочери.

По мѣрѣ того, какъ Сафаръ говорилъ, лицо Насыра отъ удивленія вытягивалось все болѣе и болѣе. Онъ былъ увѣренъ, что тотъ пріѣхалъ сватать его Айшу за Абдула, и вдругъ оказывается, что онъ сватаетъ ее за своего собственнаго сына! Что же это? Ужъ не во снѣ ли онъ все это видитъ?

— Прости меня, достоуважаемый Сафаръ, заговорилъ онъ, наконецъ, но мнѣ кажется, здѣсь кроется какое-то недоразумѣніе. Моя дочь никогда не говорила мнѣ ничего о томъ, что ты сообщаешь. Не ошибаешься ли ты? О моей ли Айшѣ идетъ дѣло?

— Нѣтъ, дорогой Насыръ, я не ошибаюсь и знаю, что говорю. Мой сынъ предупредилъ меня, что, вѣроятно, родители Айши не знаютъ о томъ, что случилось этою весною и какъ завязалось его знакомство съ твоею дочерью; онъ самъ просилъ твою дочь никому ничего не говорить объ этомъ до тѣхъ поръ, пока онъ не исполнитъ своего обѣта съѣздить въ Мекку на поклоненіе Каабѣ. А просилъ онъ ее объ этомъ потому, что боялся какъ-бы ихъ знакомство не

было перетолковано дурно. Но вотъ онъ теперь вернулся изъ своего паломничества и проситъ меня начать сватовство.

Только теперь Насыръ началъ понимать, почему его всегда послушная Айша такъ настойчиво отказывалась итти за Абдула и такъ умоляла его отказать ему.

— Если все это такъ, то мнѣ остается только возблагодарить Аллаха за его милости ко мнѣ и къ моей дочери и покориться его волѣ. О такой высокой чести, какъ родство съ тобой, мнѣ никогда и во снѣ не могло присниться, достоуважаемый Сафаръ! Но для меня все это такъ неожиданно и необыкновенно, что прежде, чѣмъ сказать послѣднее слово, я попрошу у тебя позволенія переговорить сначала съ самой Айшей.

— О, разумѣется, ты это долженъ сдѣлать. Иди же, и да благословитъ тебя Аллахъ!

Насыръ вышелъ изъ свѣтелки разыскивать свою дочь. Но она съ перепуга такъ далеко запряталась и такъ долго не подавала голоса, что ему только съ трудомъ удалось ее найти.

— Айша, милая моя Айша, да куда же ты это запропастилась? ласково обратился онъ къ ней.

— Батюшка, батюшка, не отдавай меня! Мнѣ легче умереть, чѣмъ итти за Абдула! зарыдала Айша.

— Полно, глупенькая, не объ Абдулѣ уже идетъ дѣло! А скажи-ка ты мнѣ, плутовка, какъ и когда ты познакомилась съ Ибрагимомъ Сафаровымъ?

Айша встрепенулась, какъ ужаленная.

— Откуда ты это узналъ? спросила она, вскинувъ на него свои заплаканные глаза.

— Да вѣдь это отецъ Ибрагима пріѣхалъ сватать тебя за своего сына. Онъ мнѣ сейчасъ все и разсказалъ.

Айша бросилась отцу на шею.

— Развѣ Ибрагимъ вернулся? радостно вскричала она.

— Ну, да, вернулся. А значитъ, все то правда, что его отецъ мнѣ сообщилъ?

— Правда, правда, батюшка! Но ты прости меня: я не могла тебѣ объ этомъ говорить раньше, потому что была связана словомъ.

— Ну, такъ утри же свои слезы и возблагодари Аллаха за его милости къ тебѣ. Я пойду и объявляю Сафару, что ты согласна! сказалъ Насыръ.

— Такъ, значитъ, ты не отдашь меня за Абдула? Нѣтъ? Вѣдь нѣтъ?

Отецъ улыбнулся.

— Пусть Абдулъ самъ на себя пеняетъ, зачѣмъ опоздалъ со своими сватами! сказалъ онъ и, оставивъ счастливую Айшу одну, ушелъ заявить отцу Ибрагима, что ни съ его стороны, ни стороны невѣсты отказа нѣтъ.

Тутъ же были заключены всѣ условія о калымѣ, переговоры о которыхъ Насыръ велъ уже не съ Сафаромъ, а съ пріѣхавшимъ вмѣстѣ съ нимъ въ качествѣ свидѣтеля муллой Омаромъ. По обычаю татаръ, въ пользу отца идетъ только одна половина калыма, да и изъ нея значительная часть уходитъ на приданое невѣстѣ, а другая въ пользу самой невѣсты, для обезпеченія ея на случай развода; и дѣло это было быстро улажено, такъ какъ Насыръ предоставилъ самому Сафару назначить размѣръ калыма.

IX.

Ко дню свадьбы въ деревню съѣхались всѣ ближайшіе родственники жениха. Погода стояла прекрасная, и Сафаръ приказалъ разбить возлѣ деревни нѣсколько богатыхъ шатровъ, въ которыхъ и принималъ своихъ гостей. Со времени помолвки женихъ почти каждый день присылалъ своей невѣстѣ богатые подарки; но самъ онъ, по обычаю, не могъ бывать въ домѣ своей невѣсты до тѣхъ поръ, пока она не сдѣлалась его женой.

За недѣлю до свадьбы начались свадебные пиры, которые состояли въ томъ, что родные жениха и невѣсты попеременно собирались каждый день то у родителей жениха, то въ домѣ отца невѣсты, при чемъ собранія мужчинъ происходили отдѣльно отъ собраній женщинъ, такъ что въ то время, какъ мужчины собирались въ шатрѣ родителей жениха, женщины гостили въ домѣ родителей невѣсты, и наоборотъ. Но сама невѣста не должна была участвовать въ этихъ пирахъ.



За свадебнымъ пиромъ.

Идя на свадебный балъ, богатыя татарки одѣвались обыкновенно въ свои лучшія платья, украшали себя многочисленными кольцами и перстнями съ драгоцѣнными камнями, браслетами, золотыми цѣпочками и т. п. и обязательно накрашивали свои лица бѣлилами и румянами, сурьмили брови и рѣсницы, а также чернили зубы и красили ногти. При этомъ каждая богатая гостья, идя къ невѣстѣ, обязательно должна была захватить съ собой для нея какой-нибудь подарокъ; впрочемъ, бѣдныя родственницы невѣсты, по обычаю, избавлялись отъ этой повинности и, появляясь на этихъ балахъ разодѣтыми въ чужія платья, обыкновенно сами получали разные подарки отъ невѣсты.

Женщины-гости, осмотрѣвъ подарки, усаживались, поджавъ ноги, на разостланные ковры и начинали вести безконечные разговоры о своихъ нарядахъ, а въ это время пода-

вали угощеніе: чай, разныя сласти и обѣдъ или ужинъ, смотря по времени дня. Обѣдъ и ужинъ открывались тѣмъ, что первымъ дѣломъ подавали медъ и масло, которые гости намазывали на хлѣбъ и ѣли съ величайшимъ наслажденіемъ. Затѣмъ слѣдовали пироги, пилавы, жаркія и пирожныя, всего иногда до 20 и болѣе блюдъ, изъ которыхъ каждому отдавали должное вниманіе. Собственно и весь балъ обыкновенно состоялъ только въ безпрерывной ѣдѣ и питьѣ, и такіе пиры длились иногда цѣлый день, по десять и болѣе часовъ. Такъ какъ погода стояла жаркая, то отъ обильныхъ угощеній, сопровождавшихся питьемъ безчисленнаго множества чашекъ чая, сильно страдали пріѣхавшіе изъ Казани богатыя татарки, хотя уже и привыкшія у себя дома къ такимъ угощеніямъ. Бѣлила и румяна отъ обильнаго пота расплывались у нихъ по лицамъ, и онѣ постоянно должны были выходить изъ-за стола и снова намазывать себя этими снадобьями. Но черезъ нѣсколько времени лицо опять разрисовывалось отъ пота и снова приходилось приводить его въ порядокъ, а также постоянно смѣнять платья, мокрыя отъ испарины.

Положеніе женщины у татаръ вообще незавидное, а у богатыхъ татаръ въ особенности. У себя дома онѣ ведутъ замкнутый образъ жизни и по большей части лишены даже свѣжаго воздуха. Садовъ при ихъ домахъ нѣтъ, и только у немногихъ бываютъ небольшіе палисадники, но и туда татарская барыня можетъ выйти не иначе, какъ съ ногъ до головы закутанная эпляномъ, чтобы не встрѣтиться съ какимъ-либо родственникомъ. Она даже боится выглянуть въ окно, чтобы кто-либо изъ проходящихъ мужчинъ не увидалъ ее, да и окна у нихъ въ большинствѣ случаевъ бываютъ загромождены горшками съ сильно пахучими цвѣтами. Онѣ могутъ открывать свое лицо только передъ мужемъ, потому что лица ихъ запрещено видѣть даже свекрамъ, братьямъ мужа, дядьямъ и вообще всякому мужчинѣ, кромѣ мужа. Но у болѣе бѣдныхъ татаръ и въ особенности у деревенскихъ, этотъ обычай соблюдается уже не такъ строго. Вообще женщины низшаго сословія живутъ гораздо свободнѣе своихъ богатыхъ подругъ и часто ходятъ даже совсѣмъ съ открытыми лицами, закрывая ихъ только при встрѣчѣ съ татариномъ.

У мужчинъ пирушки были нѣсколько оживленнѣе, но и у нихъ онѣ состояли тоже почти въ одной только ѣдѣ и питьѣ. Коранъ запрещаетъ магометанамъ употребленіе спиртныхъ напитковъ, и потому у нихъ на свадьбахъ нѣтъ и не можетъ быть того безшабашнаго разгула, какой бываетъ на нашихъ свадьбахъ. Татарскіе хмельные напитки — медъ, ай-



Зажиточная татарская семья.

ранъ и кумысъ, хотя и кружатъ немного голову, но не охмеляютъ до такой степени, какъ вино. Правда, и у нихъ устраивались иногда пѣніе и пляски, но все это дѣлалось чинно и въ общемъ довольно скучно, точно они исполнили какую-то обязанность.

Наканунѣ свадьбы невѣсту посадили на коверъ и отнесли въ палатку родителей жениха, гдѣ она въ первый разъ уви-

далась и познакомилась со своими будущими родственницами. А въ день свадьбы женихъ прислалъ своей невѣстѣ, какъ подарокъ, обязательный на каждой татарской свадьбѣ, двѣ огромныхъ кадки, одну съ медомъ, другую съ топленымъ коровьимъ масломъ для свадебнаго пира. Вечеромъ въ этотъ день былъ поданъ самый обильный по числу и разнообразію блюдъ ужинъ. Когда мужчины насытились, они начали откашливаться, показывая этимъ, что довольны и благодарятъ хозяина. Затѣмъ всѣ встали и начали класть на разостланную скатерть въ подарокъ невѣстѣ деньги, кто сколько могъ. Сборъ этотъ, называемый „шербетомъ", былъ отнесенъ отцомъ невѣсты въ ея спальню. Возвратившись отъ дочери, Насыръ заявилъ, что она приняла подарокъ. Это значило, что она всенародно заявляла о своемъ согласіи на замужество съ Ибрагимомъ. Тогда мулла, соблюдая обрядъ, спросилъ у жениха, согласенъ ли онъ взять ее въ жены; когда тотъ всенародно выразилъ свое согласіе, мулла спросилъ у отца его, согласенъ ли тотъ на уплату условленнаго калыма. Получивъ и отъ него утвердительный отвѣтъ, мулла началъ читать молитву, послѣ которой громко, во всеуслышаніе прочелъ брачный договоръ, въ которомъ между прочимъ говорилось, что, при согласіи обѣихъ сторонъ и при 10,000 рубляхъ калыма, Насыръ Кочаковъ соглашается выдать свою дочь Айшу, давшую на то довѣренность своему отцу, въ замужество Ибрагиму Османову, по правиламъ мусульманскаго вѣроисповѣданія.

— Согласенъ, выдаю! подтвердилъ Насыръ.

— Ты, Сафаръ Османовъ, довѣренный со стороны сына своего, соглашаешься ли взять Айшу Кочакову, дочь Насыра Кочакова, при 10,000 рубляхъ калыма, въ законное замужество за своего сына? обратился мулла къ отцу невѣсты.

— Согласенъ, беру! отвѣтилъ Сафаръ.

Бракъ такимъ образомъ былъ заключенъ.

На слѣдующій день Айша простилась съ родителями, и молодой мужъ увезъ ее въ Казань.

Башкиры.

Происхожденіе башкиръ еще мало выяснено. Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что башкиры одного происхожденія съ вогулами и родственными имъ венграми и принадлежатъ къ финскому племени. Другіе ученые, основываясь на сходствѣ башкирскаго языка съ языкомъ приволжскихъ татаръ, относятъ башкиръ къ тюркскому племени, къ которому принадлежатъ и татары. Наконецъ, третьи предполагаютъ, что есть башкиры, родственные народамъ монгольской расы, и есть башкиры, родственные народамъ кавказской расы; къ первымъ относятъ степныхъ башкиръ, ко вторымъ живущихъ въ лѣсныхъ мѣстностяхъ.

Въ башкирской деревнѣ.

Очень можетъ быть, что это послѣднее утвержденіе, болѣе вѣрное, и что именемъ башкиръ въ настоящее время называютъ двѣ совершенно разноплеменныя народности, изъ которыхъ одна была когда-то побѣждена второю, утратила подъ ея вліяніемъ свои первоначальныя особенности и поза-

имствовала у своихъ побѣдителей языкъ, вѣрованія и обычаи, сохранивъ отличія въ чертахъ лица, въ характерѣ. Примѣровъ такого почти полнаго уничтоженія и поглощенія болѣе сильнымъ народомъ народа, менѣе сильнаго, можно найти много въ исторіи народовъ; напримѣръ, обрусѣвшіе вогулы и нѣкоторые другіе инородцы, попавъ подъ вліяніе русскихъ, утратили свой родной языкъ и вѣрованія и въ настоящее время отличаются отъ окружающихъ ихъ русскихъ крестьянъ почти только одними чертами лица.

Въ настоящее время башкиръ можно встрѣтить живущими по обѣимъ сторонамъ средняго и южнаго Урала, во многихъ уѣздахъ Уфимской, Оренбургской, Самарской, Пермской и Вятской губерній, а также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по рѣкамъ Камѣ и Уралу и ихъ притокамъ и по лѣвымъ притокамъ рѣки Тобола, въ Западной Сибири. Ихъ численность достигаетъ до 600,000 душъ, а вмѣстѣ съ родственными имъ тептерями и мещеряками ихъ насчитываютъ болѣе милліона душъ.

Башкиры, подобно казанскимъ и вообще приволжскимъ татарамъ, народъ осѣдлый. Зимою они живутъ деревнями въ деревянныхъ домахъ, которые называются „уй“ и строятся на подобіе нашихъ крестьянскихъ домовъ, только съ широкими нарами вдоль стѣнъ, съ чуваломъ (очагомъ) и вмазаннымъ въ него котломъ для варки пищи. Лѣтомъ же башкиры уходятъ поближе къ своимъ земельнымъ надѣламъ. Многіе считали поэтому башкиръ кочевниками, хотя они такіе же кочевники, какъ наши крестьяне, переселяющіеся на время страдной поры на свои покосы и пашни. Богатые башкиры лѣтомъ живутъ въ кошахъ (войлочныхъ кибиткахъ), на подобіе киргизскихъ, а бѣдные въ аласыкахъ (сдѣланныхъ изъ луба или изъ прутьевъ и бересты шалашахъ).

Еще недавно главнымъ занятіемъ башкиръ было скотоводство. Но въ настоящее время, когда обширныя башкирскія земли частью отняты у нихъ русскими, частью за безцѣнокъ распроданы или сданы въ долговременную аренду русскимъ переселенцамъ самими же башкирами, скотоводство у нихъ сильно сократилось, и башкиры обѣднѣли. Теперь башкиры влачатъ по большей части самое жалкое существо-

ваніе, занимаясь земледѣліемъ на тѣхъ скудныхъ надѣлахъ, которые остались въ ихъ владѣніи.

Подсобными промыслами у нихъ являются пчеловодство и охота; кромѣ того, они занимаются извозомъ, лѣсными промыслами, работою на заводахъ и проч.

Во всѣхъ башкирскихъ деревняхъ посѣтителя поражаетъ какая-то неустроенность, недоконченность, безхозяйственность, отсутствіе домовитости и любви къ дому даже у зажиточныхъ домохозяевъ. Тамъ развалилась крыша на избѣ, тутъ нѣтъ воротъ у ограды, здѣсь упалъ заборъ. Внутри жилища также вездѣ видны небрежность и неопрятность. Башкиры народъ довольно грязный; они не знаютъ мыла, спятъ въ одеждѣ, не раздѣваясь, моются очень рѣдко; благодаря этому, въ домахъ у нихъ заводится масса насѣкомыхъ и паразитовъ. Башкиръ легкомысленъ и нерасчетливъ; онъ живетъ какъ будто заботясь только о текущемъ днѣ, нисколько не думая о будущемъ.

По своему духовному складу, это народъ довольно способный къ умственному развитію. По характеру своему, башкиръ смѣлъ, выносливъ, гостепріименъ и любитъ общество и веселье.

Башкиры такъ же, какъ и татары, исповѣдуютъ магометанскую религію; но у нихъ встрѣчаются, впрочемъ, и остатки древнихъ вѣрованій — поклоненіе духамъ горъ, лѣсовъ, рѣкъ, озеръ и проч.

Многіе, въ особенности изъ зажиточныхъ башкиръ, имѣютъ по двѣ жены, а иногда и болѣе. На женщинахъ у нихъ лежатъ всѣ домашнія работы, но зато онѣ пользуются сравнительно съ другими магометанскими женщинами значительною свободой. Башкирскія женщины въ большинствѣ случаевъ, въ особенности у бѣдныхъ, не закрываютъ своего лица отъ мужчинъ, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этотъ обычай все еще продолжаетъ соблюдаться свято.

Общественное управленіе у башкиръ устроено по образцу русскаго сельскаго и волостного управленія съ небольшими лишь измѣненіями. Наравнѣ съ русскими они отбываютъ также и общую воинскую повинность.

Обычную пищу башкиръ составляютъ молоко и молочные продукты, а также конина, баранина и разныя крупы.

Изъ напитковъ наиболѣе употребительны: чай, кумысъ, айранъ (изъ козьяго и коровьяго молока).

Одежда башкиръ сходна съ татарской. На бритой головѣ носятъ они аракчинку, круглую, шитую шелками и бисеромъ шапочку съ кисточкой; поверхъ ея надѣваютъ остроконечную шапку изъ войлока, отороченную мѣхомъ, съ загнутыми кверху ушами. Поверхъ рубашки и широкихъ шароваръ носятъ бѣлаго сукна кафтанъ татарскаго покроя или бухарскій халатъ, зимою — тулупъ. У богатыхъ имѣются синіе чекмени съ позументами. На поясѣ съ правой стороны сумка, съ лѣвой — мѣшочекъ съ ножикомъ; на ногахъ — сапоги, или сарыки (суконные чулки съ кожаными подошвами) или лапти изъ бересты.

Женщины носятъ косы со шнурами, на которые нанизываются серебряныя монеты. Франтихи чернятъ себѣ брови и зубы, красятъ ногти, бѣлятся, румянятся.

Въ своихъ семейныхъ обычаяхъ, въ свадебныхъ и похоронныхъ обрядахъ и проч. башкиры очень похожи на своихъ единовѣрцевъ татаръ.

Жена Ахмета.

(Разсказъ изъ башкирской жизни).

I.

Ахметъ дѣлалъ пчельникъ.

Выбравъ для устройства борти, (т.-е. улья), высокую осокорь (сортъ тополя) безъ сучьевъ внизу, чтобы по нимъ не могъ добраться до меда лѣсной лакомка-медвѣдь, Ахметъ охватилъ и себя и дерево широкимъ сыромятнымъ плетенымъ ремнемъ, связалъ свободную петлю и при помощи ея началъ взлѣзать на дерево, дѣлая топоромъ на стволѣ осокори зарубки, въ которыя и ставилъ свои ноги. Взобравшись вверхъ саженъ на пять, онъ сдѣлалъ глубокіе затесы въ стволѣ, уперся въ нихъ ногами и отклонился отъ ствола. Опираясь спиною на связывавшій его съ деревомъ, натянувшійся ремень, онъ точно повисъ надъ землей и началъ вырубать топоромъ въ стволѣ осокори колоду—помѣщеніе для пчелъ. Онъ такъ увлекся своей работой, что не замѣтилъ, какъ аракчинка сползла съ его бритой головы и упала на землю, а надоѣдливые комары и мошки начали больно жалить его.

Сдѣлавъ колоду аршина въ два съ половиною въ длину и съ полъ аршина въ ширину, онъ по всей ея длинѣ прорубилъ щель—„летикъ", затѣмъ заколотилъ колоду доской и въ задѣлкѣ сдѣлалъ дырку величиною въ копейку для прохода пчелъ. Послѣ этого, вырѣзавъ на стволѣ дерева свою тамгу, т.-е. свое клеймо, чтобы всѣ знали, чья это борть, и чтобъ никто не могъ взять изъ нея меда, онъ слѣзъ на землю.

Затѣмъ онъ выбралъ другое, такое же дерево и на немъ вырубилъ другую, такую же колоду.

Устроивъ такимъ образомъ десятка два бортей, Ахметъ рѣшилъ, что этого будетъ совершенно достаточно для его хозяйства. Теперь ему оставалось только отыскать гдѣ-либо

конскую голову, чтобы подвѣсить ее у своего пчельника, но это онъ отложилъ до перваго удобнаго случая (по повѣрью башкиръ, конская голова у пчельника должна отвращать всякое колдовство злыхъ людей).

Покончивъ съ устройствомъ бортей, Ахметъ, довольный своей работой, возвратился въ свой только что сколоченный аласыкъ. Это лѣтнее жилье было устроено имъ неподалеку отъ пчельника, возлѣ земельнаго надѣла, куда башкиры каждое лѣто переселяются изъ зимнихъ деревушекъ, чтобы быть поближе къ своимъ пашнямъ и покосамъ.

Нынѣшнимъ лѣтомъ Ахметъ предполагалъ перевести къ себѣ въ домъ свою жену съ двумя ребятишками, за которую онъ только что уплатилъ остатки калыма своему тестю. До сихъ поръ его жена Фатыха жила у своего отца, и тотъ ни за что не соглашался отпустить ее отъ себя къ мужу, пока онъ не выплатитъ за нее всего выговореннаго передъ свадьбою калыма.

И вотъ теперь, когда онъ могъ уже увезти къ себѣ свое семейство. Ахметъ прилагалъ всѣ старанія, чтобы устроить для него будущее жилище какъ можно лучше. Аласыкъ его былъ сколоченъ изъ лубковъ, нашитыхъ на планки, скрѣпленныя между собою мочальными веревками. Онъ былъ четырехугольный, суживающійся кверху, съ закругленною крышею. Дверью для этого жилища служила узкая щель съ придѣланнымъ къ ней лоскутомъ лубка. Постройка была очень легкая, и вѣтеръ свободно разгуливалъ въ аласыкѣ, но такъ какъ онъ былъ устроенъ только лишь для лѣтняго времени, то о теплѣ Ахметъ мало и заботился. Для зимняго же времени у него былъ въ деревнѣ свой собственный „уй“—бревенчатый домъ, крытый драницами, съ чуваломъ, т.-е. съ очагомъ и вмазаннымъ въ немъ чугуннымъ котломъ для варки пищи и широкими нарами вдоль стѣнъ. Этотъ уй достался ему по наслѣдству отъ его отца, умершаго только въ прошломъ году.

День былъ жаркій. Ахметъ забрался отъ палящихъ лучей солнца въ свой лубочный шалашъ, легъ на настланныя среди пола, вмѣсто наръ, доски и задумался.

Вотъ уже семь лѣтъ, какъ онъ женатъ и имѣетъ двухъ дѣтей, но за все время своей женитьбы онъ ни разу еще не

открывалъ лица своей жены. Онъ видѣлъ лицо одинъ только разъ передъ свадьбой, будучи еще мальчикомъ. Ему было всего четырнадцать лѣтъ, когда его женили. Онъ припомнилъ, какъ мулла, ихъ священникъ, совершая обрядъ бракосочетанія, подарилъ ему стрѣлу и сказалъ при этомъ:

— Будь храбръ, содержи и защищай свою жену.

Затѣмъ ему вспомнилось, какъ онъ въ первый разъ пріѣхалъ въ гости къ своей тогда еще двѣнадцатилѣтней женѣ и какъ ему пришлось отыскивать ее среди другихъ дѣвушекъ, ходя изъ дома въ домъ, въ которыхъ молодуха, по обычаю башкиръ, скрывалась отъ своего мужа. Отыскать ее для него было тѣмъ труднѣе, что онъ не могъ видѣть ея лица, такъ какъ всѣ дѣвушки ходили съ закрытыми лицами. Цѣлыхъ три ночи употребилъ онъ на безплодное отыскиваніе своей дѣвочки-жены, и надъ нимъ уже начали было подсмѣиваться, пока онъ не догадался сдѣлать подарки подругамъ своей маленькой женки, которыя и указали ему, гдѣ ее можно найти.



Башкиръ.

Послѣ свадьбы отецъ Ахмета не особенно торопился уплатить за жену своего сына вторую половину условленнаго калыма, потому что увезти невѣстку въ свой домъ до достиженія ею совершеннолѣтія, все равно, было нельзя. Мулла, по закону, не имѣлъ даже права вѣнчать ихъ въ столь раннемъ возрастѣ, но, по просьбѣ родителей брачущихся, онъ сдѣлалъ это втихомолку, не записавъ въ метрическія книги, въ которыя муллы записываютъ каждое рожденіе, каждое бракосочетаніе своихъ прихожанъ: онъ оставилъ это до достиженія невѣстою законныхъ шестнадцати лѣтъ.

Ахметъ лежалъ въ своемъ аласыкѣ и мечталъ, какъ онъ привезетъ свою жену съ ребятами сначала въ деревню, гдѣ

послѣ „куянты“, т.-е. послѣ того, какъ жена въ первый разъ сходитъ на рѣчку за водой съ коромысломъ на плечахъ, она впервые откроетъ передъ нимъ свое лицо. Ахметъ всѣмъ своимъ пріятелямъ говорилъ, что его жена красавица, и заранѣе предвкушалъ удовольствіе отъ того, какъ его однодеревенцы будутъ поражены красотой Фатыхи и станутъ ему завидовать.

II.

Однако, Ахметъ не зналъ всей правды о своей собственной женитьбѣ; иначе онъ поостерегся бы хвастать передъ своими пріятелями красотой своей жены.

Дѣйствительная же исторія этой женитьбы была такова.

Отецъ Ахмета, Шарыпъ, былъ давнишній пріятель отца его теперешней жены, Валея, и, чтобы еще болѣе закрѣпить дружбу, они рѣшили обручить своихъ дѣтей еще въ то время, когда Ахмету было всего три года, а Фатыха еще въ колыбели сосала грудь своей матери. Еще тогда они пили при свидѣтеляхъ изъ одной чашки боту — разведенный въ водѣ медъ. А, по обычаю башкиръ, послѣ такого просватанья, отецъ невѣсты уже не можетъ выдать свою дочь за кого-либо другого, даже если бы женихъ оказался потомъ никуда негоднымъ человѣкомъ; правда, онъ можетъ выкупить ее, но только въ томъ случаѣ, если другая сторона будетъ согласна на такой выкупъ.

Дѣвочка росла очень некрасивой дурнушкой, а на пятомъ году захворала оспой, которая окончательно обезобразила и безъ того некрасивое ея лицо. Родители Ахмета знали объ уродствѣ маленькой невѣсты своего сына, но, разумѣется, ничего ему объ этомъ не говорили; да Ахметъ даже и не подозрѣвалъ, что ему уже съ дѣтства была приготовлена невѣста.

Когда Ахмету исполнилось четырнадцать лѣтъ, а его невѣстѣ всего двѣнадцать, Шарыпъ спросилъ однажды у своего сына, хочетъ ли онъ жениться. Мальчикъ, польщенный тѣмъ, что его считаютъ уже за взрослаго, отвѣтилъ, что хочетъ. Тогда отецъ сказалъ ему, что, хотя по обычаю и

полагается, чтобы невѣсту выбиралъ себѣ не самъ женихъ, а его родители, но онъ, Шарыпъ, не желаетъ, чтобы сынъ потомъ упрекалъ отца за то, что онъ выбралъ ему некрасивую жену. Поэтому, раньше, чѣмъ сватать за него невѣсту, онъ, противъ обычая, дастъ ему возможность повидать свою будущую жену до свадьбы, но только съ тѣмъ условіемъ чтобы онъ потомъ свято хранилъ обычай и не пытался открывать лица у своей жены до того времени, пока за нее не будетъ выплаченъ весь калымъ, и она не будетъ привезена въ ихъ домъ.

Разумѣется, Ахметъ съ радостью согласился на такое условіе. Тогда Шарыпъ, пріѣхавъ однажды со своимъ сыномъ въ гости къ Валею, показалъ Ахмету подъ великимъ секретомъ очень хорошенькую дѣвушку, подругу Фатыхи, однихъ лѣтъ съ нею, и Ахметъ пришелъ въ восторгъ отъ красоты своей будущей жены.

Ихъ поженили, и Ахметъ такъ и прожилъ всѣ семь лѣтъ со времени своей свадьбы въ полной увѣренности, что жена его и есть та самая красавица, которую онъ видѣлъ передъ свадьбой. Фатыха же, съ своей стороны, считая позоромъ передъ людьми и грѣхомъ передъ Богомъ открывать свое лицо до времени передъ мужемъ, тщательно укрывала его отъ Ахмета во время его посѣщеній. Къ тому же она сознавала, что она некрасива, и смутное чувство опасенія огорчить мужа своимъ видомъ заставляло ее еще болѣе остерегаться показываться съ открытымъ лицомъ передъ мужемъ.

Время между тѣмъ шло. Дѣвочка-жена подростала, и сдѣлалась совершеннолѣтней. Но Ахмету оставалось выплатить за нее ея отцу еще десять головъ разнаго скота, матери невѣсты—лисью шубу, Фатыхѣ—камшау, т.-е. женскій головной уборъ, украшенный бусами и монетами, халатъ изъ краснаго сукна, обшитый галунами, два платья, три рубахи, нѣсколько ситцевыхъ занавѣсокъ и проч.

Чтобы пріобрѣсти все это, нужны были деньги, а между тѣмъ дѣла Шарыпа пошли плохо. Случилось подъ рядъ нѣсколько неурожайныхъ годовъ съ лютыми зимами, во время которыхъ большая часть его скота погибла частью отъ безкормицы, частью отъ весенней гололедицы. Къ тому же вскорѣ

послѣ женитьбы у Ахмета померла мать. Хозяйство начало окончательно приходить въ разстройство. Шарынъ взялъ къ себѣ въ домъ одну старую родственницу, но она плохо справлялась съ хозяйствомъ, — нужны были молодыя руки. А между тѣмъ отецъ Фатыхи ни за что не хотѣлъ отпускать свою дочь въ домъ мужа, прежде чѣмъ за нее не будетъ выплачено всего калыма. Фатыха была незамѣнимая работница въ домѣ, и отецъ пользовался своимъ правомъ не отдавать ее мужу до уплаты за нее всего калыма. Ахмету привелось выплачивать калымъ по частямъ, и эта уплата затянулась на нѣсколько лѣтъ.

Времена становились между тѣмъ все болѣе и болѣе тяжелыми не только для Шарына и его хозяйства, но и для всѣхъ вообще башкиръ. Прежнія привольныя земли, лѣса и пастбища, на которыхъ они когда-то пасли свои многочисленныя стада, начали мало-по-малу исчезать. Башкирскія земли были частью отобраны отъ нихъ русскими, частью распроданы самими башкирами за безцѣнокъ; повсюду на ихъ земляхъ появились русскіе переселенцы, тѣснившіе со всѣхъ сторонъ прежнихъ хозяевъ этихъ земель и лѣсовъ. Волей-неволей башкирамъ приходилось сокращать количество своего скота и довольствоваться только небольшими надѣлами. Годъ отъ году они бѣднѣли все болѣе и болѣе и чуть не каждую зиму голодали и терпѣли всяческія лишенія, ютясь въ своихъ плохо устроенныхъ и полуразвалившихся, смрадныхъ избенкахъ. Болѣзни и смертность стали свирѣпствовать по деревнямъ, унося многихъ въ могилу, въ особенности дѣтишекъ. Къ началу весны почти всѣ обыватели башкирскихъ деревушекъ обыкновенно бродили, какъ тѣни, тощіе и худые, съ изможденными отъ голода, блѣдными лицами, вялые и безжизненные, какъ осеннія мухи.

Но зато, едва только наступали теплые весенніе дни, и въ поляхъ и лѣсахъ появлялась зеленая травка, башкиры выходили съ остатками своего скота изъ своихъ зимнихъ деревушекъ кочевать подлѣ своихъ пашенъ и покосовъ, и тамъ, на привольномъ воздухѣ, на свѣжемъ кумысѣ они скоро поправлялись и дѣлались подвижными, веселыми и беззаботными, какъ дѣти, быстро позабывая только что перенесенныя ими зимнія невзгоды.

Благодаря нѣсколькимъ неурожайнымъ годамъ, хозяйство Шарыпа скоро пришло въ упадокъ, и изъ прежняго сравнительно зажиточнаго башкира онъ превратился въ обыкновеннаго бѣдняка, какими была большая часть его однодеревенцевъ. Вмѣстѣ съ Ахметомъ онъ кое-что сѣялъ на своей надѣльной пашнѣ, но, за недостаткомъ рабочихъ рукъ, размѣръ его посѣва былъ очень незначителенъ, и собираемой жатвы не всегда хватало даже для собственнаго прокормленія, а о наймѣ работниковъ и думать было нечего.



Башкиры за обѣдомъ.

Разъ зимою Шарыпъ простудился, занемогъ и слегъ въ постель; Ахметъ пригласилъ къ нему знахаря. Но сколько тотъ ни старался выгнать изъ больного его болѣзнь, какими тумаками и подзатыльниками ни награждалъ лежавшаго въ безпамятствѣ старика, какъ ни ругалъ и сколько ни кричалъ и ни плевалъ на него, ничто не помогло, и Шарыпъ померъ.

Собрались друзья и знакомые покойнаго. Пригласили муллу. Послѣ обычныхъ молитвъ тѣло умершаго привязали къ широкой доскѣ и повезли на кладбище, находившееся въ лѣсу. Впереди ѣхалъ мулла, за нимъ Ахметъ съ друзьями и знакомыми умершаго. Тѣло посадили на корточкахъ въ подрытую съ одной стороны могилы яму съ лицомъ, обращеннымъ къ священному городу магометанъ Меккѣ, и закопали. Провожавшіе вернулись въ осиротѣлый домъ и здѣсь

справили по покойномъ поминки, правда, не совсѣмъ обильныя, такъ какъ старая родственница, оставшаяся теперь одна съ Ахметомъ, была плохая хозяйка, и почти совсѣмъ не умѣла готовить ни кушаньевъ, ни кумыса.

По смерти отца Ахметъ остался одинъ работникъ во всемъ своемъ хозяйствѣ. Онъ сознавалъ, что одному ему не было никакой возможности продолжать вести это хозяйство, и потому рѣшилъ во что бы то ни стало уплатить остатки калыма за свою жену, чтобы взять ее къ себѣ въ домъ на полевыя работы. Онъ продалъ часть оставшагося отъ отца имущества и, наконецъ, разсчитался со своимъ тестемъ. Теперь отецъ Фатыхи уже не имѣлъ болѣе никакого права задерживать ее у себя, и Ахметъ назначилъ день, когда онъ вмѣстѣ съ женщинами своей деревни, бывшими у него на свадьбѣ, долженъ явиться за своей женой, чтобы увезти ее.

III.

Насталъ, наконецъ, и этотъ давно ожидаемый день. Женщины и дѣвушки со всей деревни собрались къ Фатыхѣ, чтобы обрядить и проводить ее въ домъ мужа со всѣми церемоніями, требуемыми башкирскими обычаями.

Прежде всего подруги Фатыхи унесли ея кровать въ лѣсъ и тамъ привязали ее, пропустивъ веревки подъ корни деревьевъ такими хитро-сплетенными узлами, что распутать ихъ неопытному человѣку не было никакой возможности. Послѣ этого молодую посадили на эту постель и съ подобающими случаю пѣснями стали ожидать дѣвушекъ и женщинъ со стороны мужа, которыя должны были явиться за молодой. А когда тѣ пришли, то между подругами молодой и пришедшими женщинами завязалась изъ-за нея борьба: однѣ должны были распутать и развязать всѣ узлы, которыми была примотана кровать молодой, и унести ее изъ лѣсу, а другія старались препятствовать этому. Поднялись возня, визгъ и шумъ; обѣ стороны разгорячились, и дѣло дошло даже до того, что соперницы исцарапались въ кровь и порвали другъ на другѣ платья. Но сердиться на это не полагалось; убытки за порчу платья, по обычаю, долженъ былъ уплатить молодой.

Наконецъ, подруги Фатыхи принуждены были уступить, и противная сторона, развязавъ хитросплетенные узлы съ торжествомъ понесла кровать въ деревню. Четыре дѣвушки, держа надъ головой молодухи въ видѣ балдахина за четыре угла большой платокъ, повели ее слѣдомъ за ея постелью, а остальныя подруги, окруживъ Фатыху со всѣхъ сторонъ, съ плачемъ и причитаньями начали водить ее по деревнѣ изъ дома въ домъ прощаться съ родными и знакомыми. При этомъ прощанiи молодая одаривала всѣхъ женщинъ и дѣвушекъ своей деревни подвязками изъ разноцвѣтной шерсти и нитками, а ее, въ свою очередь, одаривали кто чѣмъ могъ. Бѣдные дарили даже простые ситцевые лоскуточки, въ вершокъ величиною, и всѣ эти лоскуточки-подарки привѣшивались и прикалывались къ волосамъ и платью молодухи, такъ что въ концѣ прощанiя она оказалась вся съ головы до ногъ увѣшанной разноцвѣтными лоскутками.

Затѣмъ, когда все уже было готово къ отъѣзду изъ родительскаго крова, подруги начали обряжать невѣсту въ дорогу. На нее надѣли цвѣтную съ вышитымъ воротникомъ рубаху, красные штаны, на ноги ичиги, т.-е. сафьянные сапожки, а поверхъ ихъ кибисъ, нѣчто въ родѣ калошъ; на грудь — унизанный серебряными монетами нагрудникъ, на голову — чепчикъ, расшитый бисеромъ и тоже унизанный монетами, поверхъ рубашки — красный съ галунами халатъ и поверхъ чепчика и шапки — покрывало.

Простившись со всѣми своими родными, Фатыха обняла бурдюкъ, кожаный мѣшокъ, въ которомъ хранился кумысъ, и съ причитаньями начала благодарить его за то, что онъ питалъ ее въ теченiе ея дѣтства подъ родительскою кровлею. Поплакавъ надъ нимъ, она привязала къ нему въ знакъ благодарности, шелковую красную ленточку и, поцѣловавъ его въ сотый разъ, распрощалась съ нимъ.

Затѣмъ она нарядила своихъ двухъ ребятишекъ въ ихъ лучшее платье и приготовилась къ отъѣзду. Тѣмъ временемъ была подана запряженная телѣга, на которой Фатыха должна была ѣхать со своими ребятами. Пришли родители въ послѣднiй разъ проститься со своей дочерью, но она показывала видъ, что ни за что не хочетъ добровольно выходить изъ отцов-

скаго дома. Долго ее упрашивали не упрямиться, и только послѣ того, какъ два ея брата сдѣлали ей по небольшому подарку, она вышла изъ дому и сѣла въ приготовленную для нея телѣгу сопровождаемая плачемъ и причитаньями своихъ подругъ.

Поѣздъ тронулся. Ахметъ ѣхалъ верхомъ впереди своей жены, она съ ребятишками въ телѣгѣ за нимъ, а остальные поѣзжане за ними слѣдомъ.

По пріѣздѣ въ домъ мужа молодую снова водили по деревнѣ, и она опять одаривала всѣхъ родственниковъ и родственницъ своего мужа разноцвѣтными шерстяными подвязками, а тѣ, въ свою очередь, дарили ей кто что могъ.

IV.

На слѣдующій день по пріѣздѣ молодыхъ башкирскіе ребятишки съ самаго ранняго утра то и дѣло подбѣгали къ дому Ахмета, ожидая куянты, перваго выхода молодухи съ ведрами за водой на рѣчку. Во время этого хожденія молодая должна была, захвативъ съ собою серебряную монетку съ проверченной дырочкой и вдѣтой въ нее ниткой, бросить ее, по обычаю предковъ, въ рѣку въ даръ водяному духу. Ребятишки знали этотъ обычай и приготовились извлечь монету со дна рѣки.

И вотъ, когда, наконецъ, изъ дверей дома Ахмета показалась молодуха съ коромысломъ на плечахъ, ребята гурьбою побѣжали слѣдомъ за нею на рѣку. Фатыха, взойдя на плотъ, поставила ведра и, взмахнувъ рукой, кинула далеко отъ себя въ рѣку приготовленную монету. Тотчасъ же всѣ ребятишки, сколько ихъ тутъ было, сбросивъ съ себя рубашонки, кинулись въ воду и начали нырять и отыскивать на днѣ рѣки жертвенную монетку. Началась среди нихъ возня, крики, шумъ, драка. Всякому хотѣлось найти монету и овладѣть ею.

Тѣмъ временемъ Фатыха, пользуясь этой суматохой и тѣмъ, что всѣ засмотрѣлись на ребятъ, состязавшихся въ поискахъ брошенной монеты, наполнила водою ведра и отправилась обратно домой, къ мужу, ожидавшему ея возвращенія съ нетерпѣніемъ, такъ какъ она только теперь въ первый разъ послѣ семилѣтняго съ нимъ замужества должна была открыть передъ нимъ свое лицо.

Ахметъ былъ въ самомъ благодушномъ настроеніи. Въ ожиданіи возвращенія съ рѣчки своей жены, онъ сидѣлъ и мечталъ о томъ, съ какой гордостью онъ покажетъ потомъ своимъ пріятелямъ красавицу жену.

Перешагнувъ порогъ, Фатыха поставила на полъ ведра и, сбросивъ покрывало, предстала передъ мужемъ съ открытымъ лицомъ.

Ахметъ отпрянулъ отъ изумленія: его жена оказалась совсѣмъ не той, какою онъ ее представлялъ себѣ въ теченіе всѣхъ семи лѣтъ, что былъ на ней женатъ.

Та, которую онъ рисовалъ въ своемъ воображеніи, была круглолицая, миловидная, съ черными большими глазами смуглянка, а эта оказывалась безобразной, съ длиннымъ носомъ, съ изрытымъ и обезображеннымъ оспою лицомъ, съ карими подслѣповатыми глазками, бѣлокурой женщиной, ничего не имѣвшей сходнаго съ той, которую онъ когда-то выбиралъ себѣ въ жены и которую столько лѣтъ такъ любилъ.

Но какъ могло случиться, что ему подмѣнили его Фатыху?

Онъ стоялъ съ разинутымъ ртомъ, и молча, съ изумленіемъ смотрѣлъ на свою жену, потупившуюся передъ его недоумѣвающимъ взглядомъ.

И вдругъ ему пришло въ голову, что это надъ нимъ пошутили его пріятели, подославъ ему другую женщину вмѣсто Фатыхи, ушедшей за водой.

— Ты зачѣмъ сюда? спросилъ онъ у своей жены.

Фатыха въ изумленіи вскинула на него свои немного косившіе глаза.

— А гдѣ же Фатыха? спросилъ снова Ахметъ у жены, все еще не понимавшей въ чемъ дѣло.

— Какая Фатыха? Фатыха — это я и есть! сказала бѣдная женщина, догадываясь, наконецъ, что своимъ видомъ она обманула ожиданія мужа.

Ахметъ смутился еще болѣе. Голосомъ, которымъ говорила стоявшая передъ нимъ женщина, былъ дѣйствительно знакомый голосъ его жены.

Ахметъ почувствовалъ, какъ острое чувство злобы стало подниматься гдѣ-то тамъ, изъ глубины его души.

— Меня обманули! съ отчаяніемъ вскричалъ онъ, наконецъ, хлопнувъ себя руками по бедрамъ отъ изумленія.

Фатыха, ничего не понимая, продолжала молча смотрѣть на него.

— Я женился вовсе не на тебѣ; я тебя не знаю! вскричалъ онъ снова.

— Какъ же это такъ, Ахметъ? заговорила обиженнымъ голосомъ молодая женщина: — семь лѣтъ ты меня зналъ, двое ребятъ у насъ, а теперь говоришь, что женился не на мнѣ и меня не знаешь. Вѣдь это же наши дѣти-то? указала она на игравшихъ на полу ребятишекъ.

Ахметъ опустилъ голову.

„Такъ неужели же въ самомъ дѣлѣ эта безобразная женщина и есть его жена, мать его дѣтей? Неужели въ теченіе цѣлыхъ семи лѣтъ онъ любилъ этого урода и постоянно только о томъ и думалъ, какъ бы выплатить за нее калымъ и привезти ее къ себѣ въ домъ? Но какъ онъ покажетъ ее своимъ пріятелямъ? Вѣдь его засмѣютъ! Скажутъ: „Вотъ такъ красавица, которою такъ хвастался Ахметъ!“

И жгучая злоба, досада и обида снова прихлынули къ его сердцу.

— Не смѣй никому показываться! вскричалъ онъ съ гнѣвомъ и ударилъ свою жену по лицу.

Фатыха залилась горькими слезами, а ея двое маленькихъ ребятишекъ бросились къ матери и заголосили отъ испуга на весь домъ.

— Мамка, мамка, за что онъ тебя бьетъ? Поѣдемъ домой! закричалъ старшій мальчикъ.

— Живо собирайтесь, сейчасъ васъ всѣхъ отвезу къ старому обманщику Валею! Не надо мнѣ васъ! объявилъ Ахметъ и вышелъ во дворъ запрягать лошадь, чтобы и въ самомъ дѣлѣ отправить свою жену съ ребятами обратно къ ея отцу.

V.

Старый Валей только что окончилъ свою вечернюю молитву, когда во дворъ къ нему въѣхала телѣга съ молодыми, только наканунѣ уѣхавшими отъ него.

— Ты что это, старая собака, обманывать меня вздумалъ! набросился на него Ахметъ, соскакивая съ телѣги и съ искаженнымъ отъ злобы лицомъ подступая къ оторопѣвшему и ничего не понимавшему тестю.

— Погоди лаяться-то! огрызнулся тотъ. Разскажи лучше, что такое случилось?

— Какъ что случилось? Ты выдалъ за меня вовсе не ту, съ



Башкирская изба. Вверху мечеть.

которой я былъ обвѣнчанъ муллой! заявилъ Ахметъ. Бери эту бабу назадъ себѣ и давай мнѣ обратно мой калымъ, который я столько лѣтъ выплачивалъ тебѣ за нее.

Валей съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на своего зятя, думая, не помѣшался ли онъ.

— Онъ совсѣмъ съ ума сошелъ. Должно быть, шайтанъ въ него вселился! заголосила Фатыха, слѣзая съ телѣги. Семь лѣтъ жилъ со мной, а теперь не хочетъ меня признавать; говоритъ, что женился не на мнѣ, а на какой-то другой.

— Постыдись, Ахметъ, не смѣши людей-то! сказалъ Валей. Вѣдь не я тебя вѣнчалъ! Ступай, сходи къ муллѣ, онъ

тебѣ скажетъ, съ кѣмъ ты былъ обвѣнчанъ: у него вѣдь въ книгу записано.

— Да что ты брешешь-то? Развѣ я не видалъ въ лицо своей невѣсты передъ тѣмъ, какъ былъ обвѣнчанъ съ нею? А эта косоглазая баба совсѣмъ на нее не похожа!

— Я не знаю, кого ты видѣлъ передъ своей свадьбой, спокойно возразилъ Валей; знаю только, что ты былъ обрученъ съ моей дочерью еще въ то время, когда тебѣ было всего три года. На это есть свидѣтели; если мнѣ не вѣришь, спроси у нихъ.

— Да что ты меня морочишь?! вскричалъ Ахметъ съ досадой; мой отецъ никогда ничего мнѣ объ этомъ не говорилъ, а когда вздумалъ меня женить, онъ самъ мнѣ велѣлъ сначала посмотрѣть свою невѣсту, и я съ нимъ былъ здѣсь, и мнѣ показали совсѣмъ другую дѣвушку, а не этого урода.

— Дуракъ ты и больше ничего! сказалъ Валей. Да развѣ можно видѣть свою жену прежде, чѣмъ за нее не будетъ выплачено всего калыма, и она не будетъ увезена въ домъ своего мужа? Гдѣ это слыхано, чтобы поступали иначе! Что мы, неправовѣрные, что ли, чтобы давать самимъ сыновьямъ выбирать себѣ женъ? А если тебя вздумалъ тогда подурачить твой отецъ, такъ чѣмъ же я-то и Фатыха въ этомъ виноваты!

— А, я припоминаю! сказала Фатыха, молча слушавшая препирательства своего отца съ мужемъ; это правда, когда Ахметъ пріѣзжалъ со своимъ отцомъ сюда въ первый разъ, ему тогда шутя показали наши бабы вмѣсто меня Фатыху Мухаметову; онъ, должно быть, и думалъ, что это она будетъ его женой.

— Фатыху Мухаметову! Да знаешь ли ты, что она давно уже замужемъ за богатымъ купцомъ въ городѣ и у ней куча дѣтей? Фатыху Мухаметову! Вишь, что задумалъ! Да вѣдь за Фатыху Мухаметову заплаченъ такой калымъ, что тебѣ и во снѣ не снилось! Ты за мою-то Фатыху столько лѣтъ выплачивалъ самый пустяковый калымъ, да и то едва выплатилъ, а за Фатыху Мухаметову тебѣ бы и во сто лѣтъ не выплатить того калыма, какой взялъ за нее ея отецъ! Дуракъ ты и больше ничего!

Ахметъ былъ поставленъ втупикъ. Вѣрить, или не вѣрить тому, что говоритъ его тесть? Неужели же въ самомъ дѣлѣ все было такъ, какъ онъ разсказываетъ? Да вѣдь тогда онъ дѣйствительно самъ себя поставилъ въ дурацкое положеніе!

Чтобы окончательно увѣриться и узнать правду, Ахметъ рѣшилъ пойти къ муллѣ, который когда-то вѣнчалъ его съ Фатыхой.

Онъ разсказалъ ему про свое несчастіе и про свои сомнѣнія и просилъ у него совѣта, какъ ему поступить.

Старый мулла, убѣленный длинною сѣдою бородою, которая такъ почитается у башкиръ, внимательно выслушалъ жалобы Ахмета и, подумавъ немного, сказалъ:



Зажиточный башкиръ.

— Сынъ мой, если твой покойный отецъ указалъ тебѣ передъ вѣнчаньемъ на другую дѣвушку, то у него были на это, конечно, какія-нибудь свои соображенія. Можетъ-быть, онъ, желая тебѣ же счастья, хотѣлъ, чтобы ты считалъ свою жену красавицей, хотя она и не была красивой. И что же? Развѣ ты не былъ съ нею счастливъ въ теченіе этихъ семи лѣтъ, которыя ты на ней женатъ?

— Я не могу пожаловаться на это! сказалъ Ахметъ. Но какъ же теперь-то я стану съ нею жить? Вѣдь меня засмѣютъ всѣ мои знакомые: скажутъ, хвасталъ, что у него жена красавица, а она оказалась уродомъ.

— А зачѣмъ же ты хвасталъ?

Ахметъ не нашелся, что на это отвѣтить, и промолчалъ.

— Ну, и что же, если и посмѣются немного продолжалъ мулла. Дуракамъ законъ не писанъ. Вѣдь тебѣ жить-то не съ ними, а съ нею. Развѣ о человѣкѣ судятъ по его лицу? Пусть она у тебя некрасива, но развѣ она плохая хозяйка и худая мать для своихъ дѣтей?

— Не могу, мулла, пожаловаться я на то, что она худая мать или худая хозяйка. Такія хозяйки на рѣдкость. Потому-то я такъ и спѣшилъ выплатить за нее калымъ: она очень хорошая работница, и безъ ея рукъ мое хозяйство должно пойти прахомъ! сознался Ахметъ.

— Ну, такъ на что же ты жалуешься? Чего еще тебѣ отъ нея нужно? Развѣ ты былъ бы больше доволенъ, если бы жена твоя оказалась красивой на лицо, да сварливой женщиной, плохой хозяйкой, лѣнивой и нерадивой матерью?

— Эхъ, мулла, правильны твои рѣчи, да все же какъ-то обидно и досадно, что получилъ не ту, о которой столько лѣтъ только и думалъ.

— Полно, сынъ мой, не отъ красоты жены зависитъ семейное счастье, а отъ ея добраго сердца. Если она у тебя и некрасива, зато, какъ ты самъ говоришь, добрая и послушная жена, работящая женщина и хорошая мать. Будь же доволенъ тѣмъ, что далъ тебѣ Аллахъ, и примирись со своей долей.

Долго еще уговаривалъ его мулла, и Ахметъ вышелъ отъ него совершенно успокоенный.

„Да, мулла правду говоритъ, думалось ему; того, что сдѣлано, не передѣлаешь. Фатыха, хоть и некрасивая женщина, но она хорошая работница, и онъ напрасно ее давеча сгоряча ударилъ: она вѣдь тутъ ни въ чемъ не виновата! Безъ нея, безъ ея золотыхъ рукъ, ему совсѣмъ пропадать придется".

Возвратившись къ женѣ, Ахметъ попросилъ у нея прощенія и извинился также передъ тестемъ за свою строптивость.

Къ вечеру онъ увезъ свою семью прямо въ лѣтнюю кочевку, предоставивъ своимъ пріятелямъ и приглашеннымъ на свадебную пирушку гостямъ говорить и думать, что угодно.

Съ этихъ поръ Ахметъ сталъ жить въ мирѣ и согласіи со своей женой. Но Фатыха уже ни передъ однимъ мужчиной не открывала болѣе своего лица, такъ что никто изъ нихъ не зналъ, красива она или безобразна.

Но зато она была хорошая работница, и всѣ завидовали Ахмету, что у него такая работящая жена и заботливая мать и хозяйка.



Калмыки.

Калмыки монгольскаго происхожденія. Подобно киргизамъ, они ведутъ кочевой образъ жизни и живутъ въ войлочныхъ кибиткахъ. Точное число калмыковъ не извѣстно, но предполагаютъ, что оно достигаетъ свыше 600,000 душъ. Двѣ трети изъ этого числа живутъ въ Китайской имперіи, а остальная треть въ Россіи. Изъ живущихъ въ Россіи около половины, т.-е. около 100,000 душъ, обитаютъ въ низовьяхъ Волги, въ Астраханской и Ставропольской губ., въ области Войска Донского; остальные кочуютъ частью на Алтаѣ, частью въ Семирѣченской области.

Калмыки, обитающіе въ предѣлахъ Калмыцкой степи (въ низовьяхъ Волги), пришли на Волгу почти 300 лѣтъ тому назадъ, около 1630 года. Эти калмыки сами себя называютъ олётами и дѣлятся на четыре племени: дзюнгаровъ, торгоутовъ, хойотовъ и хошоутовъ. Всѣ они въ настоящее время раздѣляются на восемь улусовъ. Улусъ—это союзъ нѣсколькихъ родовъ подъ общимъ управленіемъ одного лица, власть котораго бываетъ обыкновенно наслѣдственной, но требуетъ признанія родичей и утвержденія верховнаго вождя калмыцкаго народа. Улусы распадаются на болѣе мелкія дѣленія—аймаки, а аймаки—на хотоны, состоящіе изъ нѣсколькихъ кибитокъ.

Калмыки исповѣдуютъ буддійскую религію. Будда, основатель этой религіи, жилъ въ VI в. до Р. Хр. Послѣ его

смерти его послѣдователи обоготворили его и стали воздавать ему божескія почести. Въ настоящее время на всемъ земномъ шарѣ послѣдователей Будды насчитывается до 400 милліоновъ, почти столько же, сколько и христіанъ.

Буддійская религія имѣетъ нѣсколько сектъ, одна изъ которыхъ называется ламаитской, или ламаизмомъ. Къ этой сектѣ и принадлежатъ калмыки.

Ламы—это духовныя, монашествующія лица, живущія въ монастыряхъ, называемыхъ хурулами. Впрочемъ, русскіе калмыки хуруломъ называютъ также и свои храмы, кумирни. Ламы пользуются въ народѣ большимъ почетомъ и имѣютъ на него огромное вліяніе. Но у русскихъ калмыковъ ламаизмъ многимъ отличается отъ того ламаизма, который исповѣдуютъ ихъ единовѣрцы въ Тибетѣ и Китаѣ. Тамъ число высшихъ ламъ очень велико. У русскихъ же калмыковъ избирается только одинъ главный лама, называемый бакши (въ родѣ архіерея), который утверждается въ этомъ званіи лишь съ соизволенія Государя. Этому верховному ламѣ предоставлено единолично посвящать другихъ ламъ—гелюновъ и гецулей (въ родѣ нашихъ священниковъ и діаконовъ).

Калмыки, какъ и другіе кочевые народы, живутъ почти однимъ только скотоводствомъ, и только въ послѣднее время приволжскіе калмыки начинаютъ дѣлаться осѣдлыми и заниматься земледѣліемъ, но, конечно, только тамъ, гдѣ есть въ степи удобная для земледѣлія почва.

Адучи Замьянъ.

(Разсказъ изъ калмыцкой жизни.)

I.

Буранъ, бушевавшій въ степи болѣе сутокъ, наконецъ, утихъ. Подъ утро небо прояснѣло. Въ морозномъ воздухѣ стояла невозмутимая тишина. Надъ умиротворенной степью взошло солнце.

Тамъ и сямъ, возлѣ нѣкоторыхъ неровностей почвы, были наметены глубокіе сугробы снѣга, и всюду, куда только хваталъ глазъ, виднѣлась безконечная равнина, покрытая ослѣпительной бѣлизны пеленой.

На горизонтѣ показался всадникъ. Среди безбрежнаго моря снѣга, покрывавшаго степь, этотъ всадникъ казался крохотной букашкой, ползущей по огромной бѣлой скатерти. Онъ бороздилъ поверхность степи въ разныхъ направленіяхъ, повидимому, безъ всякой опредѣленной цѣли, двигаясь то въ одну, то въ другую сторону, то снова возвращаясь къ прежнему мѣсту, возлѣ котораго только что былъ. Иногда онъ останавливался и, покруживъ на мѣстѣ, направлялся въ одну сторону, потомъ снова поворачивалъ въ другую, затѣмъ опять возвращался. Иногда онъ слѣзалъ съ лошади, припадалъ къ землѣ и разыскивалъ что-то въ пушистомъ снѣгѣ, разгребая его руками, послѣ чего опять садился на коня и ѣхалъ далѣе.

На немъ былъ широкій верблюжій армякъ, изъ-подъ котораго виднѣлась синяя овчинная куртка и широкіе такого же цвѣта овчинные штаны, заправленные въ войлочные сапоги. На головѣ красовалась лихо заломленная набекрень, съ бѣлымъ четырехугольнымъ верхомъ, войлочная шапка, съ

красной кисточкой на маковкѣ и черным мерлушчатымъ околышемъ, такъ устроеннымъ, что изъ него можно было дѣлать, смотря по надобности, козырекъ, задокъ и наушники. На этотъ разъ околышъ былъ поднятъ и давалъ возможность видѣть у всадника въ лѣвомъ ухѣ жемчужную серьгу.

Къ ременному кушаку, съ серебрянными на желѣзныхъ пластинкахъ насѣчками, были подвѣшены на ремнѣ двѣ кожаныя сумочки для пуль, ножикъ, пороховница, мѣшочекъ съ кремнемъ, огнивомъ и трутомъ, кисетъ съ табакомъ и нагайка. Въ зубахъ была трубка и черезъ плечо винтовка.

Всадникъ ѣхалъ, бросивъ поводья и управляя лошадью, казалось, понимавшей малѣйшее его движеніе, однѣми ногами.

На видъ это былъ почти мальчикъ. Молодое смуглое, съ еле пробивавшимися усиками лицо его, съ широкими выдающимися скулами и приплюснутымъ носомъ, казалось усталымъ и измученнымъ. Его черные, узенькіе глазки, тревожно сверкавшіе изъ-подъ загнутыхъ кверху тоненькихъ черныхъ бровей, то пытливо бѣгали по сторонамъ, то внимательно вглядывались въ неровности почвы, занесенныя пушистымъ снѣгомъ.

Этотъ всадникъ былъ адучи *) одного изъ калмыцкихъ хотоновъ. Звали его Замьянъ.

Еще третьяго дня вечеромъ, соблюдая свою очередь, Замьянъ выѣхалъ къ табуну, но едва успѣлъ смѣнить своего предшественника, какъ въ степи поднялся такой буранъ, что ни зги стало не видно. Табунъ пришелъ въ безпокойство, заволновался, и не успѣлъ,нашъ табунщикъ собрать его на время непогоды въ загонъ, какъ лошади, погоняемыя вьюгой и ослѣпляемыя густыми хлопьями снѣга, помчались по направленію вѣтра и вскорѣ скрылись изъ его глазъ въ степи. Помочь никто не успѣлъ во-время, а одному Замьяну не было никакой возможности сладить съ встревоженнымъ табуномъ. Сначала онъ гнался за нимъ, не отставая ни на шагъ, но вскорѣ изъ-за наступившей темноты потерялъ его изъ вида. Всю ночь проблуждалъ онъ въ степи, въ надеждѣ наткнуться на свой табунъ, но напрасно. Гдѣ тутъ что отыщешь въ ноч-

*) Табунщикъ.

ной мглѣ во время бурана, когда даже и днемъ-то въ двухъ шагахъ ничего не было видно? Но и домой вернуться безъ табуна для молодого табунщика было тоже немыслимо. Съ какими глазами онъ туда явиться?! Что скажутъ? Вѣдь будутъ говорить: „Какой же ты послѣ этого адучи, коли потерялъ свой табунъ!“ О, нѣтъ, это былъ бы такой позоръ, котораго не снести! Онъ долженъ во что бы то ни стало разыскать табунъ, — безъ табуна ему и глазъ нельзя домой показать! Лучше смерть…

И вотъ Замьянъ вторыя сутки безъ сна, безъ отдыха, безъ ѣды ѣздитъ по степи, отыскивая скрывшійся отъ него табунъ, и нигдѣ его не находитъ.

Замьянъ былъ сынъ Бухана, старѣйшины одного изъ хотоновъ, кочевавшихъ въ низовьяхъ Волги. Всего лишь второй годъ, какъ онъ сдѣлался адучи; только въ третьемъ году надъ нимъ былъ совершенъ обрядъ обрѣзанія волосъ, послѣ котораго его стали считать настоящимъ мужчиной. До этого же времени съ нимъ обращались, какъ съ мальчикомъ, и заставляли его съ хворостиною въ рукахъ пасти стада коровъ и овецъ. Съ какимъ нетерпѣніемъ онъ ждалъ когда-то желаннаго дня, когда отецъ пригласитъ гелюна, чтобы послѣ молитвы обрѣзать своему сыну волосы на вискахъ и объявить его взрослымъ мужчиной. Замьянъ припомнилъ, съ какой гордостью онъ принялъ тогда изъ рукъ своего отца нагайку и винтовку и получилъ званіе „адучи“ и какъ по этому случаю всѣ радовались въ ихъ семьѣ и устроили даже маленькое семейное пиршество, на которое были приглашены всѣ сосѣди.



Калмыкъ.

И Замьянъ ни разу еще съ тѣхъ поръ не ударилъ лицомъ въ грязь. До сихъ поръ его считали лучшимъ адучи во всемъ аймакѣ. На него надѣялись, какъ на каменную гору; всѣ были спокойны и увѣрены, что чтобы ни случилось, Замьянъ не растеряетъ табуна, не дастъ его въ обиду ни сѣрому степному волку, ни лихому человѣку. Его отецъ уже не разъ намекалъ на то, что ему пора жениться, и уже приглядывалъ для него невѣсту.

И вдругъ такое несчастье!

„Бѣда, бѣда!" думалъ Замьянъ.

Но вотъ онъ замѣтилъ на пушистомъ снѣгѣ какія-то неровности. Онъ остановилъ коня, слѣзъ съ него и началъ широкими, длинными рукавами своего армяка разгребать снѣгъ и ощупывать подъ нимъ почву.

„Кажется, лошадиные слѣды!" радостно подумалъ онъ, поднимаясь на ноги.

Онъ отошелъ на нѣкоторое разстояніе и въ другомъ мѣстѣ точно такимъ же образомъ разгребъ снѣгъ и ощупалъ подъ нимъ неровности. „Ну, такъ и есть, были здѣсь и направились вонъ въ ту сторону!" мысленно указалъ онъ на востокъ и, снова вскочивъ на лошадь, поѣхалъ по еле замѣтнымъ, полузасыпаннымъ лошадинымъ слѣдамъ, отысканнымъ имъ подъ снѣгомъ. Но черезъ нѣсколько времени признаки слѣдовъ вновь исчезли, и онъ снова началъ кружить по степи, обшаривая чуть не всякій кустикъ травы, всякую кочку, пока вновь не наткнулся на слѣдъ и не поѣхалъ по нему. Наконецъ, онъ уперся въ крутой обрывъ какого-то холма, возлѣ котораго оказалась вытоптанная лошадиными ногами площадка. Очевидно, табунъ, гонимый вьюгой, встрѣтивъ здѣсь преграду на своемъ пути, остановился и пережидалъ окончанія метели. Начиная отъ этого мѣста, лошадиные слѣды, проложенные уже, видимо, послѣ бурана, совершенно явственно виднѣлись по направленію къ югу.

Замьянъ, подбодривъ своего коня нагайкой, весело поѣхалъ по этимъ свѣжимъ слѣдамъ, не опасаясь уже потерять ихъ изъ виду.

Но вдругъ онъ увидалъ аймакъ въ той сторонѣ, куда вели эти слѣды, и сердце его вновь упало: табунъ могъ быть чужой!

Опечаленный подъѣзжалъ онъ къ незнакомому аймаку, еле держась на лошади отъ голода и усталости послѣ двухъ безсонно проведенныхъ въ сѣдлѣ ночей.

II.

Въ лощинѣ, защищенной отъ сѣвернаго вѣтра склонами небольшихъ холмовъ, были разбросаны группы островерхихъ кибитокъ. Каждая группа состояла изъ нѣсколькихъ кибитокъ поменьше, расположенныхъ вокругъ одной большой. Промежутки между малыми кибитками были загорожены плетневыми заборами съ навѣшанными на нихъ войлоками для



Калмыцкій хотонъ.

защиты домашняго скота, загоняемаго на время вьюги въ образуемый такимъ образомъ круглый дворъ. Такая группа кибитокъ называется у калмыковъ хотономъ, а нѣсколько такихъ хотоновъ составляютъ аймакъ. Большая кибитка въ хотонѣ, находящаяся въ серединѣ круглаго двора, обыкновенно принадлежитъ старѣйшему въ семьѣ, а меньшія, окружающія ее, — его сыновьямъ, внукамъ и племянникамъ.

Подъѣхавъ къ аймаку, Замьянъ увидалъ во дворѣ хотона, къ которому вели лошадиные слѣды, табунъ лошадей оказавшійся совсѣмъ не тѣмъ, который онъ разыскивалъ табунъ былъ чужой.

Замьянъ слѣзъ съ коня, привязалъ его къ плетню и направился въ первую попавшуюся кибитку, рѣзныя двери которой были снаружи завѣшаны войлокомъ. Откинувъ пологъ и отворивъ дверь, Замьянъ вошелъ въ полутемную кибитку, свѣтъ въ которую проникалъ сверху черезъ дымовое отверстіе.

Посрединѣ кибитки стоялъ таганъ съ висѣвшимъ котелкомъ, подъ которымъ тлѣлъ кизякъ (высушенный навозъ съ рубленой соломой), дававшій мало тепла, но много ѣдкаго дыма. Около огонька копошились два крохотные ребенка, привязанные веревками за шею, словно телята, на такомъ разстояніи отъ огня, чтобы не могли въ него попасть. Взрослыхъ въ кибиткѣ никого не оказалось. При видѣ незнакомца ребятишки подняли было плачъ, но, видя, что тотъ не намѣренъ ничего дурного имъ дѣлать, скоро успокоились. Старшій настолько даже осмѣлѣлъ, что, указывая Замьяну пальчикомъ на огонь и съ уморительной гримасой мотая головой, предостерегъ его:

— Тамъ — ухъ! Ай, ай, ай!..

Замьянъ попытался было разспросить у него, гдѣ его мать, но, не добившись никакого толка, началъ разсматривать внутренность кибитки, принадлежавшей, видимо, зажиточной семьѣ.

У стѣны, какъ разъ противъ двери, стояла складная кровать, на которой вмѣсто матрацевъ были наложены войлоки и попоны, покрытые шубнымъ одѣяломъ, обшитымъ по краямъ лисьимъ мѣхомъ, а въ головахъ — двѣ кожаныхъ подушки. Надъ постелью въ видѣ балдахина спускался пологъ, красиво отороченный фестонами.

Влѣво отъ кровати, на мѣстѣ, которое у калмыковъ называется большимъ бàраномъ, были сложены въ груду разные вьючные снаряды, ковровые мѣшки и проч. Тутъ же стояли два сундука, покрытые коврами, а на сундукахъ, на небольшомъ ящикѣ, были разставлены нѣсколько литыхъ и лѣпныхъ изображеній — бурхановъ *). Передъ бурханами — крошечный, рѣзной работы, лакированный столикъ и на немъ—

*) Металлическое, каменное или деревянное изображеніе божества у буддистовъ.

серебряныя и мѣдныя чашечки съ жертвенною пшеницею, водою и благовонными куреніями. Передъ этимъ святилищемъ былъ воткнутъ въ землю точеный, остроконечный шестъ, съ надѣтой на немъ серебряной чашечкой, въ которую обыкновенно кладутъ въ даръ бурханамъ лучшую часть кушанья и напитка.

Отъ нижняго конца кровати начиналось мѣсто, называемое малымъ бараномъ. Здѣсь стоялъ сундукъ, въ которомъ обыкновенно хранятся лучшіе съѣстные припасы и вино для угощенія гостей, а на сундукѣ была разставлена чайная и столовая посуда. Начиная отсюда, до самыхъ дверей, вся правая сторона кибитки была завалена разнымъ домашнимъ скарбомъ.


Калмычка.

Между изголовьемъ кровати и большимъ бараномъ Замьянъ замѣтилъ еще узенькую, роскошно убранную кроватку. „Должно быть, у хозяина есть дочь невѣста!“ подумалъ онъ, разсматривая эту кроватку.

Но едва онъ успѣлъ это подумать, какъ дверь въ кибитку отворилась, и на порогѣ ея показалась молодая дѣвушка, лѣтъ пятнадцати. Ея узенькіе, словно едва прорѣзанные, черные глазки съ удивленіемъ остановились на молодомъ незнакомцѣ, сидѣвшемъ на корточкахъ подлѣ огня вмѣстѣ съ ребятами, а широкое лицо съ приплюснутымъ носомъ зардѣлось и озарилось веселой улыбкой.

— Будь здорова! сказалъ Замьянъ, поднимаясь на ноги.

— Здравствуй! отвѣтила калмычка. Что это ты тутъ дѣлаешь?

— Погрѣться зашелъ. Голоденъ я, не дашь ли чего поѣсть! откровенно попросилъ Замьянъ.

— Да ты откуда? спросила дѣвушка.

— Табунъ свой разыскивалъ. Буранъ угналъ у меня табунъ. Третій день ищу, ничего не ѣлъ.

— Бѣдный! сочувственно проговорила калмычка и, подойдя къ малому бáрану, достала и нацѣдила изъ бурдюка душистаго арьяна *).

— На, пока выпей, а потомъ пойдемъ въ большую кибитку; тамъ всѣ наши обѣдаютъ, пообѣдаешь и ты съ нами! сказала она, подавая Замьяну подкрѣпляющій напитокъ.

— Спасибо! промолвилъ адучи, съ благодарностью смотря на молодую дѣвушку. Какъ тебя зовутъ?

— Эрдени! отвѣтила калмычка. А тебя?

— Замьяномъ.

Молодая дѣвушка повела Замьяна въ большую кибитку. Соблюдая правила вѣжливости и благопристройности, Замьянъ при входѣ въ кибитку старшаго, взялся сначала лѣвою рукою за дверную перекладину и коснулся ея своимъ лбомъ и лишь послѣ этого вошелъ внутрь.

— Вотъ чужого адучи привела, сказала Эрдени, — ищетъ свой табунъ, оголодалъ, надо накормить.

— Ну, подвигайся къ намъ, гость будешь! сказалъ зайсангъ, т.-е. старѣйшина хотона, престарѣлый Цебекъ, дѣдъ Эрдени.

Замьянъ поблагодарилъ за предложеніе и подошелъ къ обѣдающимъ. Сидѣвшіе на полу въ кружокъ хозяева очистили возлѣ себя для него мѣсто; онъ учтиво усѣлся на колѣни, плотно прижавъ пятки своихъ ногъ къ полу. Сидѣть, поджавъ подъ себя ноги въ присутствіи старшихъ, считалось неприличнымъ.

Старый Цебекъ подалъ Замьяну большой кусокъ мяса, который тотъ молча, не торопясь, началъ ѣсть; затѣмъ старикъ положилъ передъ нимъ кусокъ кислаго сыра, и когда гость утолилъ свой голодъ и обѣдающимъ былъ поданъ кумысъ, онъ спросилъ у него:

— Ты откуда и какъ сюда попалъ?

Замьянъ разсказалъ, кто онъ такой и что привело его въ ихъ аймакъ.

— У насъ тоже разбѣжался было табунъ, едва нашли вотъ только сегодня, сказалъ Мончакъ, отецъ Эрдени.

---

*) Хмельной напитокъ, приготовленный изъ коровьяго молока.

— Я, когда гналъ свой табунъ домой, видѣлъ чьихъ-то лошадей, бродившихъ безъ табунщика, замѣтилъ одинъ изъ двоюродныхъ братьевъ Эрдени, молодой адучи.

— Гдѣ? радостно вскричалъ Замьянъ.

— Въ балкѣ, верстъ за пять отсюда.

— Ты сначала поѣшь, какъ слѣдуетъ, и отдохни, а потомъ ужъ будешь заботиться о своемъ табунѣ; если это былъ твой, такъ теперь разыскать будетъ уже не трудно: слѣды будутъ на виду, сказалъ старый Цебекъ, видя, что Замьяну не сидится на мѣстѣ.

Поговорили о томъ, о семъ. Цебекъ разспросилъ у Замьяна объ его отцѣ, о семьѣ, какъ живутъ, много ли у нихъ скота и проч. Оказалось, что Замьянъ, разыскивая свой табунъ и гоняясь по его слѣдамъ, отъѣхалъ отъ своего хотона верстъ за пятьдесятъ.

Послѣ обѣда Эрдени предложила Замьяну проводить его до того мѣста, гдѣ ея двоюродный братъ видѣлъ лошадей, и Замьянъ съ великою благодарностью принялъ ея предложеніе. Калмычка накинула на себя армякъ, такой же, какъ у мужчинъ, парчевую, съ густою красною шелковою кистью шапочку съ лисьимъ раздвоеннымъ околышемъ, легко вспрыгнула на неосѣдланную лошадь, и молодые люди весело помчались на розыски Замьянова табуна.

Всю дорогу калмычка безъ умолку болтала съ молодымъ адучи, стараясь развеселить его и ободрить надеждой, что табунъ его найдется. Замьянъ видимо ей нравился, и она не старалась скрывать этого. Нравилась и она, въ свою очередь, Замьяну, и онъ невольно думалъ о томъ, что вотъ бы ему такую невѣсту.

Вдали, среди безконечной пелены снѣга, показались черныя движущіяся точки. Зоркій глазъ Замьяна тотчасъ же разглядѣлъ, что это были лошади, разыскивавшія копытами кормъ подъ покровомъ снѣга. Онъ радостно взвизгнулъ, взмахнулъ нагайкой и, припавъ къ шеѣ лошади, помчался во весь опоръ къ виднѣвшемуся табуну. Эрдени на своемъ прекрасномъ скакунѣ ни на шагъ не отставала отъ него, и скоро всадники очутились возлѣ табуна, радостно заржавшаго при видѣ своего хозяина.

— Я не знаю, какъ тебя и благодарить! сказалъ Замьянъ своей спутницѣ. Ты меня и напоила, и накормила, и табунъ мнѣ отыскала, и я твой должникъ теперь.

— Я рада, что тебѣ помогла, сказала калмычка. Когда будешь неподалеку пасти свой табунъ, заѣзжай въ гости, предложила она и сконфузилась отъ этого невольно вырвавшагося у нея приглашенія.

— Непремѣнно, сказалъ Замьянъ, съ радостью смотря на ея смущенное лицо. Ну, прощай пока. Еще разъ спасибо.

— Вотъ на, возьми себѣ на дорогу. Чуть было не позабыла. Я захватила для тебя. Когда проголодаешься, поѣшь! сказала Эрдени, подавая Замьяну кусокъ бараньей колбасы.

Замьянъ еще разъ поблагодарилъ молодую дѣвушку за такую заботливую предусмотрительность и погналъ табунъ въ сторону своего хотона.

Калмычка долго смотрѣла ему вслѣдъ, пока онъ не скрылся со своимъ табуномъ изъ ея глазъ; затѣмъ она повернула своего коня и задумчиво поѣхала обратно домой.

III.

Приближался калмыцкій праздникъ Цаганъ-Сара — встрѣча весны, происходящій въ послѣдніе дни зимней луны. У калмыковъ существуетъ религіозный обычай жарить къ этому празднику особыя небольшія лепешки на маслѣ, а болѣе зажиточные приготовляютъ ихъ даже на сахарѣ и медѣ. Лепешки эти называются „боорсукъ", и въ день праздника каждый калмыкъ и калмычка ходятъ съ ними по знакомымъ и, встрѣчаясь, обнимаютъ другъ у друга локоть, поздравляютъ съ праздникомъ и дарятъ другъ другу эти лепешки, какъ у насъ дарятъ на Пасхѣ красныя яйца.

Наканунѣ праздника Замьянъ вмѣстѣ со своими родными отправился въ хурулъ, находившійся отъ ихъ хотона за нѣсколько десятковъ верстъ. Онъ надѣялся встрѣтить тамъ также и Эрдени, о которой постоянно мечталъ послѣ встрѣчи, но которой ни разу съ тѣхъ поръ не видалъ. Аймакъ, въ которомъ она жила, вскорѣ послѣ посѣщенія его Замьяномъ, несмотря на зимнюю пору, перекочевалъ куда-то на другое

мѣсто въ поискахъ за подножнымъ кормомъ для скота, и когда Замьянъ, при первой же возможности, пригналъ къ нему свой табунъ, чтобы повидаться съ калмычкой, онъ никого тамъ не нашелъ. На мѣстѣ стоявшихъ кибитокъ была одна голая степь. Разспрашивать было не у кого, и Замьянъ потерялъ Эрдени изъ виду. И вотъ теперь онъ думалъ встрѣтить ее на праздникѣ около хурула, куда собирались для молитвы всѣ окрестные калмыки.



Гелюнъ въ облаченіи.

Когда Замьянъ со своими родными прибылъ къ хурулу, тамъ было уже много народа, пришедшаго со всѣхъ концовъ степи для молебствія.

Наступалъ вечеръ. Народъ въ праздничныхъ одеждахъ толпился вокругъ кумирни, откуда доносились звуки музыки и пѣнія молитвъ. Замьянъ, слѣдомъ за другими, направился ко входу въ кумирню, которая помѣщалась въ красиво убранной, огромныхъ размѣровъ кибиткѣ. Передъ ея открытою дверью Замьянъ снялъ съ головы шапку и сдѣлалъ земной поклонъ; затѣмъ онъ поднялъ руки, потомъ коснулся ими земли и, дотронувшись до дверной перекладины лбомъ, вошелъ въ кумирню. Тамъ, какъ разъ противъ входа, стояли столики, на которыхъ были разставлены бурханы, а передъ ними серебряныя чашечки для жертвъ и благовонныхъ куреній. Тутъ же лежали букеты живыхъ и засушенныхъ цвѣтовъ и пучки павлиньихъ перьевъ, принесенныхъ вѣрующими въ даръ бурханамъ. По сторонамъ висѣли картины съ райскими священными изображеніями. Надъ столикомъ съ бурханами спускались роскошный пологъ и занавѣски изъ цвѣтныхъ шелковыхъ матерій. Двѣ узенькихъ полоски коврик овъ вели отъ входа къ этому бурханному столику. Гелюны, въ красныхъ мантіяхъ и высокихъ желтыхъ шерстяныхъ

колпакахъ, съ красными гребнями по всей длинѣ ихъ задняго шва, стройно пѣли псалмы, отъ времени до времени сопровождая свое пѣніе игрою на инструментахъ, лежавшихъ передъ ними на длинныхъ, узенькихъ и низенькихъ столикахъ, при чемъ одни трубили въ рога, били изогнутыми палками въ литавры, другіе извлекали изъ громадныхъ раковинъ однообразные звуки, звонили въ колокольчики, въ мѣдные треугольники и тарелочки и т. д.

Замьянъ стоялъ и молился, дѣлая отъ времени до времени земные поклоны и прислушиваясь къ пѣнію жрецовъ, которое то затихало, то вдругъ, сопровождаемое звуками трубъ и литавръ, превращалось въ какой-то дикій, неистовый ревъ, заставлявшій шевелиться волосы на головѣ молящихся.

Помолившись, Замьянъ сталъ пятиться къ выходу, не смѣя повернуться спиной къ бурханамъ, пока не вышелъ вонъ изъ кумирни.

Была уже ночь. Но главное торжество встрѣчи весны должно было совершиться только утромъ, при восходѣ солнца. Замьянъ пока отъ нечего дѣлать пошелъ толкаться среди народа, окружавшаго хурульную кибитку, иллюминованную разноцвѣтными фонариками, въ надеждѣ встрѣтить Эрдени.

Ночь была тихая, теплая, звѣздная и безлунная. Со степи неслось благоуханіе первыхъ весеннихъ цвѣтовъ. Всюду возлѣ кумирни горѣли фонари, а далѣе въ степи костры, возлѣ которыхъ толпился народъ и оживленно бесѣдовалъ въ ожиданіи наступленія праздника. Замьянъ переходилъ отъ костра къ костру, отыскивая Эрдени, такъ какъ почему-то былъ увѣренъ, что она должна быть здѣсь. Но ея нигдѣ не оказывалось. Да, впрочемъ, и трудно было ее отыскать среди такого многочисленнаго скопленія народа.

На востокѣ засвѣтлѣло, и народъ толпами потянулся со степи къ кумирнѣ, изъ которой должно было совершиться торжественное шествіе гелюновъ вокругъ кумирни. Замьянъ слѣдомъ за другими тоже направился къ хурулу. Народъ то и дѣло поглядывалъ на побагровѣвшій востокъ, откуда должно было показаться дневное свѣтило.

Но вотъ едва только первый солнечный лучъ, точно раскаленный уголь, показался на краю неба, какъ въ тотъ же

моментъ въ кумирнѣ раздались торжественные звуки трубъ и литавръ. Изъ его дверей показались гелюны, выносившіе изображеніе божества Окунъ-Тегри, прикрѣпленное къ высокому древку. Народъ упалъ ницъ и началъ молиться. Жрецы съ пѣніемъ и музыкой обнесли Окунъ-Тегри вокругъ хурула и вновь внесли его въ кумирню.

— Менде! Менде! (Будь здоровъ!) послышались всюду обоюдныя поздравленія, и, по старинному обычаю, всѣ знакомые и незнакомые стали здороваться, обнимая другъ у друга локоть и угощаясь боорсукомъ.

— Менде, Замьянъ! услыхалъ вдругъ молодой адучи за своей спиной женскій голосъ, и въ тотъ же моментъ кто-то обнялъ его локоть и сталъ совать ему въ ротъ засахаренный боорсукъ.

Онъ съ недоумѣніемъ обернулся и, къ своей неописуемой радости, увидалъ передъ собою Эрдени.

Радость Замьянъ была такъ велика и неожиданна, что онъ сначала совсѣмъ было растерялся, но, тотчасъ же оправившись, въ знакъ привѣтствія приложилъ пальцы къ своему лбу и, протягивая затѣмъ молодой дѣвушкѣ обѣ руки ладонями вмѣстѣ для рукопожатія, торопливо заговорилъ:

— Менде, Эрдени, менде! А я тебя искалъ чуть не всю ночь и думалъ, что ты ужъ не пріѣхала въ хурулъ.

— Ты искалъ меня? переспросила Эрдени.

— Да, почти у каждаго костра побывалъ, но нигдѣ ни тебя, никого изъ вашихъ не видалъ. А куда вы перекочевали съ прежней стоянки?

— А ты какъ знаешь, что мы перекочевали?

— Да я былъ тамъ, но никого не нашелъ.

— Ты былъ на нашемъ прежнемъ мѣстѣ? А зачѣмъ ты тамъ былъ? лукаво прищурившись, спросила калмычка смутившагося адучи.

— Я хотѣлъ съ тобой повидаться, откровенно сознался тотъ.

Эрдени покраснѣла отъ удовольствія и радости, что Замьянъ не забылъ ее.

— На что тебѣ меня надо было? въ свою очередь, смущенно произнесла она.

— Какъ, на что? Вѣдь ты сама же меня приглашала. Развѣ позабыла?

— Я тогда пошутила! засмѣялась молодая дѣвушка.

— Ты пошутила? опечаленно произнесъ Замьянъ. А я принялъ за правду... Значитъ, ты вовсе не хотѣла меня видѣть?

— Если бы не хотѣла, такъ не стала бы тебя отыскивать здѣсь! сказала Эрдени.

— А развѣ ты искала?

— Коли бы не искала, такъ и не нашла бы...

Разговаривая такъ, молодые люди удалялись все далѣе и далѣе въ степь, пока не очутились совершенно одни.

— Слушай, Эрдени, сказалъ Замьянъ, набравшись храбрости, — что ты скажешь, если я за тебя посватаюсь? Вѣдь я все время, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ увидалъ тебя въ первый разъ, только о тебѣ и думаю.

— Я тебя тоже постоянно вспоминала, промолвила Эрдени.

— Отдастъ тебя твой отецъ за меня? Какъ ты думаешь?

— Не знаю! сказала калмычка.

Замьянъ подробно разспросилъ, въ какой мѣстности находится теперешняя ихъ кочевка, и обѣщалъ побывать при первой же возможности.

IV.

Съ этихъ поръ Замьянъ частенько началъ гонять свой табунъ на пастбище въ сторону кочевки зайсанга Цебека и встрѣчаться тамъ со своей возлюбленной.

Наконецъ, однажды онъ признался своей матери, что любитъ дѣвушку, и началъ усердно просить ее, чтобы она уговорила отца посватать за него Эрдени. Самъ онъ просить отца не рѣшался. По существующему у калмыковъ обычаю, невѣсту для сына выбираетъ отецъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ отцы предоставляютъ своимъ сыновьямъ избирать себѣ подругу жизни. Замьянъ боялся, какъ бы не испортить дѣла, и потому переговоры съ отцомъ поручилъ вести матери. Та, выспросивъ у сына подробно, кто такая его возлюбленная и когда и какъ онъ съ нею познакомился, охотно взялась помочь ему,

тѣмъ болѣе, что у отца до сихъ поръ не было на примѣтѣ подходящей для сына невѣсты.

Дѣло обошлось безъ большихъ затрудненій. Замьянъ былъ младшимъ изъ семи братьевъ, которые были уже всѣ женаты, и при томъ онъ былъ любимымъ сыномъ, и, разумѣется, отецъ не хотѣлъ мѣшать его счастью. Но Буханъ былъ въ то же время и очень остороженъ. Нельзя же съ легкимъ сердцемъ довѣрять выборъ невѣсты такому молодому и неопытному мальчику! Кто знаетъ,—дѣвушка, избранная имъ, можетъ оказаться совсѣмъ для него неподходящей парой! Надо прежде узнать и провѣрить самому, что такое она изъ себя представляетъ.

И вотъ, въ одно прекрасное время, Буханъ, осѣдлавъ лошадь, отправился въ путешествіе по направленію къ тому аймаку, гдѣ жила Эрдени.

Разыскавъ нужный ему хотонъ и кибитку Мончака, отца Эрдени, онъ остановилъ свою лошадь и, стреноживъ, пустилъ пастись, а самъ вошелъ въ кибитку.

Поздоровавшись съ хозяевами, Буханъ сказалъ, что ѣхалъ изъ города, заплутался и попросилъ оказать ему пріютъ и гостепріимство. Хозяева приняли его радушно и угостили всѣмъ, что у нихъ оказалось лучшаго.

— Да это не твой ли сынъ былъ у насъ прошлой зимой, разыскивая свой табунъ? спросилъ Мончакъ, когда Буханъ сообщилъ свое имя и назвалъ аймакъ, въ которомъ живетъ.

— Когда? притворяясь не знающимъ, переспросилъ Буханъ. Мой сынъ говорилъ, что заѣзжалъ въ какой-то аймакъ, но тотъ аймакъ былъ не здѣсь.

И онъ назвалъ мѣстность, гдѣ стоялъ аймакъ, въ которомъ былъ зимою его сынъ, разыскивая пропавшій табунъ.

— Да мы тамъ и жили тогда! сказалъ Мончакъ.

— Ахъ, вотъ что! сказалъ Буханъ. Ну, значитъ, я долженъ тебя поблагодарить за гостепріимство, оказанное тогда моему сыну.

Эрдени, узнавъ, что это отецъ Замьяна, и догадавшись о цѣли его посѣщенія, вся зардѣлась и поспѣшила принарядиться въ свое лучшее платье.

Такимъ образомъ, хитрый Буханъ познакомился со всей семьей Мончака, поговорилъ съ Эрдени и, очень довольный выборомъ своего сына, возвратился домой. Разсказавъ о своей поѣздкѣ старухѣ, онъ посовѣтовалъ и ей, въ свою очередь, съѣздить и посмотрѣть будущую невѣстку.

Мать Замьяна не заставила себя упрашивать и, осѣдлавъ лошадь, отправилась на слѣдующій же день въ путь. Но она не остановилась у Мончака, а заѣхала въ другой хотонъ, чтобы легче было выспросить и разузнать всю подноготную о своихъ будущихъ родственникахъ. Полученными такимъ образомъ свѣдѣніями она тоже осталась очень довольна. Всѣ въ одинъ голосъ дали прекрасные отзывы объ Эрдени, которую она постаралась, какъ бы случайно, встрѣтить у колодца и перекинуться съ ней нѣсколькими словами.

Старики рѣшили, что лучшей невѣсты для Замьяна и искать нечего. Но всѣ эти поѣздки и разузнаванія велись въ строгой тайнѣ отъ Замьяна. Онъ объ нихъ и не подозрѣвалъ, такъ какъ все это время былъ около своего табуна. Время стояло горячее: надо было косить и запасать сѣно на зиму, потому что не всегда скотъ могъ оставаться на подножномъ корму круглый годъ.

Прошло нѣсколько дней послѣ первой поѣздки Бухана къ Мончаку. Однажды, выбравъ подходящій денекъ, онъ пригласилъ съ собой изъ аймака двухъ своихъ пріятелей въ качествѣ будущихъ сватовъ и, захвативъ бурдюкъ арзы, отправился въ аймакъ Цебека. Гости вошли въ кибитку Мончака и, не говоря ни слова, начали угощать своихъ хозяевъ. Тѣ тотчасъ же догадались, въ чемъ дѣло и, въ свою очередь, зарѣзали для угощенія пріѣзжихъ гостей барана. На это маленькое пиршество собрались всѣ старшіе обитатели хотона, даже старый зайсангъ Цебекъ приплелся, и долго за полночь въ кибиткѣ Мончака продолжалось веселое бражничество.

Однако, и въ этотъ пріѣздъ Буханъ, по принятому обычаю, ни слова не сказалъ о цѣли своего посѣщенія, предоставивъ хозяевамъ самимъ догадываться. На утро гости уѣхали домой.

Недѣли черезъ двѣ послѣ этого Буханъ вновь пріѣхалъ къ Мончаку съ тѣми же самыми пріятелями, захвативъ съ

собой на этотъ разъ уже два бурдюка арзы. Снова повторилось пиршество, продолжавшееся вплоть до разсвѣта. Буханъ по пріему, оказанному ему заключилъ, что теперь уже можно вести дѣло въ открытую; на утро, когда были осѣдланы лошади для отъѣзда домой, онъ отозвалъ въ сторону Мончака и сказалъ ему:

— Слушай, Мончакъ, у меня есть сынъ, у тебя дочь. Я хотѣлъ бы, чтобы твоя дочь сдѣлалась женой моего сына. Что ты на это скажешь?

Мончакъ уставился въ землю и ничего не отвѣтилъ на это предложеніе.

Это молчаніе въ такомъ случаѣ означало знакъ согласія.

Буханъ распрощался съ Мончакомъ и со всѣми его родственниками и уѣхалъ.

Прошло еще нѣсколько недѣль. Однажды, когда Замьянъ пасъ свой табунъ и косилъ сѣно вдали отъ отцовскаго хотона, Буханъ вмѣстѣ со своими ближайшими родственниками, захвативъ съ собой до десятка бурдюковъ арзы, кумыса и вина и, кромѣ того, привязавъ къ торокамъ зарѣзаннаго, но еще не ободраннаго барана, отправился къ своему будущему свату.

Веселый поѣздъ, уже подгулявшій въ дорогѣ, подъѣхалъ къ хотону Цебека. Для вновь прибывшихъ самъ Цебекъ уступилъ свою большую палатку, куда пріѣхавшіе внесли привезенные напитки, и сразу же началось угощеніе. Затѣмъ отвязали отъ сѣдла зарѣзаннаго барана, сняли съ него шкуру и съ веселыми шутками и прибаутками свалили въ громадный котелъ, находившійся во дворѣ хотона.

Тѣмъ временемъ Буханъ при свидѣтеляхъ собственноручно передалъ отцу Эрдени небольшой бумажный свертокъ, заключавшій въ себѣ сыромятный ремешокъ и полоску рыбьяго клею. Мончакъ принялъ отъ Бухана оба эти предмета, молча признавая такимъ образомъ, что обрученіе состоялось. Ремень въ этомъ случаѣ является какъ бы знакомъ соединенія, клей — скрѣпленія союза. Этотъ обычай у калмыковъ значитъ то же, что нашъ обычай обмѣниваться обручальными кольцами. Оба эти предмета — и клей и ремень — были положены передъ бурханами, гдѣ они должны были

храниться до свадьбы, а послѣ свадьбы, передъ отъѣздомъ къ мужу, молодая захватываетъ ихъ съ собой и хранитъ въ своей кибиткѣ до самой смерти.

Начался пиръ, на который были приглашены всѣ ближайшіе родственники невѣсты и который продолжался цѣлую ночь. Но отецъ невѣсты до самаго конца не сказалъ еще открыто, что онъ согласенъ на бракъ своей дочери съ сыномъ Бухана. Таковъ былъ обычай. И только когда на утро гости собрались въ обратный путь, онъ въ первый разъ заявилъ передъ всѣми присутствующими, что очень радъ породниться съ такимъ уважаемымъ человѣкомъ, кахъ Буханъ.

V.

По возвращеніи домой, Буханъ на радостяхъ пригласилъ къ себѣ въ гости всѣхъ своихъ сосѣдей и устроилъ для нихъ пирушку; во время пира онъ объявилъ, что женитъ своего сына, для котораго высваталъ уже невѣсту.

А женихъ въ это время со своимъ табуномъ былъ далеко въ степи и не подозрѣвалъ о томъ, что въ его отсутствіе происходитъ дома.

На слѣдующій день Буханъ отправился въ городъ, чтобы сдѣлать необходимыя закупки для предстоящей свадьбы, а по возвращеніи изъ города, привезя съ собой разныхъ винъ и другихъ угощеній, вновь собралъ сосѣдей и снова устроилъ для нихъ пирушку.

Вечеромъ этого дня Замьянъ вернулся домой, чтобы запастись провизіей, и не мало былъ удивленъ, когда, подъѣзжая къ отцовскому хотону, услыхалъ во дворѣ веселыя пѣсни пирующихъ гостей.

— Что такое у насъ дѣлается? Почему тамъ такое веселье? спросилъ онъ у встрѣтившейся сосѣдки.

Калмычка, узнавъ въ сумеркахъ наступившей ночи Замьяна, подошла къ его лошади и, лукаво улыбаясь, проговорила:

— Должно быть, тамъ чья-то свадьба затѣвается.

Замьянъ взвизгнулъ отъ радости. Онъ сразу же сообразилъ, что это его свадьба затѣвается, что дѣло уже сдѣлано,

невѣста сосватана, и согласіе ея родителей получено,—иначе не стали бы предаваться преждевременному ликованію.

Онъ спрыгнулъ съ коня, дрожащими отъ радостнаго волненія руками стреножилъ его и пустилъ пастись на волю, а самъ вошелъ въ кибитку, откуда раздавались веселыя пѣсни.

— А вотъ и Замьянъ явился. Надо ли его вмѣстѣ съ нами сажать за пирушку? шутливо сказалъ одинъ изъ гостей.

— Ты зачѣмъ уѣхалъ отъ табуна? Кто тебя звалъ? съ притворной суровостью напустился на него отецъ.

Замьянъ сконфузился.

— Я... я за провизіей, вся вышла... смущенно забормоталъ онъ въ свое оправданіе.

— Ну, полно тебѣ дурачиться-то, отецъ! съ упрекомъ сказала мать Замьяна мужу. Поздравляю, сынокъ, невѣста тебѣ сосватана, та самая, которую ты хотѣлъ! обратилась она къ сыну.

— Какъ? Для него высватана невѣста? вскочивъ съ мѣста, закричали, притворяясь ничего не знающими, гости. Такъ вотъ оно почему мы здѣсь и пируемъ! Ну, поздравляемъ, поздравляемъ!

Замьянъ смущенно благодарилъ всѣхъ и кланялся.

Затѣмъ онъ тоже подсѣлъ къ пирующимъ и принялъ участіе въ общемъ весельѣ.

Недѣли черезъ двѣ женихъ подобралъ себѣ человѣкъ двадцать молодыхъ пріятелей, навьючилъ верблюда виномъ, арьяномъ, тремя зарѣзанными баранами и многими другими съѣстными припасами и со своею свитою, на лучшихъ лошадяхъ, украшенныхъ вышитыми попонами и нарядными уздечками съ подвязанными на нихъ мѣдными и серебряными кольцами, бубенцами и колокольчиками, отправился въ гости къ невѣстѣ.

Мончакъ по случаю прибытія такихъ дорогихъ гостей устроилъ угощеніе. Сначала мужчины угощались отдѣльно отъ женщинъ, которыя находились съ невѣстой въ особой палаткѣ. Но потомъ, когда всѣ достаточно подгуляли, мать невѣсты пришла къ мужчинамъ и объявила, что дѣвицы однѣ скучаютъ и просятъ жениха и дорогихъ гостей пожаловать къ нимъ въ кибитку.

Во время этого свиданія жениха съ невѣстой долженъ былъ состояться между ними взаимный обмѣнъ подарками,—обычай, называемый у калмыковъ „кургучилке“.

Замьянъ, держа за пазухой подарки, вошелъ въ кибитку и конфузливо началъ отыскивать глазами среди присутствующихъ дѣвицъ свою невѣсту. Наступила тишина. Всѣ съ любопытствомъ смотрѣли, что будетъ дѣлать женихъ. Чувствуя, что вниманіе всѣхъ сосредоточено на немъ, что всѣ наблюдаютъ, какъ онъ подойдетъ къ своей невѣстѣ, какъ ей поклонится и какъ передастъ свои дары, Замьянъ готовъ былъ провалиться сквозь землю и конфузился и терялся все болѣе и болѣе. Но медлить было нельзя: пожалуй, еще засмѣютъ. Завидя Эрдени, онъ неловко, но храбро двинулся къ ней и, ставъ передъ ней на колѣни, вынулъ свои подарки изъ-за пазухи и передалъ ихъ невѣстѣ. Эрдени, въ свою очередь, вручила ему вышитый своими руками кисетъ для табака.

Въ этомъ и состоялъ обрядъ обмѣна подарками, послѣ котораго обрученіе считалось уже окончательно скрѣпленнымъ.

Вскорѣ заиграла музыка, и Замьянъ пригласилъ свою невѣсту на танецъ. Плясать Замьянъ былъ мастеръ. Но въ то время, какъ онъ откалывалъ разныя головоломныя колѣна, невѣста, оставаясь на мѣстѣ, лишь едва притоптывала ногами, но зато плечи, корпусъ и руки производили такія плавныя и красивыя движенія, что всѣ зрители пришли въ восторгъ.

Молодые люди, пріѣхавшіе съ Замьяномъ, въ свою очередь, начали приглашать на танцы другихъ дѣвушекъ, становясь передъ ними на колѣни, прикладывая руку къ своему лбу и затѣмъ слегка касаясь ею колѣнъ своей дамы. Отъ танцевъ перешли къ играмъ, отъ игръ къ пѣснямъ и разнымъ другимъ забавамъ, и вплоть до утра въ хотонѣ Цебека продолжалось веселое ликованіе молодежи.

VI.

На слѣдующій день зайсангъ сосѣдняго аймака, бывшій въ числѣ приглашенныхъ гостей, предложилъ молодежи поѣхать въ его табунъ, гдѣ онъ хотѣлъ позабавить ее ловлею „неуковъ“.

Неуками называются молодыя, никогда не знавшія узды лошади, ловля и обученіе которыхъ представляютъ для калмыковъ одно изъ любимѣйшихъ ихъ развлеченій.

Гости съ величайшимъ удовольствіемъ приняли предложеніе зайсанга, и молодые люди и дѣвушки, осѣдлавъ коней, отправились въ степь къ табунамъ зайсанга.

— Кому первому начинать? раздались голоса, когда всадники пріѣхали на мѣсто.

— Конечно, сначала долженъ показать свою удаль женихъ, сказалъ зайсангъ. Тутъ у меня въ табунѣ есть одинъ такой неукъ-недотрога, что я даю обѣщаніе подарить его Замьяну, если только онъ сумѣетъ его изловить и привести сюда къ намъ усмиреннымъ.

— Гдѣ? Который? Укажи только, и онъ будетъ мой! храбро вызвался женихъ.

— Посмотримъ! сказалъ зайсангъ.

И, подъѣхавъ къ табуну, онъ сталъ искать глазами среди лошадей нужнаго ему неука.

— Вонъ, вонъ! Вороной, съ бѣлыми полосами на груди, видишь, вонъ тотъ, что поднялъ голову и раздуваетъ ноздри? указалъ рукой зайсангъ на прекраснаго, статнаго трехлѣтка.

— Это тотъ, что стоитъ возлѣ сѣрой лошади и поводитъ ушами?

— Вотъ, вотъ, онъ самый!

Замьяну подали укрюкъ съ арканомъ, на которомъ была сдѣлана петля. Молодой адучи-женихъ подтянулся, лихо заломилъ шапку на бекрень и, держа въ лѣвой рукѣ укрюкъ, сталъ медленно въѣзжать въ табунъ.

Гости, расположившись на полянкѣ, внимательно слѣдили за дѣйствіями Замьяна. У Эрдени сердце готово было выскочить отъ волненія: она боялась, какъ бы ея похваставшійся женихъ не осрамился.

По мѣрѣ того, какъ Замьянъ въѣзжалъ въ табунъ, матки, оберегая своихъ жеребятъ, сторонились отъ наѣздника и давали ему проходъ. Намѣченный трехлѣтокъ, замѣтивъ, что всадникъ направляется къ нему, бросился въ сторону и скрылся среди другихъ лошадей. Но Замьянъ въ тотъ же мигъ, приникнувъ къ лукѣ сѣдла, кинулся за нимъ въ догонку.

Табунъ пришелъ въ замѣшательство; однако, умныя кобылицы, боясь за своихъ жеребятъ, жавшихся къ нимъ, зорко слѣдили за всѣми движеніями наѣздника и во-время успѣвали давать ему дорогу. Онѣ точно понимали, за кѣмъ происходитъ охота, и старались не допускать къ себѣ преслѣдуемаго неука. Лошадь Замьяна тоже, въ свою очередь, какъ будто сознавала, кого нужно поймать ея хозяину, и почти безъ указанія поводовъ носилась за неукомъ. Однако, поймать его оказывалось не такъ-то легко. Едва только Замьянъ приближался къ неуку на такое разстояніе, что можно было закинуть арканъ, какъ тотъ, брыкнувъ ногами, взмахнувъ хвостомъ и потрясая головой и ощетинившейся гривой, снова и снова исчезалъ въ табунѣ среди другихъ лошадей.

Замьянъ разгорячался все болѣе и болѣе. Въ немъ заговорило гордое чувство табунщика. Какъ?! Неужели эта молодая лошаденка не дастся ему въ руки, когда на него устремлено вниманіе стольких гостей? Неужели она осрамитъ его въ присутствіи невѣсты? Съ пылающими отъ гнѣва глазами и разгорѣвшимся лицомъ онъ ошарашилъ своего скакуна нагайкой и, подлетѣвъ почти вплоть къ увертливому неуку накинулъ-таки ему, наконецъ, укрюкомъ арканъ на шею. Отбросивъ въ тотъ же мигъ укрюкъ въ сторону, онъ ухватился правою рукою за веревку и, какъ струну, натянулъ ее, сдерживая ретивое животное.

Все притихло. И люди и лошади съ любопытствомъ, не шевелясь, воззрились на всадника, державшаго разъяреннаго неука на арканѣ.

Почувствовавъ на шеѣ петлю, неукъ сначала точно остолбенѣлъ отъ изумленія и на мгновеніе остановился, какъ вкопанный, разставивъ врозь ноги и крутя головой, будто придумывая, какъ ему лучше освободиться изъ этого непріятнаго положенія. И вдругъ, поднявшись на дыбы, онъ сдѣлалъ неожиданный прыжокъ въ сторону. Но петля еще тѣснѣе сдавила ему шею. Взбѣшенный, онъ началъ визжать, припадать на колѣна, бить копытами землю, дѣлать отчаянные прыжки, изгибаться передомъ и задомъ и высоко вскидывать задними ногами. Но ничто не помогало. Замьянъ, навернувъ арканъ на руку и зажавъ конецъ веревки у себя между сѣдломъ и

колѣномъ, сидѣлъ на своей лошади неподвижно, какъ статуя, не подаваясь ни въ ту, ни въ другую сторону, а лишь все туже и туже накручивая себѣ на руку арканъ. Неукъ выбивался изъ послѣднихъ силъ, задыхаясь отъ врѣзавшейся въ его горло веревки. Вотъ онъ сдѣлалъ послѣднее отчаянное усиліе и поднялся на дыбы, но Замьянъ такъ сильно потянулъ на себя веревку, что бѣшеное животное, полузадушенное, грузно рухнуло на землю. Въ тотъ же мигъ Замьянъ, соскочивъ съ сѣдла, былъ подлѣ него, и не успѣлъ неукъ притти въ себя, какъ ловкій адучи, продѣвъ ему арканъ въ ротъ, искусно обмоталъ его вокругъ морды и завязалъ на шеѣ. Почувствовавъ свое горло облегченнымъ отъ петли, неукъ съ храпомъ потянулъ въ себя воздухъ и быстро вскочилъ на ноги. Но Замьянъ уже оказался у него на спинѣ и, держась за гриву и веревку, началъ осыпать его ударами нагайки. Разъяренный неукъ бросился въ сторону, прочь отъ табуна, куда глаза глядѣли, и началъ кружить и вихремъ носиться по степи.

На этотъ разъ не одна Эрдени, но и всѣ зрители съ замираніемъ сердца слѣдили за тѣмъ, какъ бы всадникъ не сломалъ себѣ шеи. Быстрота бѣга у неука оказалась изумительной. Онъ то мчался, какъ стрѣла, пущенная изъ туго натянутаго лука, то, замедляя бѣгъ, брыкался, билъ задомъ и передомъ, становился на дыбы, затѣмъ снова отчаянно прыгалъ и летѣлъ по степи, какъ сумасшедшій. Но вотъ онъ видимо утомился, началъ мало-по-малу смиряться, повиноваться волѣ всадника и, наконецъ, сдѣлался совсѣмъ послушнымъ.

Не прошло и получаса, какъ Замьянъ подъѣхалъ на укрощенномъ неукѣ къ гостямъ, встрѣтившимъ его криками „ура“.

— Молодецъ! сказалъ зайсангъ. Ты вполнѣ заслужилъ этотъ свадебный подарокъ. Береги этого неука. Бѣгъ у него необычайный. Онъ можетъ тебѣ когда-нибудь пригодиться на скачкахъ.

Замьянъ поблагодарилъ зайсанга и, передавъ неука своимъ друзьямъ, подошелъ къ своей невѣстѣ, наградившей его ласковою улыбкой.

Затѣмъ по очереди начали показывать свое искусство другіе молодые люди, но далеко не всѣ изъ нихъ оказались такими же ловкими, какъ Замьянъ. Къ тому же во всемъ стадѣ не оказалось другого столь же дикаго неука, какимъ былъ усмиренный Замьяномъ.

VII.

Свадьбу предполагалось справить осенью. Но тутъ случилось событіе, заставившее отложить ее на цѣлый годъ, до слѣдующаго лѣта. Скончался нойонъ, владѣлецъ улуса. Нойонъ приходился родственникомъ старому зайсангу Цебеку, и тотъ считалъ неприличнымъ праздновать въ своемъ аймакѣ свадьбу, пока не будетъ оконченъ трауръ и справлена тризна по скончавшемся.

Нойонъ былъ человѣкъ уже престарѣлый и всѣми уважаемый. Почувствовавъ приближеніе своей смерти, онъ послалъ за гелюнами, помолился вмѣстѣ съ ними передъ бурханами и принесъ имъ послѣднюю жертву. Затѣмъ онъ собралъ своихъ дѣтей и внуковъ, благословилъ ихъ и каждаго одарилъ крохотными тѣльниками съ литыми изображеніями бурхановъ, которые буддисты носятъ на груди, какъ талисманы. Наконецъ, пригласивъ всѣхъ своихъ ближнихъ и дальнихъ родственниковъ, а въ томъ числѣ и зайсанга Цебека, распростился съ ними и тихо скончался.

Гелюны обмыли его тѣло, одѣли въ полную парадную одежду, но только безъ оружія и посадили на коверъ, подогнувъ у него ноги такимъ образомъ, будто онъ сидитъ.



Бурханъ.

На четвертый день въ кибитку, гдѣ сидѣлъ покойный, стали приходить родственники, чтобы отдать ему послѣдній долгъ, попрощаться

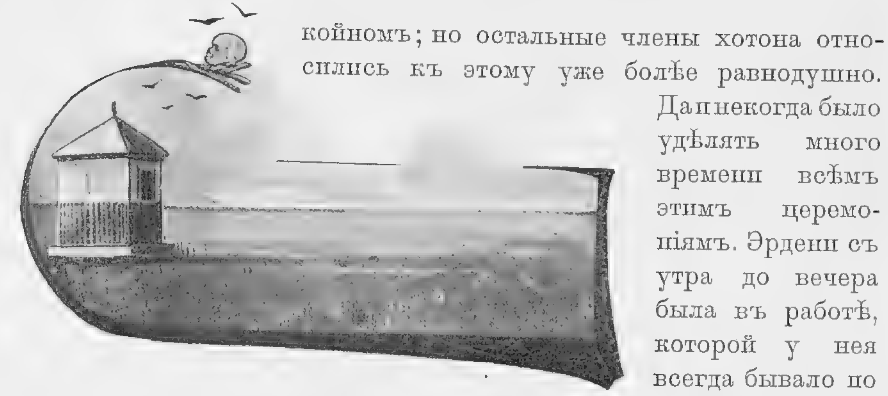
съ нимъ. Они наклонялись къ его ногамъ и касались ихъ своимъ лбомъ. Когда всѣ попрощались, конюхъ подвелъ къ кибиткѣ любимаго нойонова коня, совсѣмъ осѣдланнаго, но безъ подушки и чепрака. Лѣвою рукою конюхъ держалъ коня подъ уздцы, а въ правой нагайку покойнаго. Четверо сильныхъ калмыковъ подняли на коврѣ тѣло покойнаго нойона и понесли его къ мѣсту погребенія. Слѣдомъ за ними шли родные, друзья и гелюны, а позади вели коня. Но коня, не доводя до мѣста погребенія, конюхъ отвелъ въ хурулъ въ жертву бурхану.

Въ степи на холмѣ было выкопано пять ямъ, одна изъ которыхъ находилась посрединѣ, а четыре остальныхъ по сторонамъ. Въ ямахъ были наложены дрова. Въ средней, большой ямѣ былъ поставленъ огромный котелъ, въ который и посадили трупъ нойона, а затѣмъ, при пѣніи гелюнами священныхъ молитвъ, дрова въ ямахъ подожгли. Черные, густые клубы дыма поднялись высоко къ небу; котелъ съ тѣломъ усопшаго нойона раскалился до-красна, и когда дрова сгорѣли, отъ трупа нойона остался одинъ только пепелъ.

Гелюны поставили неподалеку отъ котла съ прахомъ столикъ съ бурханами, передъ которыми родственники умершаго въ теченіе цѣлыхъ трехъ дней возносили моленія и приносили жертвы. Затѣмъ все это мѣсто, гдѣ произошло сожженіе тѣла почившаго, было обведено кругомъ каменною стѣною съ куполообразнымъ сводомъ наверху. Это сооруженіе было украшено разными лѣпными фигурками въ китайскомъ вкусѣ. Съ востока былъ сдѣланъ входъ въ дверь, которая запиралась на замокъ.

Въ теченіе семи недѣль вдова, дѣти и внуки покойнаго носили по немъ трауръ, молились, не ѣли мяса, не показывались постороннимъ, боялись въ это время какъ-нибудь нечаянно убить даже муху или комара, потому что, по вѣрованію калмыковъ, этотъ грѣхъ палъ бы на душу покойнаго. Черезъ каждую недѣлю въ теченіе пятидесяти дней справлялись поминки, и только на 50-й день трауръ былъ оконченъ.

Старый зайсангъ Цебекъ, съ своей стороны, тоже свято выполнялъ всѣ обрядности, связанныя съ трауромъ по по-


Могила знатнаго калмыка.

койномъ; но остальные члены хотона относились къ этому уже болѣе равнодушно. Да и некогда было удѣлять много времени всѣмъ этимъ церемоніямъ. Эрдени съ утра до вечера была въ работѣ, которой у нея всегда бывало по горло. Работы у калмыцкихъ женщинъ вообще хоть отбавляй. Прежде всего одно доеніе цѣлыхъ сотенъ кобылицъ, коровъ, овецъ и верблюдовъ, доить которыхъ къ тому же приходится по нѣскольку разъ въ день, отнимаетъ у нихъ массу времени. Затѣмъ имъ приходится готовить кумысъ, арьянъ, прясть шерсть, валять кошмы, вить изъ волоса арканы, чинить кибитки, приготовлять кизякъ для топлива и проч. Такимъ образомъ, цѣлый день съ утра до вечера калмыцкая женщина не знаетъ отдыха. Все, что касается дома, лежитъ на ея обязанности.

Но и у мужчинъ тоже не мало работы. Кромѣ пастьбы и ухода за скотомъ, имъ приходиться косить и заготовлять на зиму сѣно для многочисленнаго скота, постоянно чистить степные колодцы, требующіе за собой тщательнаго ухода, такъ какъ при малѣйшей небрежности они засариваются, и поить скотину становится негдѣ. Затѣмъ на ихъ обязанности лежитъ добываніе всего, что находится за предѣлами дома; ломка и привозъ соли, продажа въ городѣ излишнихъ продуктовъ и закупка всего необходимаго для домашняго обихода. Но кромѣ всего этого, не мало бываетъ еще и другихъ работъ по домашности. Среди калмыковъ есть столяры, плотники, слесаря, кузнецы, литейщики, оружейники, портные, сапожники, скорняки и даже мастера золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ, а также живописцы и лѣпщики, въ особенности среди гелюновъ. При этомъ почти

всякое мастерство, требующее особаго умѣнья и выучки, передается у нихъ обыкновенно по наслѣдству отъ отца къ сыну.

VIII.

Зима прошла, и вновь наступила весна.

Однажды многочисленное взрослое потомство стараго Цебека обѣдало, по обыкновенію, у него въ большой кибиткѣ.

— Давненько что-то не ѣдетъ въ гости твой женихъ, замѣтилъ дѣдъ, обращаясь къ Эрдени.

— Должно быть, выѣзжаетъ подареннаго ему неука. Онъ хочетъ подготовить его къ скачкамъ, которыя, какъ говорятъ, предполагаетъ устроить нашъ новый нойонъ въ день смерти своего отца, сказала со вздохомъ внучка.

— Это не хорошо — ради лошади забывать свою невѣсту, промолвилъ Цебекъ.

Эрдени покраснѣла, но ничего не отвѣтила.

— Я думаю, что онъ просто стѣсняется надоѣдать намъ частыми посѣщеніями, вступилась за Замьяна мать Эрдени.

— Ну, а ты, Лоузанъ, не раздумалъ еще попытать свои силы въ борьбѣ, которая будетъ устроена на поминкахъ покойнаго нойона? обратился Цебекъ къ младшему своему сыну, молодому 25-ти лѣтнему статному молодцу, отличавшемуся необычайною силою и ловкостью.

— Нѣтъ, отецъ, я не раздумалъ. Я каждый день упражняюсь и готовлюсь.

— Это хорошо, похвалилъ старый зайсангъ. Эхъ, когда то въ молодые годы, вѣдь, и я считался однимъ изъ лучшихъ борцовъ во всемъ нашемъ улусѣ и не одинъ разъ брал даже первую награду. А вотъ твои старшіе братья пошли не въ меня: никто изъ нихъ ни разу не выступалъ въ большой борьбѣ, хотя, кажется, никого изъ нихъ Богъ силою тоже не обидѣлъ.

— Готовиться надо къ этому, а это отнимаетъ много времени; а такъ, безъ подготовки, осрамишься только, какъ бы оправдываясь, сказалъ Мончакъ, отецъ Эрдени.

— Да, это правда, готовиться къ этому надо долго и упорно! подтвердилъ Цебекъ.

— Ну, нашъ Лоузанъ на этотъ счетъ охулки на руку не кладетъ, замѣтилъ другой изъ его братьевъ; онъ не только вызываетъ всѣхъ при всякомъ случаѣ помѣряться съ нимъ силой, а я даже засталъ его какъ-то въ табунѣ борющимся съ лошадью. И повалилъ, вѣдь, ее голыми руками!

Всѣ засмѣялись.

— Молодецъ! похвалилъ Цебекъ. Такъ и надо дѣлать. Я, бывало, тоже, прежде, чѣмъ выступать на борьбу, закалялъ свое тѣло всякими способами: спалъ на голыхъ камняхъ, таскалъ непосильныя тяжести, даже подлѣзалъ подъ быка и носилъ его на спинѣ. Даромъ никакая побѣда не дается, а безъ подготовки къ борьбѣ и соваться нечего на кругъ. Готовься, готовься, поддержи былую славу стараго Цебека!

Семья кончала уже обѣдъ, когда со степи донеслось лошадиное ржаніе и топотъ копытъ.

Эрдени живо вскочила со своего мѣста и выбѣжала изъ дверей посмотрѣть, кто бы это могъ быть.

— Замьянъ ѣдетъ съ гостями! вскричала она.

— Вотъ легокъ на поминѣ, проговорилъ Цебекъ, и всѣ вышли изъ кибитки встрѣчать гостей.

Къ хотону приближалась группа всадниковъ, среди которыхъ, кромѣ Замьяна и его родителей, было нѣсколько его пріятелей, приглашенныхъ имъ въ гости къ своей невѣстѣ. За пріѣхавшими слѣдовали лошади, навьюченныя провизіей, турсуками съ арьяномъ, кумысомъ и виномъ и тюками съ разными подарками.

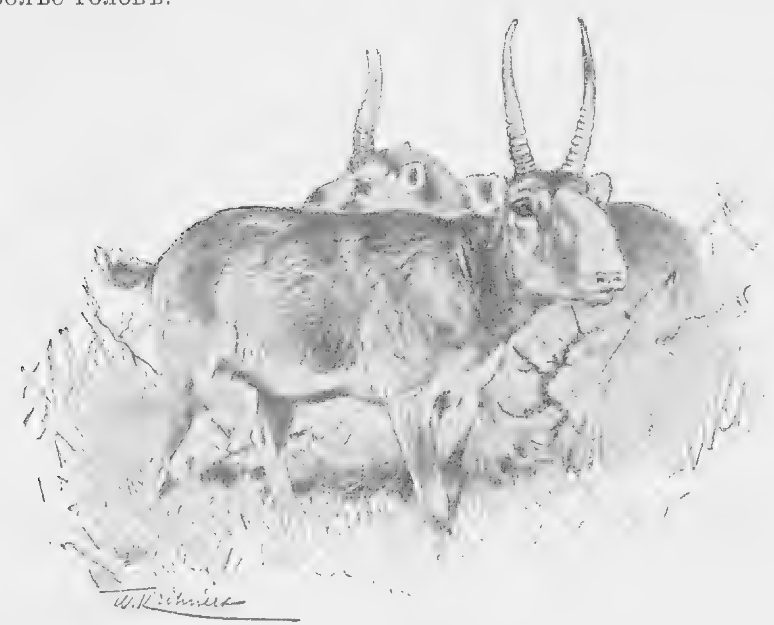
Гостей ввели въ большую палатку и предложили имъ угощеніе.

— Мы только что видѣли недалеко отсюда большое стадо сайгаковъ; не поѣхать ли намъ поохотиться сначала за ними? А поѣсть мы успѣемъ потомъ; мы не голодны! сказалъ Замьянъ.

Предложеніе это было принято молодежью съ восторгомъ. Старики остались дома, а молодые люди и молодыя дѣвушки, въ томъ числѣ и Эрдени, осѣдлали лошадей и отправились догонять сайгаковъ.

Охота за сайгаками, этими робкими и граціозными степными животными, во многомъ похожими на оленей, составляетъ одну изъ любимыхъ охотъ калмыковъ.

Сайгаки пасутся большими стадами, до тысячи и даже болѣе головъ.



Сайгаки.

Скоро всадники увидали разыскиваемое ими стадо, бѣжавшее въ степи, по своему обыкновенію, по направленію противъ вѣтра. Сайгаки отличаются удивительно развитымъ чувствомъ обонянія и по вѣтру далеко чуютъ опаснаго для нихъ врага.

Прежде, чѣмъ начать преслѣдованіе, всадники разбились по парамъ, при чемъ одинъ изъ каждой пары былъ вооруженъ винтовкой или даже двумя, тогда какъ другой оставался невооруженнымъ. Когда разстояніе между охотниками и сайгаками уменьшилось саженъ до ста, вооруженные всадники, не уменьшая хода, соскользнули со своихъ коней и притаились въ высокой травѣ; остальная же, невооруженная половина преслѣдователей, большинство которой составляли

женщины, подхвативъ подъ уздцы освободившихся отъ наѣздниковъ лошадей, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжали мчаться за сайгаками; но, проскакавъ саженъ двѣсти, преслѣдователи раздѣлились на два отряда, одинъ изъ которыхъ сдѣлалъ оборотъ направо, другой налѣво, и всѣ понеслись назадъ. Сайгаки, услыхавъ шумъ и топотъ удалявшихся лошадиныхъ копытъ, въ недоумѣніи обернулись и, стоя на мѣстѣ, стали внимательно вглядываться въ убѣгавшихъ отъ нихъ всадниковъ. Наконецъ, любопытство взяло верхъ надъ осторожностью, и сайгаки побѣжали слѣдомъ за убѣгавшими отъ нихъ всадниками, желая посмотрѣть, что такое съ ними случилось. Но тутъ они вскорѣ наткнулись на засаду. Спрятавшіеся въ травѣ и ложбинахъ всадники встрѣтили ихъ залпами изъ винтовокъ почти въ упоръ. Стадо въ страхѣ бросилось назадъ, оставивъ на мѣстѣ не одинъ десятокъ своихъ сотоварищей.

Охота была окончена, и наѣздники и наѣздницы шумно и весело возвратились домой.

Вечеромъ въ этотъ день обыватели аймака Цебека, участвовавшіе въ пирушкѣ, были свидѣтелями борьбы Лоузана съ пріѣзжими пріятелями Замьяна. Лоузанъ не хотѣлъ пропустить случая и предложилъ гостямъ помѣряться съ нимъ силою. Но ни одинъ изъ гостей не могъ совладать съ нимъ. Онъ всѣхъ ихъ, точно малыхъ дѣтей, поочередно клалъ на лопатки.

Но зато въ устроенныхъ примѣрныхъ скачкахъ для лошади Замьяна, подаренной ему сосѣднимъ зайсангомъ, не оказалось соперницъ во всѣхъ табунахъ аймака Цебека.

— Нашъ Лоузанъ навѣрное получитъ первый номеръ на предварительномъ состязаніи и на праздникѣ будетъ назначенъ для борьбы въ первой парѣ, говорили за ужиномъ однохотонцы Лоузана.

— Ну, ужъ и первый номеръ! Вѣдь тамъ будутъ участвовать испытанные борцы со всей калмыцкой степи, да и киргизскихъ богатырей не мало явится. А Лоузанъ выступаетъ еще въ первый разъ! Гдѣ же ему добиться чести бороться въ первой парѣ? сомнительно покачивая головой, говорилъ старый Цебекъ.

IX.

Ровно черезъ годъ послѣ смерти нойона, сынъ его, справляя тризну по своемъ покойномъ родителѣ, устроилъ для народа рядъ увеселеній, среди которыхъ борьба и скачка на призы занимали первое мѣсто.

Борьба — одно изъ любимѣйшихъ развлеченій кочевыхъ народовъ, а калмыковъ въ особенности. Они относятся къ ней съ особенною серьезностью и торжественностью. Къ состязанію въ борьбѣ готовятся задолго до назначеннаго срока, и въ исходѣ ея бываетъ заинтересовано населеніе всего улуса. Улусъ раздѣляется въ это время на двѣ, какъ бы враждующія партіи — партію владѣльца улуса и партію гелюновъ, причемъ каждая сторона тайно отъ другой представляетъ владѣльцу улуса, устраивающему борьбу, списокъ своихъ борцовъ и свидѣтелей. Владѣтельный же нойонъ назначаетъ количество призовъ.



Гелюны.

Такъ было и на этотъ разъ.

Когда стало извѣстно, что новый нойонъ намѣревается почтить память своего покойнаго родителя борьбой и скачками, вездѣ, во всѣхъ аймакахъ и хотонахъ, только и разговора было объ этомъ, и всѣ, желавшіе принять участіе въ одномъ изъ этихъ состязаній, начали заранѣе усердно готовиться; наѣздники выѣзжали лошадей; борцы отъ времени до времени собирались изъ нѣсколькихъ аймаковъ въ опредѣленный день въ какой-либо мѣстности и устраивали предварительныя состязанія.

За нѣсколько дней до праздника, представители партіи гелюновъ, къ которой принадлежали семьи жениха и невѣсты, назначили для своихъ борцовъ, тайно отъ противной партіи, общую предварительную репетицію, на которой борцы должны были быть распредѣлены по номерамъ. Первый номеръ на такой репетиціи получаетъ тотъ, кто одолѣетъ всѣхъ высту-

пающихъ на ней борцовъ. Этотъ первый номеръ обыкновенно начинаетъ борьбу и въ день праздника.

Съ своей стороны, и партія нойона точно также тайно отъ партіи гелюновъ устроила предварительную репетицію для распредѣленія своихъ борцовъ по номерамъ.

Номера и имена назначенныхъ къ борьбѣ борцовъ держались какъ той, такъ и другой стороной въ строгой тайнѣ. О нихъ не должна была знать противная сторона до самаго начала борьбы. Это дѣлалось для того, чтобы соперники не могли какимъ-либо образомъ узнать слабыя стороны своихъ противниковъ и воспользоваться ими во время будущей борьбы.

Наконецъ, наступилъ всѣми давно ожидаемый день.

Между ставкою владѣльца и хуруломъ была выровнена площадка, по одну сторону которой были разбиты палатки для нойона и его гостей, по другую палатки для старшихъ гелюновъ и для зайсанговъ и палатка для самого бакши. По остальнымъ двумъ сторонамъ толпился народъ, раздѣлившійся тоже на двѣ партіи. На двухъ углахъ образовавшейся такимъ образомъ четырехугольной площадки стояло по кибиткѣ для борцовъ.

Утромъ передъ состязаніемъ, борцы, въ сопровожденіи избранныхъ старшинъ, исполнявшихъ должность судей, сходили въ хурулъ для молитвы о дарованіи побѣды. Выстроившись въ шеренгу и снявъ шапки, они стали на колѣни и усердно, съ земными поклонами, молились, прося бурхановъ о помощи и покровительствѣ во время предстоящей борьбы. Затѣмъ разошлись по своимъ палаткамъ.

Когда все было готово, народъ съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать появленія владѣльца улуса, который долженъ былъ открыть борьбу.

Эрдени съ матерью и родственниками стояла около палатки гелюновъ и съ волненіемъ ожидала, чѣмъ кончится сегодняшній день. Она заинтересована была въ исходѣ борьбы и скачекъ больше, чѣмъ кто-либо другой: въ борьбѣ принималъ участіе ея любимый дядя, въ скачкахъ женихъ; и молодая дѣвушка безпокоилась и волновалась и за того и за другого.

X.

— Нойонъ идетъ! Нойонъ! пронеслось по толпѣ.

Народъ заколыхался, разступился и далъ дорогу молодому владѣльцу улуса.

Нойонъ, войдя въ приготовленную для него палатку, тотчасъ же подалъ сигналъ начинать борьбу.

Все стихло, и глаза всѣхъ устремились на кибитки борцовъ, двери которыхъ распахнулись, и изъ каждой изъ нихъ вышелъ закутанный съ головы до ногъ въ бѣлую простыню борецъ въ сопровожденіи другого калмыка, несшаго въ одной рукѣ мѣдный кувшинъ съ водой на случай обморока кого-либо изъ борцовъ, а другой рукой поддерживавшаго борца. На серединѣ площадки съ борцовъ сняли покрывала, и передъ глазами народа предстали два полунагихъ молодца въ однѣхъ лишь широкихъ, короткихъ, выше колѣнъ, бѣлыхъ шароварахъ. Одинъ изъ нихъ былъ средняго роста, стройный, широкогрудый, съ упругими, словно стальными мускулами мужчина, и въ немъ Эрдени тотчасъ же узнала своего дядю Лоузана. Другой борецъ, выставленный партіей нойона, оказался всѣмъ извѣстный, прославившійся на предыдущихъ состязаніяхъ, непобѣдимый, какъ его прозвали, Церенджабъ. Это былъ гигантскаго роста, неуклюже сложенный, но зато крѣпко сшитый силачъ, съ длинными, какъ у обезьяны, руками и несоразмѣрно съ туловищемъ короткими ногами.

Радостные клики народа привѣтствовали появленіе обоихъ степныхъ богатырей.

Борцы прежде всего поклонились, коснувшись руками земли, въ сторону нойона, затѣмъ, помывъ руки пескомъ, начали огромными шагами кружить по площадкѣ, размахивая руками.

Но вотъ они остановились и стали хватать другъ друга за руки, какъ бы пробуя силу мускуловъ другъ у друга. И вдругъ оба разомъ схватились, сплелись руками и ногами и начали кружить и вертѣться по площадкѣ, стискивая другъ друга въ могучихъ объятіяхъ и стараясь повалить одинъ другого на землю. Вотъ они оба упали, но въ тотъ же мигъ, какъ резиновые мячи, отскочивъ другъ отъ друга, снова бро-

сились одинъ на другого. Громадный Церенджабъ, изловчившись, схватилъ наклонившагося къ нему Лоузана за штаны и, приподнявъ, бросилъ на землю. Лоузанъ упалъ на грудь, а тотчасъ же осѣдлавшій его противникъ сталъ пытаться перевернуть его на спину, такъ какъ все искусство борьбы заключалось въ томъ, чтобы опрокинуть и положить противника на обѣ лопатки.

Эрдени замерла отъ опасенія за своего дядю, — ей показалось, что онъ потерпѣлъ пораженіе. Партія нойона закричала „ура". Но страхъ Эрдени и торжество противной партіи оказались преждевременными. Лоузанъ ловкимъ прыжкомъ освободился изъ цѣпкихъ рукъ своего противника и, не давъ ему опомниться отъ неожиданности, ухватилъ его сзади за плечо, подставилъ ногу и опрокинулъ на спину.

Все это произошло такъ быстро и такъ неожиданно, что зрители сначала точно остолбенѣли отъ изумленія и не хотѣли вѣрить своимъ глазамъ. Затѣмъ вдругъ разомъ со всѣхъ сторонъ послышались бурные радостные крики всего народа. Даже противная партія, видя такую ловкость, выражала громкими криками свой восторгъ и одобреніе неизвѣстному до тѣхъ поръ борцу, впервые выступившему и повергшему въ прахъ богатыря Церенджаба, не знавшаго до тѣхъ поръ себѣ соперниковъ.

Поверженный борецъ, съ слѣдами песка на своей спинѣ, при насмѣшливыхъ замѣчаніяхъ, поспѣшилъ скрыться въ палаткѣ.

Народъ бросился поздравлять Лоузана, жалъ ему руки и осыпалъ подарками. Его высоко подняли надъ толпой и начали качать на рукахъ. Скоро герой былъ буквально весь увѣшанъ шелковыми халатами, платками, заваленъ шапками. Одинъ изъ гелюновъ, въ порывѣ восторга, скинулъ съ себя красную мантію и велѣлъ передать ее побѣдителю, а самъ остался сидѣть въ своей палаткѣ въ чемъ мать родила, такъ какъ, кромѣ мантій, гелюнамъ не дозволяется носить никакого платья. Его примѣру послѣдовали нѣкоторые другіе гелюны, тоже въ порывѣ увлеченія отдавшіе побѣдителю въ подарокъ свое послѣднее платье. Но такъ какъ безъ платья показаться передъ народомъ имъ было невозможно, а подарки ихъ для

Лоузана оказывались тоже безполезными, ибо никто, кромѣ гелюновъ, не имѣетъ права носить одежду краснаго и желтаго цвѣта, то имъ въ концѣ концовъ пришлось выкупать обратно свои подарки у Лоузана.

Владѣлецъ улуса, съ своей стороны, подарилъ побѣдителю цѣлый косякъ лошадей, кромѣ того приза, который былъ назначенъ имъ, какъ обычная награда побѣдителю. Такимъ образомъ, Лоузанъ за свою побѣду, кромѣ почета и славы перваго борца, далеко прогремѣвшей по всей степи, сразу же пріобрѣлъ себѣ чуть не цѣлое состояніе.

Послѣ первой пары начали выступать слѣдующія. Но дальнѣйшіе борцы уже мало интересовали Эрдени; она съ нетерпѣніемъ ждала, когда окончится борьба, и нойонъ подастъ сигналъ къ началу скачекъ.

Еще съ утра наѣздники, участвовавшіе въ скачкахъ, отправились къ мѣсту своего назначенія, откуда скачка должна была начаться. Разстояніе, которое должны были пробѣжать участвующія въ состязаніи лошади, было опредѣлено въ тридцать верстъ, и надо было заблаговременно поспѣть на мѣсто.

Между мѣстомъ отправленія и призовымъ столбомъ, находившимся подлѣ палатки нойона, на протяженіи всѣхъ тридцати верстъ были разставлены на равномъ другъ отъ друга разстояніи верховые сигнальщики, которые условными сигналами — поворотами коней вправо или влѣво, маханіемъ шапками и цвѣтными платками и т. п.—должны были передавать о томъ, что дѣлается среди наѣздниковъ, кто изъ нихъ идетъ, въ какой очереди и проч.

Когда окончилась борьба, нойонъ черезъ махальщиковъ подалъ сигналъ къ началу скачекъ. Весь народъ, оставивъ борцовъ, устремилъ свои взоры вдаль, слѣдя за сигналами махальщиковъ.

Всѣхъ лошадей, участвовавшихъ въ скачкахъ, было около двухъ десятковъ. Нѣкоторыя изъ нихъ принадлежали нойону, другія зайсангамъ и частнымъ лицамъ. Первое извѣстіе махальщики дали послѣ того, какъ лошади миновали пятую версту. Оказалось, что въ первую голову шла одна изъ лошадей нойона, а самою послѣднею — лошадь Замьяна. Эрдени

была въ недоумѣніи и величайшей печали. Но она еще болѣе опечалилась, когда и съ десятой версты пришло извѣстіе, что лошадь Замьяна все еще продолжаетъ итти въ хвостѣ.

— Что же это онъ: осрамить, что ли, захотѣлъ и себя и всѣхъ насъ? сказала мать Эрдени, узнавъ о такомъ прискорбномъ положеніи дѣла.

Эрдени ничего не отвѣтила; она готова была расплакаться отъ досады на своего жениха. „Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ онъ совался, когда его лошадь такъ плоха? думала она.

Однако, съ половины пути дали знать, что лошадь Замьяна идетъ уже въ первомъ десяткѣ, и сердце Эрдени сразу повеселѣло.

„Ну, все-таки хоть не послѣдней, все же не такъ будетъ стыдно!“ утѣшала она себя.

Съ двадцатой версты сообщили, что Замьянъ идетъ однимъ изъ первыхъ, и Эрдени готова была бѣжать навстрѣчу своему жениху и расцѣловать его...

Наконецъ, вдали показались черныя движущіяся точки.

— Ѣдутъ! Ѣдутъ! раздалось въ толпѣ, и народъ заволновался, стараясь разсмотрѣть, чья лошадь была впереди. На махальщиковъ болѣе уже никто не обращалъ вниманія, и всѣ взоры устремились на быстро мчавшихся къ призовому столбу всадниковъ.

Впереди всѣхъ виднѣлась вороная лошадь съ бѣлыми пятнами на груди, въ которой Эрдени скоро узнала лошадь Замьяна. Чѣмъ ближе подвигалась она къ цѣли, тѣмъ бѣгъ ея, казалось, на глазахъ всѣхъ росъ все болѣе и болѣе. Она почти на полверсты оставила за собой самую передовую изъ всѣхъ остальныхъ лошадей.

Эрдени вынула платокъ и замахала имъ въ знакъ привѣтствія Замьяну. Раздалось громкое „ура“, вырвавшееся единодушно у всѣхъ зрителей, когда Замьянъ спрыгнулъ у призового столба со своего взмыленнаго коня.

Эрдени, оказалось, напрасно безпокоилась за добрую славу своего жениха. Замьянъ не даромъ такъ долго готовилъ свою лошадь къ предстоящимъ скачкамъ. Онъ прекрасно изучилъ всѣ ея достоинства и недостатки, и зналъ что пускать ее съ мѣста въ карьеръ никоимъ образомъ не

слѣдуетъ: она была слишкомъ горяча, и ей не подъ силу было бы пробѣжать все тридцати-верстное разстояніе полнымъ ходомъ. Поэтому онъ намѣренно сдерживалъ ея рвеніе въ первой половинѣ пути и позволялъ обгонять себя другимъ наѣздникамъ. Но, по мѣрѣ сокращенія разстоянія, онъ распускалъ поводья и пустилъ своего скакуна полнымъ ходомъ только уже въ самомъ концѣ, когда всѣ другія лошади уморились, и такимъ способомъ онъ одержалъ полную побѣду надъ своими соперниками.

Едва Замьянъ соскочилъ съ своего коня, какъ его тотчасъ же окружили богатые зайсанги и стали предлагать ему неслыханныя цѣны за его скакуна. Самъ нойонъ былъ очарованъ его лошадью и хотѣлъ пріобрѣсти ее для себя. Но Замьянъ съ гордостью отказался отъ всѣхъ заманчивыхъ предложеній: онъ заявилъ, что лошадь его не продажна, потому что подарокъ.

Счастье Эрдени въ этотъ день было полное, да и не одной Эрдени: всѣ родные ея, и ея жениха чувствовали себя на верху блаженства, такъ какъ героями дня оказались ихъ близкіе.

XI.

Вскорѣ послѣ этого празднества Буханъ, навьючивъ верблюдовъ и лошадей разными съѣстными припасами, отправился вмѣстѣ со своими родственниками къ Мончаку, чтобы условиться съ нимъ о будущихъ свадебныхъ церемоніяхъ и увеселеніяхъ и о томъ, какіе подарки нужно дать нойону и родственникамъ невѣсты.

Погулявъ у свата и вернувшись домой, Буханъ съѣздилъ вмѣстѣ съ женою въ хурулъ за гелюномъ, который долженъ былъ освятить приготовленную для молодыхъ кибитку и назначить день свадьбы. Гелюнъ, пріѣхавъ въ хотонъ Бухана, поставилъ захваченнаго имъ съ собой бурхана на столикѣ въ палаткѣ для молодыхъ, пропѣлъ передъ нимъ нѣсколько священныхъ пѣсенъ и окропилъ кибитку масломъ, смѣшаннымъ съ молокомъ. Затѣмъ, заглянувъ въ книгу, онъ указалъ день, въ который должно быть совершено вѣнчаніе.

Наканунѣ этого дня почти все взрослое населеніе со всего аймака, вмѣстѣ съ приглашеннымъ гелюномъ, на безчисленныхъ лошадяхъ, огромнымъ поѣздомъ отправилось къ невѣстѣ, захвативъ съ собой также и кибитку для молодыхъ. За этимъ поѣздомъ слѣдовалъ цѣлый караванъ верблюдовъ, навьюченныхъ разною провизіею, напитками, подарками для родственниковъ невѣсты и проч.

Тотчасъ же по пріѣздѣ на мѣсто, кибитка для молодыхъ была разбита неподалеку отъ кибитки Мончака, и въ нее посаженъ былъ гелюнъ. Все пространство между этими двумя кибитками было сплошь загромождено привезенными тюками, кулями и ящиками съ провизіей и подарками, бурдюками съ арзой, кумысомъ и виномъ и т. п. Пріѣхавшіе размѣстились на полянкѣ позади кибитки отдѣльными группами, мужчины отдѣльно отъ женщинъ, старики отдѣльно отъ молодежи.

Вечеромъ, когда старшіе вмѣстѣ съ женихомъ ушли въ большую кибитку, молодежь, оставшись одна и чувствуя себя непринужденно, раскинула для себя палатки и начала забавляться, придумывая разныя игры и развлеченія.

На слѣдующее утро кибитка молодыхъ была убрана и изукрашена; передъ ея входомъ былъ разостланъ дорогой коверъ, покрытый бѣлымъ простеганнымъ войлокомъ, который считается самою драгоцѣнною вещью въ хозяйствѣ калмыковъ. На этомъ войлокѣ былъ поставленъ столикъ съ бурханами, передъ которыми былъ положенъ „шага-чимгенъ“ — лучшій кусокъ бараньей лопатки. Подлѣ столика сѣлъ гелюнъ, ожидая жениха и невѣсту.

Съ плачущей, прощающейся съ роднымъ кровомъ невѣсты сняли ея дѣвичій нарядъ и одѣли ее въ платье замужней женщины. Она въ послѣдній разъ преклонила колѣни передъ родительскими бурханами и съ поцѣлуями стала прощаться съ родной семьей. Обѣ матери вывели ее подъ руки изъ родной кибитки и, проведя въ кибитку жениха, посадили возлѣ малаго барана. Слѣдомъ за невѣстой вошелъ и женихъ, потомъ явились отцы молодыхъ. Одна изъ ближайшихъ родственницъ невѣсты подала Замьяну бѣлый платокъ, который онъ накинулъ на лицо Эрдени, чтобы та не конфузилась. Затѣмъ онъ взялъ лѣвою рукою ея правую руку, вывелъ ее

изъ кибитки и сталъ вмѣстѣ съ нею на войлокѣ передъ бурханнымъ столикомъ, подлѣ гелюна. Толпившійся вокругъ народъ обнажилъ головы.

Гелюнъ, прочитавъ молитву, велѣлъ молодымъ сѣсть на коверъ, держась за руки. Затѣмъ онъ снялъ съ лица невѣсты платокъ, завернулъ въ него „шага-чимгенъ“ и передалъ брачущимся, которые должны были придерживаться за оба конца кости, женихъ лѣвой рукой, невѣста правой. Прочитавъ еще нѣсколько молитвъ, гелюнъ приказалъ молодымъ, не выпуская изъ рукъ шага-чимгена, сдѣлать три земныхъ поклона, при чемъ женихъ и невѣста должны были произнести слѣдующую клятву:

„Кланяюсь я первымъ моимъ поклономъ Господу Богу моему и отцу и матери моимъ. Кланяюсь я вторымъ своимъ поклономъ дорогому свѣтилу дня, солнцу моему, и дорогому свѣтилу ночи — лунѣ моей. Даемъ клятву любить другъ друга, почитать, уважать и вмѣстѣ дѣлить горе и радости жизни“.

Произнося эту клятву, молодые низко наклонили головы. Гелюнъ взялъ со стула бурханъ и коснулся имъ до головъ жениха и невѣсты.

Обрядъ былъ конченъ.

Гелюнъ, держа молодыхъ за шага-чимгенъ, ввелъ ихъ въ палатку и поздравилъ съ законнымъ бракомъ. Затѣмъ онъ обрѣзалъ мясо съ шага-чимгена и роздалъ его жениху, невѣстѣ и ихъ родителямъ. Женихъ положилъ передъ бурханами три земныхъ поклона, съѣлъ мясо и, вознаградивъ гелюна деньгами, распорядился отправить его обратно въ хурулъ.

Очищенный отъ мяса шага-чимгенъ положили на храненіе, какъ святыню, въ сундукъ, подъ большимъ бараномъ.

Въ большой кибиткѣ былъ приготовленъ обѣдъ, къ которому были приглашены всѣ ближайшіе родственники молодыхъ. Остальные, приглашенные на свадьбу, размѣстились частью по другимъ кибиткамъ, частью въ палаткахъ, разбитыхъ возлѣ хотона въ степи.

Но за обѣдомъ самъ новобрачный ничего не ѣлъ и не пилъ. По обычаю, онъ только откладывалъ лучшіе куски и,

по выходѣ изъ-за стола, тотчасъ же вмѣстѣ съ нѣсколькими бурдюками арзы и вина отправилъ съ нарочнымъ въ даръ нойону, который, получивъ эти подарки, въ свою очередь, прислалъ въ подарокъ молодымъ цѣлое стадо барановъ и изъявилъ желаніе самъ присутствовать на пирушкѣ.

Это считалось знакомъ особаго почета для молодыхъ.

Три дня продолжался свадебный пиръ. Затѣмъ молодые вмѣстѣ со всѣми гостями своими тронулись въ путь, въ хотонъ Бухана, сопровождаемые цѣлыми стадами лошадей, коровъ, овецъ и барановъ, данныхъ отцомъ Эрдени за нею въ приданое.

Черезъ годъ у Замьяна родился сынъ, по указанію гелюна названный Сыренемъ.

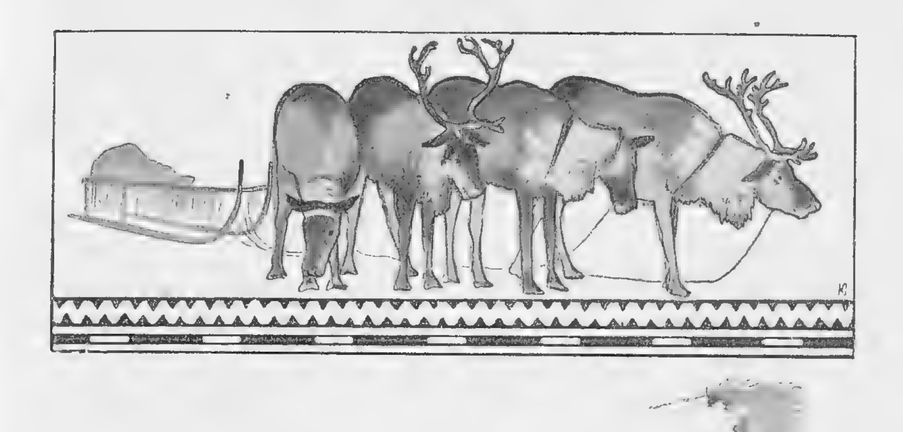
По случаю рожденія сына Замьянъ устроилъ празднество, на которое пригласилъ всѣхъ родственниковъ.

Когда Сыреню исполнилось пять лѣтъ, ему въ первый разъ подстригли волосы, кромѣ тѣхъ, которые росли на вискахъ.

Въ восемь лѣтъ его отдали въ обученіе гелюну, у котораго онъ жилъ до десяти лѣтъ, учась читать, писать, считать и знакомясь также съ нѣкоторыми ремеслами.

Начиная съ десяти лѣтъ, Сыреню стали подбривать волосы надъ лбомъ и вокругъ головы, кромѣ висковъ, и съ этихъ поръ онъ уже сталъ помогать своему отцу и въ хозяйствѣ, пасти барановъ.

Наконецъ, когда ему исполнилось пятнадцать лѣтъ, надъ нимъ произвели обрядъ обрѣзанія волосъ на вискахъ, послѣ чего онъ сдѣлался уже адучи. Отецъ торжественно вручилъ ему нагайку, и гордый своимъ новымъ званіемъ Сырень началъ проводить дни, а часто и ночи въ своемъ табунѣ.



Самоѣды.

Самоѣды, такъ же, какъ и остяки и вогулы, обитающіе на сѣверѣ Россіи, принадлежатъ къ финскому племени. Свое названіе они получили отъ русскихъ по недоразумѣнію: русскіе когда-то считали лопарей и самоѣдовъ однимъ народомъ, а лопари свою страну называютъ „Самееднамъ“; русскіе же передѣлали это слово на свой ладъ и начали называть этимъ словомъ не лопарей, а самоѣдовъ, которые сами себя называютъ „Хасавами“. По-русски слово „самоѣдъ“ почти однозначуще со словомъ „людоѣдъ“. На самомъ же дѣлѣ ни самоѣды, ни другіе какіе-либо сѣверные туземцы никогда людоѣдами не были.

Самоѣды говорятъ на своемъ особомъ языкѣ, отличающемъ ихъ отъ другихъ народовъ финскаго племени. Предки ихъ жили когда-то въ области Саянскихъ горъ, въ юго-западной Сибири, гдѣ отатарившіеся остатки самоѣдовъ, подъ наименованіями кайбаловъ, карагассовъ, сагайцевъ, сойотовъ и урянхайцевъ, живутъ и до сихъ поръ. Въ настоящее время самоѣды живутъ на крайнемъ сѣверо-востокѣ Европейской Россіи, преимущественно въ Архангельской губерніи, а также по низовьямъ Оби и Енисея. Есть указанія, что на настоящемъ своемъ мѣстожительствѣ они находятся уже болѣе 1000 лѣтъ.

Самоѣды отличаются низкимъ ростомъ, желтоватымъ цвѣтомъ кожи, прямыми, жесткими волосами чернаго или вообще

темнаго цвѣта, скуластымъ лицомъ и узенькими глазами. Живутъ они въ шалашахъ, покрытыхъ оленьими шкурами, называемыхъ чумами, одѣваются также почти исключительно въ оленьи шкуры, питаются по большей части оленьимъ мясомъ и рыбой, чаще всего сырыми. Занимаются они оленеводствомъ, да и самое ихъ существованіе въ холодныхъ, безплодныхъ тундрахъ тѣсно связано съ существованіемъ оленей, безъ которыхъ ихъ жизнь здѣсь была бы невозможна. Олень даетъ имъ все: и пищу, и одежду, и жилище, и безъ дорогъ перевозитъ ихъ по тундрѣ съ мѣста на мѣсто. Но въ послѣдніе годы въ тундрѣ стали часто повторяться падежи оленей отъ сибирской язвы, и это заставляетъ многихъ самоѣдовъ бросать кочевой образъ жизни и итти въ пастухи или въ рабочіе къ русскимъ и зырянамъ, или же жить милостыней и случайнымъ заработкомъ. Такихъ обѣднѣвшихъ самоѣдовъ, еще недавно бывшихъ владѣльцевъ большихъ стадъ оленей, особенно много теперь въ Пустозерской волости на р. Печорѣ. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ убылью оленьихъ стадъ убываетъ и число самоѣдовъ; ихъ насчитывается теперь всего около 2—3 тысячъ.

По своему характеру самоѣды народъ очень добродушный и замѣчательно честный. Чужая собственность у нихъ считается священной; кражъ никогда не бываетъ. Найденную въ тундрѣ вещь самоѣдъ никогда не присвоитъ, а оставитъ на мѣстѣ, въ расчетѣ, что за ней рано или поздно явится самъ хозяинъ. Точно такъ же онъ всегда свято держитъ разъ данное слово и готовъ отдать послѣдняго оленя, чтобы уплатить долгъ.

Почти всѣ самоѣды числятся на бумагѣ православными, но на самомъ дѣлѣ они всецѣло преданы шаманству. Православныхъ святыхъ они смѣшиваютъ со своими богами и идолами, также приносятъ имъ языческія жертвы и мажутъ на иконахъ лики православныхъ святыхъ саломъ и кровью жертвенныхъ животныхъ.

Шаманъ «Оленій глазъ».

(Разсказъ изъ жизни самоѣдовъ).

I.

Съ ранняго утра Иванъ бѣгалъ по тундрѣ на своихъ легонькихъ лыжахъ, осматривая разставленныя западни и ловушки, но, какъ нарочно, всѣ онѣ оказывались пустыми. Вотъ уже нѣсколько дней подъ рядъ онъ не можетъ поймать даже ни одного песца: точно кто прогналъ звѣря изъ тундры!

Сердитый возвращался Иванъ домой къ своему чуму, гдѣ, онъ зналъ, съ нетерпѣніемъ ожидала его возвращенія нінька *), съ тремя голодными ребятишками. Необозримая тундра, покрытая снѣгомъ, словно мертвеннымъ саваномъ, разстилалась передъ нимъ, теряясь въ потемнѣвшей дали. Солнце только что закатилось; короткій осенній день окончился, и наступили сумерки. Морозъ, бывшій утромъ, какъ будто началъ ослабѣвать, но Иванъ съ тревогою замѣчалъ, что въ тундрѣ готовится пурга. Въ воздухѣ чувствовалась перемѣна. На востокѣ длинною кровавою полосой протянулось зарево заката. Безбрежная равнина съ одного края до другого подернулась багрянцемъ. Снѣгъ казался краснымъ, точно пропитаннымъ кровью. Вверху на небѣ ходили тѣни и клубились темныя зловѣщія облака. На яркую полосу заката надвигалась лиловая туча, и казалось, что огромные запасы снѣга тихонько, безъ шума, сползали и сыпались съ вершины неба на далекій западъ, смутно бѣлѣясь и клубясь въ вышинѣ.

Иванъ былъ далеко отъ своего чума и опасался, какъ бы пурга не застигла его среди снѣжной пустыни. Правда, ему

*) Жена, хозяйка.

не въ первый разъ привелось бы ее пережидать, отлеживаясь подъ снѣгомъ, но дѣло въ томъ, что съ самаго утра онъ ничего не ѣлъ и чувствовалъ волчій голодъ, а отлеживаться подъ снѣгомъ голодному было бы не особенно пріятно, тѣмъ болѣе, что нельзя было заранѣе знать, какъ долго продлится буранъ.

На немъ была малица, нѣчто въ родѣ мѣшка, сшитаго изъ оленьихъ шкуръ шерстью внизъ, надѣтая прямо на голое тѣло, а поверхъ малицы совикъ, такой же мѣшокъ, но шерстью наружу, на ногахъ двойные оленьи сапоги, а на головѣ оленья же шапка съ наушниками. Одѣтъ-то онъ былъ тепло и замерзнуть не боялся, но голодъ, вотъ бѣда!

Сумерки сгущались все болѣе и болѣе, и Иванъ надбавлялъ шагу и быстрѣе оленя скользилъ по поверхности снѣга, покрывавшаго землю. Легкіе хлопья снѣга, точно бѣлые мотыльки, стали попархивать въ потемнѣвшемъ воздухѣ, и по временамъ на него налетали небольшіе порывы вѣтра. Откуда-то со стороны началъ доноситься смутный, глухой гулъ, и чувствовалось, что медленно, но неотразимо надвигается буря. „Неужели не успѣю? Неужели придется отлеживаться въ снѣгу?“ думалъ Иванъ, приближаясь къ чуму, который въ обыкновенную погоду теперь уже былъ бы виденъ ему.

И вдругъ, вздымая и крутя снѣгъ, поднялась такая пурга, что зги не стало видно. Вихрь, мгла, снѣгъ,—все перемѣшалось. Казалось, небо и земля соединились какою-то завѣсой. Снѣгъ хлесталъ въ лицо и слѣпилъ глаза, и только съ большимъ трудомъ можно было бѣжать на лыжахъ противъ вѣтра. Поневолѣ пришлось замедлить шагъ и итти наугадъ, такъ какъ разглядѣть чумъ даже въ двухъ шагахъ было немыслимо. Оставалось полагаться только на обоняніе и слухъ: авось, донесется запахъ дыма или послышится лай собаки. Иванъ зналъ, что чумъ его уже не далеко, но онъ опасался, какъ бы въ такую непогодь не сбиться съ пути и не пройти мимо чума съ надвѣтренной стороны: вѣтеръ дулъ на него не прямо отъ чума, а нѣсколько сбоку, справа; поэтому онъ нарочно старался забирать влѣво, надѣясь такимъ образомъ вѣрнѣе уловить запахъ дыма. И дѣйствительно, онъ скоро его учуялъ и теперь уже съ увѣренностью направилъ свои лыжи

прямо противъ вѣтра. Наконецъ, онъ почти ткнулся носомъ въ самый чумъ и, сбросивъ съ своихъ ногъ лыжи, нащупалъ



Семья самоѣдовъ.

входное отверстіе и на четверенькахъ поползъ внутрь своего жилища.

Чумъ былъ устроенъ изъ нѣсколькихъ длинныхъ жердей, вбитыхъ на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга и наверху связанныхъ такимъ образомъ, что оставалось отверстіе для выхода дыма. Этотъ остовъ изъ жердей былъ обложенъ въ два ряда оленьими шкурами; съ внутренней стороны эти шкуры были положены шерстью внизъ, а съ наружной — вверхъ. На полу были настланы ковры, сплетенные изъ прутьевъ березы и метляка, на нихъ были наложены тоже оленьи шкуры, и лишь посрединѣ чума было оставлено ничѣмъ не прикрытое мѣсто для костра, надъ которымъ на двухъ шестахъ, шедшихъ поперекъ чума, висѣлъ чугунный котелокъ. Подъ котелкомъ трещалъ верескъ, дымокъ отъ котораго поднимался кверху, къ отверстію, находившемуся въ суженной вершинѣ этого жилища. Около костра сидѣла инька, одѣтая въ такую же малицу, какъ мужъ, только обшитую разноцвѣтными мѣхами и суконными полосками; два мальчика, лѣтъ 9 и 7, сидѣли тутъ же, а третій ребенокъ, еще грудной, лежалъ закутанный въ оленьи шкуры въ сторонѣ отъ огонька и спалъ.

Нѣсколько лохматыхъ шавокъ, находившихся въ чумѣ, бросились съ радостнымъ лаемъ навстрѣчу своему хозяину, но тотъ сердито пнулъ одну изъ нихъ ногою, такъ что она съ визгомъ покатилась въ сторону, къ спавшему ребенку, который, пробудившись, запищалъ тоненькимъ голоскомъ. Остальныя собаки съ виноватымъ видомъ, поджавъ хвосты, отошли въ сторону и снова улеглись на свои прежнія мѣста.

— Ну, чего ты сердишься? Вѣрно, опять ничего не принесъ? недовольнымъ голосомъ замѣтила инька своему мужу.

— Молчи, поганая дура! крикнулъ раздраженно Иванъ, давъ подзатыльникъ женѣ. Давай лучше ѣсть!

— Да что я тебѣ дамъ, коли ты ничего не приносишь? Вонъ жри песье мясо, больше ничего нѣтъ! указала инька на кипѣвшій котелокъ, въ которомъ варилось тухлое, издававшее зловоніе, песцовое мясо. (За неимѣніемъ другой пищи самоѣды употребляютъ иногда и падаль).

Иванъ ничего не отвѣтилъ. Онъ молча выволокъ изъ-за пазухи небольшого деревяннаго истуканчика, съ которымъ никогда не разлучался, взялъ въ руки олений ремень, разло-

жилъ истуканчика передъ огнемъ и началъ его пороть. Наконецъ, утомившись, онъ бросилъ его на полъ и принялся топтать ногами.

— Проклятый! съ озлобленіемъ ворчалъ онъ. Мало, что ли, я мазалъ твою рожу кровью и саломъ? Мало ласкалъ и гладилъ? Мало приносилъ жертвъ? Зачѣмъ ты прогналъ



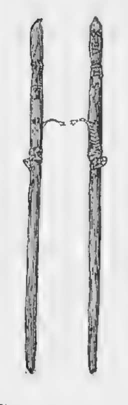
Песецъ.

изъ тундры звѣря? Чего еще тебѣ отъ меня было нужно? Вотъ же тебѣ, вотъ! И онъ въ изступленіи топталъ и пиналъ ногами идольчика, затѣмъ, схвативъ топоръ, раскололь его на мелкіе кусочки и бросилъ въ огонь.

Раздѣлавшись такимъ образомъ съ предполагаемымъ виновникомъ своихъ неудачъ, онъ подсѣлъ къ котелку, вытащилъ изъ него вонючее мясо дохлаго песца и съ жадностью принялся за ѣду.

Маленькій, скуластый, съ узенькими глазками, съ черной рѣденькой бороденкой, зашитый въ свои оленьи, никогда не снимавшіяся шкуры, онъ казался теперь, при мерцаніи колеблющагося огонька, человѣкомъ какой-то особой породы, нарочно созданной для этихъ суровыхъ снѣжныхъ пустынь.

Какъ и большинство самоѣдовъ, Иванъ, хотя и былъ крещенъ и носилъ у себя на шеѣ мѣдный крестикъ, въ душѣ былъ настоящій язычникъ. Исполняя почти всѣ наружные христіанскіе обряды, когда это было возможно, онъ въ то же время не забывалъ и вѣры своихъ предковъ, которая для него была болѣе понятна и доступна.



Самоѣдскіе идольчики.

Насытившись, онъ началъ шарить въ цѣлой кучѣ разнобразныхъ и каменныхъ, и деревянныхъ, и большихъ, и маленькихъ, голыхъ и одѣтыхъ въ разноцвѣтные лоскутки, идольчиковъ, выбирая между ними такого, который, по его мнѣнію, могъ бы съ большею пользою служить ему, чѣмъ служилъ только что сожженный. Но, перерывъ ихъ всѣхъ, онъ не нашелъ ни одного подходящаго, отложилъ ихъ опять въ сторону, а самъ взялъ валявшееся на полу полѣно и принялся стругать для себя новаго идольчика. Очевидно, всѣ прежніе были имъ уже испытаны и не удовлетворяли его.

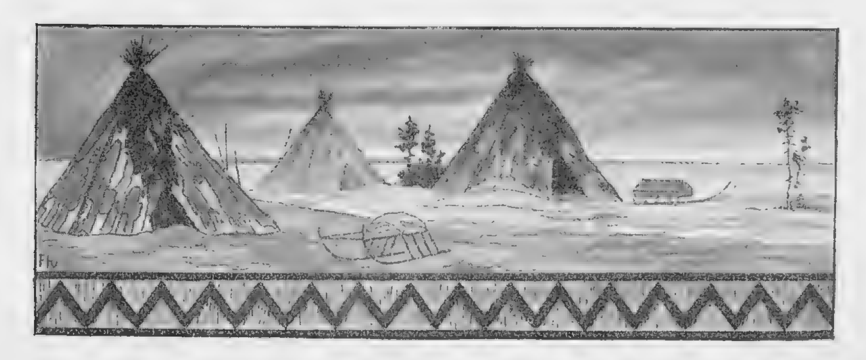
Вьюга между тѣмъ усиливалась все болѣе и болѣе. Вѣтеръ бушевалъ снаружи и, врываясь въ чумъ сквозь дымовое отверстіе, заносилъ съ собою снѣгъ, падавшій надъ огнемъ въ видѣ дождя, а дымъ, задерживаемый при выходѣ, наполнялъ внутренность чума и ѣлъ глаза. Работать было невозможно.

— Нечего сидѣть, надо ложиться спать! Иди, закрывай трубу! распорядился Иванъ, обращаясь къ женѣ. Онъ разостлалъ на полу оленью шкуру, другою накрылся и, не раздѣваясь и не снимая съ себя ни малицы, ни совика, улегся спать. Инька, потушивъ огонь, выползла изъ чума, чтобы закрыть верхнее отверстіе снаружи.

Пурга была страшная. Вѣтеръ ревѣлъ и бушевалъ, а снѣгомъ залѣпляло глаза. Иньку едва не сорвало съ чума, пока она закрывала трубу. Буранъ продолжался всю ночь и весь слѣдующій день, и все это время изъ чума носа нельзя

было выставить. Иванъ сталъ сильно безпокоиться за участь своихъ оленей, пасшихся въ тундрѣ на подножномъ корму. „Что, если они уйдутъ далеко отъ чума и ихъ угонитъ вьюга? Положимъ, неподалеку есть небольшой перелѣсокъ, куда умныя животныя, зачуявъ вьюгу, навѣрное уйдутъ спасаться. Но вдругъ въ этомъ перелѣскѣ зарѣжутъ ихъ волки? Правда, Иванъ заранѣе предусмотрѣлъ и это и поставилъ въ перелѣскѣ деревяннаго волка, привязавъ къ нему одного изъ самыхъ надежныхъ своихъ идольчиковъ, который долженъ былъ охранять его стадо отъ волковъ, но вѣдь кто знаетъ,— не всегда на этихъ идольчиковъ можно надѣяться. Вотъ и этотъ, только что сожженный, тоже долго служилъ ему, и Иванъ не могъ на него нарадоваться, а вдругъ что-то съ нимъ сдѣлалось, онъ заупрямился и отказался загонять въ его ловушки звѣря. Развѣ не можетъ такъ же измѣнить и тотъ, котораго онъ оставилъ въ лѣсу для защиты оленей отъ волковъ? А если олени погибнутъ, тогда прямо бѣда, прямо ложись да помирай вмѣстѣ со своей семьей!

Такъ думалъ Иванъ, лежа на своей постели подъ теплыми оленьими шкурами. И надо правду сказать, гибель оленей дѣйствительно грозила бы гибелью и ихъ хозяевамъ. Трудно найти другое животное, которое значило бы такъ много въ жизни человѣка, какъ сѣверный олень въ жизни и хозяйствѣ сѣверныхъ туземцевъ. Онъ даетъ имъ и пищу и одежду; его шкурами покрываютъ они свое переносное жилище, и, кромѣ того, онъ же перевозитъ ихъ съ мѣста на мѣсто.



Чумы самоѣдовъ.

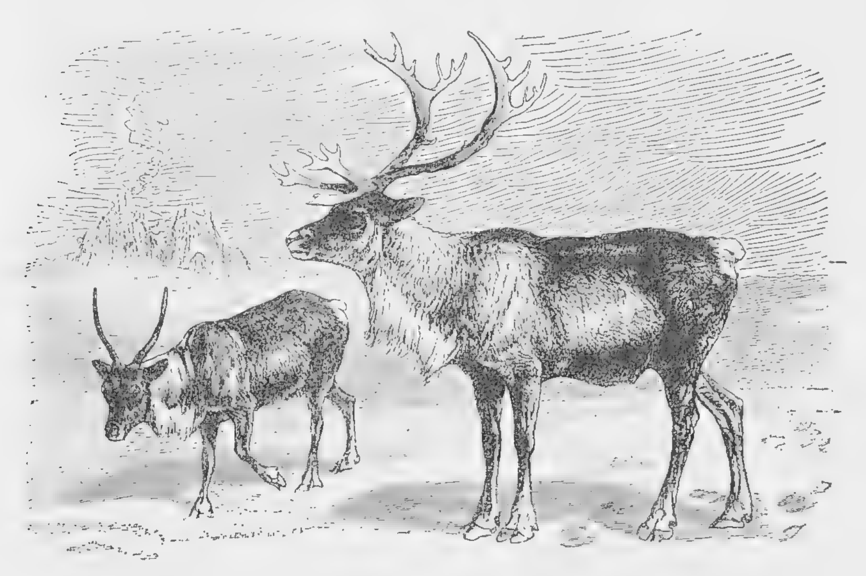
Изъ сухожилій оленя дѣлаются нитки для сшиванія; рога его идутъ на выдѣлку колецъ и вставокъ для оленьей упряжи, а также на подѣлку разной грубой утвари, а кости, пропитанныя тюленьимъ жиромъ, употребляются иногда какъ топливо; жесткая, щетинистая кожа съ его ногъ употребляется на обшивку лыжъ; кровь его пьется съ наслажденіемъ, а мозгъ и языкъ считаются лакомымъ блюдомъ; даже внутренности оленя очищаются, начиняются саломъ и употребляются въ пищу; мало того, даже изъ содержимаго его желудка нѣкоторые туземцы ухитряются приготовлять особое кушанье. Словомъ сѣверный туземецъ, а тѣмъ болѣе живущій въ тундрѣ самоѣдъ, безъ оленя совсѣмъ не могъ бы существовать. Но, доставляя человѣку все необходимое, самъ олень ничего отъ него не получаетъ и не требуетъ за собой почти никакого ухода. Онъ круглый годъ находится на подножномъ корму и зимой добываетъ себѣ пищу часто изъ-подъ глубокихъ сугробовъ, выбивая копытами въ смерзшемся снѣгу яму и довольствуясь добываемыми оттуда нѣсколькими горстями оленьяго моха.

Наступила вторая ночь, а вьюга все продолжала ревѣть и завывать. Семья Ивана пріѣла все, что только было съѣдобнаго въ чумѣ, и сидѣла голодная въ ожиданіи того времени, когда можно будетъ вылѣзть наружу. Нѣсколько разъ Иванъ пытался откапываться, чтобы пробраться въ сосѣдній чумъ и попросить, нѣтъ ли тамъ чего-либо съѣстного, но надъ входомъ былъ наметенъ такой сугробъ, что онъ скоро бросалъ попытку. „Вѣдь все равно, откопаешься изъ своего чума, придется откапывать и тотъ, другой; а гдѣ его откопаешь въ такую пургу? Только еще больше проголодаешься!“ думалъ онъ и рѣшилъ пережидать вьюгу и отсиживаться въ своемъ чумѣ.

Стойбище Ивана состояло изъ двухъ чумовъ: въ одномъ жилъ онъ самъ съ семьей, а въ другомъ его старшій сынъ, Василій, съ женою и двумя маленькими ребятишками.

Не въ первый уже разъ приходилось Ивану голодать подобнымъ образомъ. При свѣтѣ мерцавшей плошки, наполненной ворванью, онъ сидѣлъ, поджавъ подъ себя ноги и, уставившись на огонекъ, мурлыкалъ себѣ подъ носъ что-то въ родѣ пѣсни. Впрочемъ, это было не пѣніе, а какое-то

странное сочетаніе гортанныхъ звуковъ, нескончаемыхъ, однообразныхъ, безъ оттѣнковъ, безъ выраженія. Это пѣніе напоминало скорѣе тоскливый вой голодной собаки. Онъ пѣлъ о томъ, что еще всего три зимы тому назадъ онъ былъ богатымъ самоѣдомъ, и когда выдавалъ свою дочь замужъ за сына еще болѣе богатаго самоѣда, чѣмъ былъ самъ, то такъ напился у своего свата водки, что не помнилъ себя, но что вскорѣ послѣ свадьбы его сватъ куда-то скрылся, увезъ его



Сѣверные олени.

дочь и не уплатилъ ему условленнаго за невѣсту калыма, и что хорошо было бы теперь получить съ него этотъ калымъ.

Дѣйствительно, три года тому назадъ Иванъ считался однимъ изъ наиболѣе зажиточныхъ самоѣдовъ въ Канинской тундрѣ, гдѣ онъ кочевалъ. У него было нѣсколько сотъ оленей, съ которыми онъ переходилъ съ мѣста на мѣсто въ поискахъ корма для своихъ стадъ или, скорѣе, увлекаемый ими, такъ какъ олени своимъ чутьемъ вѣрнѣе могли отыскивать подходящія для пастбищъ мѣста. Въ ту пору у Ивана была дочь-невѣста. Она сильно приглянулась сыну богатаго самоѣда, Степана, изъ сосѣдней Большеземельской тундры,

обладателя цѣлой тысячи слишкомъ головъ оленей. Отецъ жениха тоже не прочь былъ породниться съ Иваномъ, и свадьба была сыграна, при чемъ, по обоюдному соглашенію, Степанъ обязался уплатить Ивану за его дочь стадо оленей въ полтараста головъ, въ качествѣ калыма за невѣсту. Но, по какимъ-то соображеніямъ, Степанъ упросилъ его тогда подождать уплаты калыма до лѣта, обѣщая лѣтомъ, въ назначенный срокъ пригнать выговоренное въ условіи стадо къ Пустозерску, гдѣ сватовья должны были встрѣтиться. Однако, когда Иванъ прибылъ въ условленное время къ Пустозерску, то тамъ не нашелъ ни своего свата, ни его оленей. Напрасно онъ прождалъ тамъ его до поздней осени; сватъ не явился, и никакихъ вѣстей отъ него Иванъ не получилъ. Съ тѣхъ поръ Иванъ потерялъ его изъ вида и сталъ думать, что сватъ или обманулъ его, не желая уплатить условленный калымъ, или съ нимъ случилось какое-нибудь несчастіе. Досада его на невѣрнаго свата была тѣмъ сильнѣе, что, выдавая свою дочь, онъ, по обычаю, снабдилъ ее приданымъ, состоящимъ изъ прекрасно оборудованнаго чума и разныхъ дорогихъ нарядовъ. Съ тѣхъ поръ вотъ уже третій годъ Иванъ разыскиваетъ своего свата и въ Малоземельной, и Большеземельной тундрѣ, но тотъ, точно въ воду канулъ, никакихъ даже слуховъ о немъ нѣтъ. А между тѣмъ дѣла у Ивана пошли плохо. Въ тундрѣ, гдѣ онъ кочевалъ, случился падежъ на оленей, и отъ пятисотъ оленей у него осталось всего нѣсколько десятковъ. Звѣрь, какъ нарочно, въ особенности въ послѣдній годъ, сталъ ловиться плохо, и Ивану приходилось очень круто. Но онъ все-таки не терялъ окончательно надежды рано или поздно отыскать своего пропавшаго свата, взять съ него условленный калымъ и поправиться. Думая, что Степанъ перекочевалъ со своими стадами за Камень *), онъ и самъ намѣревался перебраться туда же и поискать его тамъ. Не могъ же, въ самомъ дѣлѣ, такой богатый самоѣдъ, обладатель цѣлой тысячи головъ оленей, пропасть совершенно безслѣдно, какъ какой-нибудь безъоленный? „Навѣрное тамъ, за Камнемъ, отыщутся его слѣды!“ думалъ Иванъ.

*) Камнемъ сибиряки называютъ Уральскія горы.

II.

Къ утру слѣдующаго дня вьюга прекратилась. Иванъ началъ откапываться изъ-подъ снѣга. Не легко это было дѣлать, въ особенности послѣ двухдневной голодовки, когда послѣднія силы были истощены. Но, наконецъ, при помощи иньки онъ выбрался-таки на свѣтъ Божій.

Печальная картина предстала передъ его глазами. Передъ нимъ чернѣла голая, еще позавчера покрытая снѣгомъ, промерзшая пустыня. Казалось, точно какая-то исполинская метла начисто вымела тундру за эти два дня. Но, снеся снѣгъ съ одного мѣста, вьюга набросала его высокими буграми на другихъ мѣстахъ. Тамъ и сямъ, подлѣ разныхъ выступовъ и неровностей тундры виднѣлись огромныя горы наметаннаго снѣга. Второй чумъ былъ также до самаго верху занесенъ снѣгомъ, и когда Иванъ вылѣзъ изъ-подъ сугроба, онъ увидалъ, что одновременно съ нимъ расчищаетъ выходъ изъ своего чума и Василій.

— А гдѣ олени? первымъ дѣломъ вскричалъ Иванъ, увидавъ своего сына.

И онъ съ тревогою началъ осматриваться вокругъ, нигдѣ не видя никакого даже признака своего стада. Вдали, на мѣстѣ перелѣска, виднѣлись однѣ только высокія горы сугробовъ, изъ-за которыхъ не видно было даже верхушекъ деревьевъ.

— Не знаю, можетъ-быть, въ томъ лѣсу! указалъ Василій на занесенный сугробами лѣсъ. Надо будетъ ихъ тамъ поискать.

— Не осталось ли у васъ какой-нибудь ѣды? Мы цѣлыхъ два дня голодали, сказалъ Иванъ.

— Надо быть, еще осталось маленько сушеной оленины. Погоди, я узнаю.

И Василій, скрывшись на минуту въ чумѣ, вынесъ цѣлую лопатку оленя и подалъ ее отцу.

Подкрѣпивъ свои силы ѣдой, Иванъ снова вышелъ изъ чума, откопавъ изъ-подъ снѣга лыжи, крикнулъ собакъ и въ сопровожденіи Василья отправился отыскивать оленей по направленію къ перелѣску.

Прошло нѣсколько времени. Со стороны лѣса послышался отдаленный лай собакъ; онъ становился все ближе и ближе.

Вотъ изъ перелѣска одинъ за другимъ стали показываться олени, а вслѣдъ за ними появились собаки, которыя, разсыпавшись по тундрѣ полукругомъ, съ пронзительнымъ лаемъ и визгомъ стали гнать вышедшее изъ лѣса стадо по направленію къ чумамъ. Олени оказались цѣлехоньки всѣ до единаго. На этотъ разъ истуканчикъ, привязанный къ деревянному волку, заслужилъ отъ Ивана особенно нѣжныя ласки и обѣщаніе лакомаго угощенія.

Иванъ рѣшилъ сняться съ этой стоянки и податься поближе къ Уральскимъ горамъ, въ тайгу, гдѣ можно было лучше защититься во время лютой зимы отъ холодныхъ вѣтровъ, да и звѣря было больше. Къ тому же Иванъ слышалъ, что около Уральскихъ горъ, среди обитающихъ тамъ остяковъ и вогуловъ живетъ одинъ тадибей (шаманъ), широко славящійся своимъ даромъ ворожить и лечить людей, и онъ хотѣлъ узнать отъ этого тадибея, куда скрылся его сватъ и гдѣ его можно встрѣтить.

Такъ какъ всѣ съѣстные запасы истощились, то наканунѣ отправленія въ путь пришлось, скрѣпя сердце, зарѣзать еще одного оленя изъ того небольшого числа ихъ, какое оставалось, и самоѣды устроили маленькое пиршество. Они собрались вокругъ зарѣзаннаго оленя и начали копошиться въ его еще теплыхъ внутренностяхъ, разбирая ихъ голыми окровавленными руками... Каждый старался захватить себѣ кусочекъ повкуснѣе. Даже ребятишки ѣли куски сырыми, обмакивая ихъ въ горячую кровь, наполнявшую внутренности животнаго. Зашитые въ звѣриныя шкуры, съ испачканными кровью лицами, эти люди казались сами какими-то хищными звѣрями, хотя на самомъ дѣлѣ это были самые кроткіе и миролюбивѣйшіе люди на свѣтѣ. Не забытъ былъ при этомъ и идольчикъ, оберегавшій въ лѣсу оленей отъ волковъ: Иванъ старательно обмазалъ ему лицо кровью и саломъ зарѣзаннаго оленя.

На слѣдующее утро, пока Иванъ съ Васильемъ ловили и запрягали оленей, ихъ иньки разобрали чумы и склали всѣ свои домашнія принадлежности и вещи на парты — узенькія легкія санки на высокихъ копыльяхъ, въ которыя запрягаютъ оленей. На однѣхъ, изъ этихъ санокъ сложены были



Перекочевка самоѣдовъ.

чумы, на другихъ шесты отъ чумовъ, на третьихъ длинные, узкіе, на подобіе гробовъ, ящики и сундуки съ одеждой, мѣхами дорогихъ звѣрей, наловленныхъ и настрѣлянныхъ въ тундрѣ, и другими болѣе цѣнными домашними вещеми, на четвертыхъ были сложены идольчики, на пятыхъ усѣлись ребятишки, на шестыхъ были брошены лохматыя собачонки, на седьмыхъ усѣлись иньки съ грудными дѣтишками, и, наконецъ, на двухъ переднихъ Иванъ съ Васильемъ, правившіе оленями при помощи длинныхъ, тонкихъ шестовъ. И вотъ этотъ поѣздъ, состоявшій по меньшей мѣрѣ изъ полуторыхъ дюжинъ саней, изъ которыхъ каждыя были запряжены парою и тройкою оленей, тронулся въ путь, вытянувшись по тундрѣ длинною вереницею.

День былъ очень коротокъ, а послѣ заката солнца стало сильно приморaживать. Наступила звѣздная, но безлунная ночь. Тишина и безмолвіе царили въ окружающей тундрѣ, то чернѣвшей оголенной поверхностью, то мертвенно-блѣдной отъ снѣжнаго савана. Только топотъ оленьихъ копытъ да скрипъ полозьевъ нарушалъ эту мертвую тишину снѣговой пустыни. Морозъ крѣпчалъ все болѣе и болѣе. На сѣверѣ стали мерцать голубоватые таинственные лучи. Они разгора-

лись все сильнѣе и сильнѣе. Синеватый огонекъ искрился въ миріадахъ снѣжинокъ, разсыпаясь всѣми цвѣтами радуги по серебристой равнинѣ, которая вся дрожала неуловимымъ колеблющимся, переливающимся свѣтомъ. Порой эта блестящая игра меркла, яркія звѣзды потухали, и мракъ выступалъ непроглядной тьмой, точно кто задергивалъ небосклонъ тяжелою завѣсой; но черезъ секунду сверкающій сводъ неба снова дрожалъ отъ таинственной игры невѣдомыхъ огней.

И вдругъ весь воздухъ, все небо оказались точно охваченными пламенемъ. Широкая дуга изъ самыхъ блестящихъ цвѣтовъ опоясала небо отъ востока до запада, словно гигантская радуга, съ длинной бахромой изъ красныхъ и желтыхъ лучей, то и дѣло взлетавшихъ надъ ея выпуклымъ краемъ. Она медленно со всѣми своими дрожащими лучами начала подниматься все выше и выше. Вотъ надъ нею образовалась вторая дуга, такая же блестящая, испускавшая второй рядъ тонкихъ, разноцвѣтныхъ стрѣлъ. Съ каждой минутой величie этой картины возрастало все болѣе и болѣе. Лучистыя полосы быстро вращались по небу, словно спицы огромнаго свѣтящагося колеса. И вдругъ большая, красная волна залила потокомъ свѣта все небо, окрашивая снѣгъ розовымъ отраженіемъ; но ее тотчасъ же смѣнила и облила окрестности своимъ свѣтомъ другая, настолько блестящая волна яркооранжеваго цвѣта, что казалось, будто весь воздухъ мгновенно воспламенился. Можно было ожидать, что вотъ-вотъ послѣ этой внезапной вспышки послѣдуетъ страшный раскатъ грома; но ни на землѣ, ни на небѣ ни одинъ звукъ не нарушилъ торжественнаго безмолвія ночи. Наши путешественники, уже давно привыкшіе къ явленіямъ сѣвернаго сіянія, на этотъ разъ съ суевѣрнымъ страхомъ смотрѣли на не совсѣмъ обычную его игру. Быстрые переходы краснаго, голубого, зеленаго и желтаго цвѣтовъ отражались такъ ярко на бѣлой поверхности снѣга, что покрывавшіе тундру сугробы казались то залитыми кровью, то дрожали въ мертвенно-блѣдномъ зеленомъ сіяніи, сквозь которое чудно блестѣли густо окрашенныя малиновыя и желтыя дуги...

Но вотъ картина измѣнилась. Обѣ дуги на небѣ сразу распались на тысячи отвѣсныхъ полосъ, и въ каждой изъ

нихъ заблестѣли въ правильномъ порядкѣ всѣ семь цвѣтовъ радуги: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синій и фіолетовый. Отъ одного края неба до другого протянулись теперь два громадныхъ, дугообразныхъ моста изъ разноцвѣтныхъ полосъ, и эти безчисленныя полосы колыхались и трепетали съ такою изумительною быстротой, что глазъ не могъ слѣдовать за ними. Казалось, весь сводъ неба превратился въ одинъ вертящійся куполъ изъ обломковъ радуги. Сіяніе достигло своего крайняго великолѣпія и начало ослабѣвать, уменьшаться. Сначала разорвался первый мостъ, за нимъ вскорѣ другой; цвѣтные лучи стали появляться все рѣже и рѣже; лучезарныя полосы перестали взлетать вверхъ, и черезъ какой-нибудь часъ на темномъ звѣздномъ небѣ не осталось ничего, что напоминало бы о только что бывшемъ чудесномъ явленіи. Надъ снѣжною равниной опять водворилось унылое однообразіе, и пустынная тундра показалась еще мрачнѣе, еще мертвеннѣе.

Олени устали и требовали отдыха, и самоѣды вскорѣ остановились на ночлегъ. Привычныя иньки въ какихъ-нибудь полчаса, пока мужчины отпрягали оленей, разбили одинъ изъ чумовъ; скоро въ немъ затрещалъ подъ котелкомъ веселый огонекъ, и иньки стали готовить ужинъ.

Къ утру слѣдующаго дня выпалъ ровный снѣжокъ, покрывшій обнаженную прошлымъ бураномъ тундру, и оленямъ стало бѣжать легче.

Недѣли черезъ двѣ послѣ отправленія, съ разными остановками для охоты и ловли бѣлыхъ куропатокъ, которыя во множествѣ водятся въ тундрѣ, самоѣды прибыли, наконецъ, къ подножію Уральскихъ горъ, въ лѣсистую мѣстность, гдѣ и остановились на болѣе продолжительную стоянку. Здѣсь оказалась прекрасная охота на дикихъ оленей и пушного звѣря, и Иванъ съ Васильемъ по цѣлымъ суткамъ стали пропадать въ окружающей тайгѣ.



Бѣлыя куропатки.

Почти поголовно всѣ самоѣды прекрасные стрѣлки. Къ сожалѣнію, у большинства изъ нихъ ружья старинныя, кремневыя; они предпочитаютъ ихъ болѣе усовершенствованнымъ потому, что кремневое ружье требуетъ меньше ухода, не боится ржавчины, и въ случаѣ порчи такое ружье можетъ починить всякій кузнецъ, тогда какъ для починки усовершенствованнаго ружья понадобилось бы разыскивать особаго мастера. Стрѣляютъ самоѣды изъ своихъ кремневыхъ винтовокъ обыкновенно маленькими пульками, откусывая ихъ зубами отъ свинцовой свернутой полоски.

Какъ бы то ни было, но и съ этими незатѣйливыми ружьями Иванъ съ Васильемъ почти каждый день приносили по нѣскольку пушныхъ звѣрей, а иногда и оленя. Охотясь за послѣдними, самоѣды обыкновенно одѣваются въ бѣлыя малицы и подкрадываются къ оленямъ подъ прикрытіемъ бѣлаго щита,—иначе чуткое и зоркое животное далеко видитъ охотника и спасается отъ него бѣгствомъ. Такой способъ охоты необходимъ въ особенности въ открытой со всѣхъ сторонъ тундрѣ.

Отъ мѣстныхъ остяковъ Иванъ узналъ, что прославленный тадибей живетъ за Камнемъ, но каждую зиму бываетъ въ этихъ мѣстахъ, и что навѣрное и на этотъ разъ скоро будетъ здѣсь. Ему указали даже юрту остяка, у котораго тадибей чаще всего останавливался. Такъ какъ юрта находилась неподалеку отъ стойбища Ивана, то онъ съѣздилъ къ этому остяку и упросилъ его дать ему знать, когда прибудетъ тадибей.

III.

Тадибей, или шаманъ, былъ родомъ тунгузъ; звали его „Оленій-Глазъ". Въ дѣтствѣ онъ былъ крещенъ, и при крещеніи ему было дано имя Петръ, но, какъ и большинство сибирскихъ туземцевъ, христіаниномъ онъ считался только на бумагѣ. Христіанское его имя было скоро позабыто, и онъ сталъ извѣстенъ подъ именемъ, даннымъ ему матерью при рожденіи,—Оленій-Глазъ.

Шаманомъ „Оленій-Глазъ" сдѣлался по природному, наслѣдственному влеченію: его предки по матери были шама-

нами. Между самоѣдами и остяками рѣдко встрѣчаются наслѣдственные шаманы, а ставшіе шаманами не по призванію, а по собственной доброй волѣ, по увѣренію туземцевъ-шаманистовъ, не имѣютъ той силы и способности къ камланію, т.-е. къ вызыванію духовъ, какая бываетъ у шамановъ наслѣдственныхъ. Поэтому шаманы, унаслѣдовавшіе способность къ камланію отъ предковъ, славятся далеко среди шаманистовъ.

Шаманская вѣра — одна изъ древнѣйшихъ въ мірѣ. Отъ первоначальной шаманской религіи въ настоящее время уцѣлѣло немного, и теперь она состоитъ изъ однихъ лишь грубыхъ суевѣрій и обрядностей, у каждаго народа имѣющихъ свои особенности. Впрочемъ, главныя правила вѣры и важнѣйшіе обряды почти всюду остались одинаковыми. Такъ, почти всѣ шаманисты вѣруютъ въ одного общаго Бога, создателя всѣхъ вещей, который у самоѣдовъ называется Нумъ или Номъ. Это — Богъ всемогущій и всевѣдущій, любящій свою тварь. Но самоѣды думаютъ, что этому верховному существу нѣтъ никакого дѣла до жизни отдѣльнаго человѣка, которою онъ нисколько не интересуется; его нельзя ни умилостивить, ни оскорбить; онъ не наказываетъ и не награждаетъ, а, значитъ, его нечего ни бояться, ни приносить ему жертвъ, ни любить. Правленіе міромъ и судьбами человѣческими этимъ высочайшимъ существомъ раздѣлено между многими мелкими божками, ему подчиненными. Однако, эти божки по большей части поступаютъ своевольно, а потому людямъ приходится съ ними считаться и снискивать ихъ благоволеніе; они часто бываютъ мстительны, пристрастны, и



Остяцкая юрта.

раздѣляются на добрыхъ и злыхъ. Всѣ небесныя явленія и тѣла, отъ которыхъ происходитъ для человѣка добро и зло, по понятіямъ самоѣдовъ, — божества; такъ, солнце, луна, звѣзды, облака, громъ, буря, огонь, вода, земля—все это божества. Кромѣ того, существуютъ боги здравія, звѣринаго промысла, путешествій, боги добродѣтелей, боги дѣтей, оленей и проч. Однако, кромѣ самаго высшаго верховнаго существа съ подвластными ему богами, есть еще другое высшее же, хотя и менѣе могущественное, существо — сатана, который у разныхъ народовъ тоже носитъ разное названіе, но чаще всего называется „шайтаномъ“. У шайтана есть также свои подчиненные ему злые божки, или бѣсы. Эти злые духи непріязненны человѣку, дѣлаютъ людямъ зло и причиняютъ имъ всякія несчастія. Однако, ихъ можно умилостивить и укрощать при посредствѣ особыхъ людей, которые у самоѣдовъ называются тадибеями, а у другихъ туземцевъ шаманами. Шаманы, по вѣрованію ихъ почитателей, могутъ вызывать духовъ, отвращать несчастія, подавать помощь, узнавать прошедшее и будущее, излѣчивать отъ разныхъ болѣзней и накликать эти болѣзни и проч. Умилостивлять духовъ можно жертвами, подарками, ласковыми словами, угрозами, постановкой имъ идоловъ и проч. Жертвы приносятся или міромъ, при посредствѣ шамана, на особо выбранномъ мѣстѣ, или же отдѣльными людьми, при чемъ у каждаго народа при такихъ жертвоприношеніяхъ соблюдаются свои обряды и церемоніи.

„Оленій-Глазъ“ очень рано началъ чувствовать свое предназначеніе. Еще съ дѣтскихъ лѣтъ у него стали обнаруживаться болѣзненные припадки: имъ часто овладѣвало какое-то непонятное бѣшенство, и въ состояніи безпамятства онъ внезапно начиналъ гоготать, бѣгать по горамъ и лѣсамъ, питаться древесной корой, метаться въ огонь и въ воду, такъ что роднымъ приходилось зорко за нимъ присматривать, чтобы онъ въ этомъ состояніи не повредилъ чѣмъ-нибудь себѣ. Когда же онъ подросъ и понялъ свое призваніе, то долго и упорно боролся со своимъ природнымъ стремленіемъ. Онъ зналъ, что участь шамана не завидна, такъ какъ шаманы изъ своего дѣла никакихъ особенныхъ выгодъ не извлекаютъ,

а живутъ наравнѣ съ остальными, обыкновенными людьми трудами рукъ своихъ, а между тѣмъ на камланіе имъ приходится затрачивать много силъ и здоровья. Но бороться съ врожденнымъ стремленіемъ ему было очень тяжело. Даже отдаленные звуки барабана приводили его въ дрожь, и съ нимъ начинались страшныя судорожныя корчи. Въ концѣ-концовъ онъ принужденъ былъ обратиться къ старому опытному тадибею, чтобы тотъ научилъ его всѣмъ тайнамъ шаманства. Его учитель прежде всего потребовалъ отъ него, чтобы онъ отрекся отъ Бога и отъ всего любимаго и дорогого и далъ обѣщаніе посвятить свою жизнь тому демону, который будто бы будетъ исполнять его просьбы. Затѣмъ онъ научилъ его напѣвамъ, молитвамъ и обрядамъ, которыми шаманы вызываютъ духовъ. Темный и суевѣрный, съ больною отъ рожденія душою, молодой тадибей искренно вѣрилъ въ свое могущество, въ свою силу вызывать божковъ, на самомъ дѣлѣ не существующихъ, и такимъ образомъ самъ сдѣлался рабомъ силы, существовавшей только въ его невѣжественномъ воображеніи. Онъ ходилъ изъ одного мѣста на другое по своимъ единовѣрцамъ, гадалъ имъ, лечилъ больныхъ, предсказывалъ будущее и проч. И скоро слава о камланіяхъ „Оленьяго-Глаза“ широко распространилась по тундрѣ и тайгѣ; его знали туземцы-шаманисты отъ Печоры до Алтайскихъ горъ.

Когда остякъ, у котораго „Олеиій-Глазъ“ остановился, извѣстилъ объ его прибытіи Ивана, послѣдній тотчасъ же запрягъ пару оленей и вмѣстѣ съ Васильемъ отправился къ шаману. Войдя въ просторную юрту остяка, они увидали сидѣвшаго противъ огня на нарахъ, на самомъ почетномъ мѣстѣ, человѣка, одѣтаго въ обыкновенную малицу, совикъ, въ оленьихъ сапогахъ. Небольшая темная бородка обрамляла, блѣдное, болѣзненное, подергивавшееся, со скорбнымъ выраженіемъ, лицо незнакомца. Длинные волосы его были заплетены въ мелкія косички; черные, глубоко впавшіе глаза какъ-то устало блестѣли нездоровымъ блескомъ. Это и былъ тадибей „Олеиій-Глазъ“. Онъ сидѣлъ на разостланной бѣлой кобыльей шкурѣ; возлѣ него лежалъ огромный бубенъ и узелъ съ шаманской одеждой. Хозяева юрты внимательно

ухаживали за шаманомъ, угощая его всѣмъ, что только у нихъ было лучшаго.

Иванъ подробно разсказалъ шаману о своемъ дѣлѣ и сталъ просить его поворожить, что̀ стало съ его сватомъ Степаномъ и гдѣ его найти.

— Ладно! сказалъ шаманъ. Вотъ надо только дождаться ночи.

Онъ отодвинулъ отъ себя узелъ, положилъ его подъ голову и растянулся на нарахъ. Повидимому, онъ былъ очень утомленъ и хотѣлъ немного отдохнуть передъ камланіемъ. Присутствовавшіе въ юртѣ вышли вонъ, чтобы не тревожить задремавшаго шамана.

Но вотъ солнце сѣло, наступили сумерки. Хозяева юрты начали дѣлать торопливыя приготовленія къ камланію: подметать полъ, колоть дрова и лучину и готовить сытный ужинъ. Юрта мало-по-малу начала наполняться сосѣдями, которые размѣщались вдоль стѣнъ на нарахъ, мужчины съ правой стороны, женщины съ лѣвой. Громкіе разговоры, по мѣрѣ сгущавшагося въ юртѣ мрака, стали переходить въ сдержанный говоръ. Подали ужинъ, къ которому были приглашены всѣ пришедшіе. Насытившись, шаманъ сѣлъ на краешекъ наръ и медленно началъ расплетать косички своихъ волосъ, что-то бормоча себѣ подъ носъ. По временамъ онъ икалъ, отчего все его тѣло странно содрогалось. Все время глаза шамана были неподвижно устремлены на огонь, въ одну точку. Понемногу костеръ сталъ потухать, и въ юртѣ воцарился таинственный полумракъ. Среди присутствующихъ наступило полное молчаніе. Всѣ съ суевѣрнымъ страхомъ ожидали, что будетъ далѣе.

Шаманъ медленно снялъ съ себя малицу, вынулъ изъ мѣшка свое волшебное одѣяніе и началъ въ него облекаться. Это одѣяніе состояло изъ плаща, сшитаго изъ шкуры дикаго козла; наружная сторона этого плаща была вся сплошь увѣшана множествомъ жгутовъ различной величины, обшитыхъ разноцвѣтными матеріями и изображавшихъ собою змѣй. Кромѣ жгутовъ, на плащѣ нашиты были пучками, по девяти въ каждомъ пучкѣ, узкіе ремни оленьей кожи и прикрѣплено много разныхъ таинственныхъ знаковъ—колечекъ, бубенчиковъ и

погремушекъ, — среди которыхъ виднѣлись желѣзные треугольники; на одномъ изъ колѣнъ треугольниковъ вздѣты были привѣски, изображавшіе маленькіе луки съ наложенными стрѣлками для отпугиванія отъ шамана злыхъ духовъ. На спинѣ были пришиты двѣ круглыя мѣдныя бляхи, двѣ другія были нашиты на груди. Вмѣстѣ съ ремешками къ плащу было пришито нѣсколько шкурокъ горностаевъ и иныхъ мелкихъ звѣрьковъ. Воротникъ былъ обшитъ бахромой изъ перьевъ филина. Всѣ эти предметы и нашивки имѣли свое особое значеніе. На голову шаманъ надѣлъ шапку, сшитую изъ шкуры филина, голова и крылья котораго служили украшеніемъ шапки.



Бубенъ шамана.

Облекшись въ свое шаманское одѣяніе, „Олений-Глазъ“ взялъ поданную ему раскуренную трубку и началъ курить, глотая дымъ. Курилъ онъ долго; икота у него становилась все громче, дрожь все трепетнѣе, лицо сдѣлалось блѣднымъ, голова низко опустилась, глаза полузакрылись. Онъ медленно отложилъ трубку въ сторону. Въ это время на срединѣ юрты разостлали бѣлую кобылью шкуру. Шаманъ взялъ ковшъ холодной воды, выпилъ нѣсколько большихъ глотковъ и медленнымъ, соннымъ движеніемъ началъ нащупывать подлѣ себя заранѣе приготовленные кнутъ и колотушку бубна. Затѣмъ онъ вышелъ на середину юрты и, пригибая четыре раза правое колѣно, сдѣлалъ поклонъ на всѣ четыре стороны и спрыснулъ изо рта вокругъ себя водой. Въ огонь бросили горсть бѣлыхъ конскихъ волосъ и окончательно его потушили. Но при слабомъ мерцаніи потухающихъ

угольевъ еще нѣкоторое время виднѣлась въ темнотѣ неподвижная фигура шамана, сидѣвшаго, понуря голову, съ лицомъ, завѣшаннымъ платкомъ, чтобы легче проникнуть своимъ внутреннимъ взоромъ въ міръ духовъ. Въ рукахъ у него виднѣлся громадный бубенъ, который онъ держалъ передъ собою. Бубенъ составляетъ самую важную принадлежность шаманскаго званія. Кромѣ силы вызывать духовъ, онъ имѣетъ, по увѣренію шаманистовъ, чудесную силу носить шамана по воздуху. Бубенъ состоялъ изъ большого, около аршина въ поперечникѣ, деревяннаго обода, обтянутаго съ одной стороны кожей и увѣшаннаго бубенчиками; въ полости его были укрѣплены двѣ поперечины,—одна деревянная и другая, поперекъ первой,—желѣзная.

Въ юртѣ настала мертвая тишина. Лицо шамана было обращено на югъ. Присутствующіе притаили дыханіе, и среди непроглядной тьмы, воцарившейся въ юртѣ, слышны были только невнятное бормотаніе и икота шамана. Наконецъ, и эти звуки затихли. Все погрузилось въ мракъ и безмолвіе. Но вотъ среди жуткой тишины явственно послышался одинокій, сдержанный зѣвокъ, и вслѣдъ за нимъ гдѣ-то, въ покрытой тьмою юртѣ, пронзительно и жалобно раздался плачущій крикъ чайки, а затѣмъ снова все погрузилось въ безмолвіе. Прошло нѣсколько минутъ напряженнаго ожиданія. Вдругъ присутствовавшіе въ юртѣ услыхали легкую, еле уловимую ухомъ и вначалѣ нѣжную и мягкую, какъ жужжаніе комара, дробь бубна; эта музыка постепенно все крѣпла, дѣлалась явственнѣй, и все росла и гудѣла, какъ шумъ приближающейся бури. И поминутно въ этомъ шумѣ выдѣлялись дикіе крики разныхъ птицъ: то каркали вороны, то смѣялись гагары, то жаловались чайки, посвистывали кулики, клекотали соколы и орлы. Музыка росла, удары по бубну сливались въ одинъ непрерывный гулъ и вмѣстѣ съ неустаннымъ звономъ колокольчиковъ, погремушекъ и громомъ бубенчиковъ образовали цѣлый потокъ звуковъ, помрачавшихъ сознаніе сидѣвшихъ въ темнотѣ дикарей. Но вотъ все точно оборвалось; послѣдовали одинъ за другимъ еще два мощныхъ удара по бубну, и волшебный инструментъ упалъ на колѣни шамана. Все разомъ умолкло.

Прошло нѣсколько жуткихъ минутъ. Снова послышались звуки бубна, и на этотъ разъ подъ его звуки шаманъ пропѣлъ мрачнымъ голосомъ пѣсню, въ которой призывалъ духа-покровителя снизойти на него. Послѣ этого онъ слабымъ голосомъ попросилъ хозяевъ возобновить въ юртѣ огонь, и когда это было исполнено и яркій свѣтъ озарилъ внутренность юрты, блѣднаго шамана и почти не менѣе его блѣдныхъ, дрожавшихъ отъ ужаса присутствующихъ, „Олений-Глазъ“ вскочилъ на ноги и, не переставая пѣть и колотить въ бубенъ, началъ бѣшено плясать, прыгая и кривляясь передъ огнемъ на разостланной лошадиной шкурѣ. Движенія его становились все быстрѣе, все болѣе дикими. Онъ поминутно перепрыгивалъ черезъ огонь, кривилъ ротъ, размахивалъ руками, кричалъ, ревѣлъ дикимъ голосомъ, вызывая поименно злыхъ духовъ, тѣхъ, которыхъ ему было нужно. Затѣмъ онъ началъ съ кѣмъ-то разговаривать, о чемъ-то кого-то спрашивать, кому-то грозить, заклинать и умолять, что-то кому-то наказывать, кого-то гнать отъ себя плетью и съ кѣмъ-то сражаться. Наконецъ, онъ бросилъ вверхъ барабанную колотушку, и когда та упала на полъ, онъ всунулъ голову въ бубенъ и, держа его надъ своей головой, началъ внимательно и какъ бы съ ужасомъ къ чему-то прислушиваться, словно ожидая отвѣта на заданные имъ передъ этимъ вопросы. Нѣсколько минутъ держалъ онъ такимъ образомъ свою голову внутри бубна, вздрагивая по временамъ всѣмъ тѣломъ и до того напрягая себя, что потъ лился у него по лицу. Но вотъ голова его какъ-то странно затряслась, и точно кто-то насильно, несмотря на его противодѣйствіе, сталъ поворачивать ее въ лѣвую сторону, неподвижные, словно остеклянѣвшіе глаза шамана устремились куда-то вдаль, онъ повернулся раза два на мѣстѣ и безъ сознанія упалъ на землю. Съ нимъ начались судорожныя корчи; зубы его крѣпко стиснулись, руки и ноги свело, его забило, какъ въ сильнѣйшей лихорадкѣ, и, наконецъ, онъ весь точно окостенѣлъ. Изо рта показалась пѣна. Присутствующіе замерли отъ страха. Нѣсколько времени шаманъ лежалъ такимъ образомъ совершенно неподвижно, затѣмъ члены его снова расправились, онъ зашевелился, открылъ блуждающіе глаза и обвелъ ими вокругъ

себя, точно недоумѣвая, гдѣ онъ и что съ нимъ. Наконецъ, сознаніе вернулось къ нему, онъ медленно приподнялся и сѣлъ на кобыльей шкурѣ.

— А вѣдь ты, Иванъ, напрасно думаешь, что твой сватъ хотѣлъ тебя обмануть, заговорилъ онъ слабымъ голосомъ:— онъ самъ тебя отыскиваетъ и не можетъ найти. Ступай въ Обдорскъ на ярмарку, тамъ съ нимъ встрѣтишься!

Камланіе кончилось. Хозяева юрты перенесли совершенно разслабѣвшаго шамана вмѣстѣ съ кобыльей шкурой на нары и посадили его на прежнее мѣсто.

Когда Иванъ, подаривъ за ворожбу шаману двѣ собольи шкурки, сталъ съ нимъ прощаться, тотъ какъ бы въ напутствіе сказалъ ему:

— Да только не забудь, смотри, этимъ же лѣтомъ съѣздить на о. Вайгачъ и принести тамъ въ жертву Весаку и Ходоко по бѣлому оленю.

Весакъ (дѣдушка) и Ходоко (бабушка) были когда-то одними изъ наиболѣе почитаемыхъ идоловъ, находившихся на о. Вайгачѣ, куда стекались со всѣхъ сторонъ самоѣды и другіе шаманисты для идолослуженія. Вокругъ капищъ этихъ божествъ находилось до 400 болѣе мелкихъ каменныхъ и деревянныхъ идоловъ. Но въ первой половинѣ прошлаго столѣтія православные священники, проповѣдники христіанства среди туземцевъ, разрушили эти капища и сожгли находившихся тамъ идоловъ. Однако, самоѣды и до сихъ поръ ходятъ туда на поклоненіе своимъ прежнимъ божествамъ, возобновленныя изображенія которыхъ они тщательно скрываютъ отъ русскихъ.

IV.

За сѣвернымъ полярнымъ кругомъ, въ нижнемъ теченіи Оби, около устья впадающей въ нее рѣчки Полуя, расположилось небольшое русское село Обдорскъ, славящееся своей ярмаркой. Въ этомъ селѣ есть небольшая деревянная церковь и насчитывается до полусотни домовъ, большая часть которыхъ представляетъ изъ себя жалкія лачужки, и около полутораста лавокъ. Окрестности Обдорска пустынны и безотрадны. Кругомъ—голыя, безлѣсныя пространства, то

болотистыя, то сухія, покрытыя тощими полярными кустарниками, въ родѣ березы-стланки, прячащей большую часть своихъ вѣтвей во мхахъ и лишайникахъ, точно старающейся защитить ихъ отъ суровыхъ зимнихъ холодовъ и мятелей. И только кое-гдѣ виднѣются перелѣски, переходящіе на югѣ, около г. Березова, въ сплошной дремучій лѣсъ — сибирскую тайгу. Эти пустынныя пространства не пестрѣютъ въ лѣтнюю пору коврами изъ яркихъ разноцвѣтныхъ цвѣтовъ, а повсюду виднѣются одни лишь мхи и мхи да кое-гдѣ красуется морошка, любимая ягода обитателей сѣвера.

Населеніе Обдорска состоитъ по большей части изъ березовскихъ мѣщанъ, казаковъ и купцовъ, а также изъ зырянъ, остяковъ и самоѣдовъ, ютящихся въ своихъ грязныхъ чумахъ около Обдорска. Лѣтомъ здѣсь большая половина домовъ бываетъ заколочена: хозяева вмѣстѣ со своими семьями въ это время уѣзжаютъ на рыбныя ловли. И только къ осени Обдорскъ оживляется. Тогда къ нему подходятъ сотни лодокъ, каюковъ и баржъ съ рыбой, которыя запруживаютъ берегъ Полуя по крайней мѣрѣ версты на двѣ. Слѣдомъ за ними приходятъ сверху, съ Оби, нѣсколько пароходовъ, которые и уводятъ съ собой на буксирѣ всѣ эти „посудины“ въ Тобольскъ. И снова Обдорскъ на нѣкоторое время замираетъ и погружается въ свою обычную спячку. Наступаетъ зима. Почти сплошной лѣтній день смѣняется такой же почью. Вьюги заносятъ дома обывателей такими глубокими сугробами, что нерѣдко обдорянамъ приходится употреблять весь короткій зимній день только на то, чтобы откопаться изъ-подъ засыпавшаго ихъ дома снѣга. И вотъ въ эту-то пору начинается



Остяки на рыбной ловлѣ.

торопливая дѣятельность обитателей и въ особенности обитательницъ Обдорска по пріему гостей, которые съѣзжаются сюда со всѣхъ сторонъ изъ окружающей тундры на ярмарку. Прежде всего обдорянки стараются заготовить въ достаточномъ количествѣ хлѣба. Многія напекаютъ его до 10,000 ковригъ, а всего для продажи пріѣзжимъ въ Обдорскѣ выпекаютъ до 80,000 ковригъ чернаго хлѣба. Этотъ хлѣбъ складывается въ амбарахъ и сараяхъ въ полѣнницы, какъ дрова. Онъ слеживается, смерзается и часто заносится цѣлыми сугробами снѣга. Но невзыскательные покупатели, остяки и самоѣды, съ удовольствіемъ запасаются имъ на круглый годъ.

Исполняя совѣтъ „Оленьяго-Глаза", Иванъ поѣхалъ отыскивать своего свата на Обдорскую ярмарку. Онъ былъ въ первый разъ не только на этой ярмаркѣ, но и вообще за Камнемъ. Раньше онъ кочевалъ со своими стадами оленей въ Канинской и Малоземельной тундрѣ, и только изрѣдка посѣщалъ иногда Большеземельскую, лежащую по правую сторону рѣки Печоры; но за Камнемъ онъ не бывалъ еще ни разу.

Ярмарка была уже въ полномъ разгарѣ, когда Иванъ прибылъ къ Обдорску. Сюда въ это время стремились гости со всѣхъ странъ свѣта: съ юга, отъ Березова, къ нему ѣхали русскіе; съ сѣвера, съ прибрежій Ледовитаго океана, самоѣды; съ запада, отъ Уральскихъ горъ, кромѣ самоѣдовъ, зыряне, остяки и вогулы; съ востока, изъ сибирскихъ тундръ и тайги, разные сибирскіе туземцы. Самоѣды и остяки везли на ярмарку по большей части мороженую рыбу, икру, рыбій клей, перья и пухъ, а также шкуры тюленей и бѣлыхъ медвѣдей, клыки моржей, мамонтову кость (собственно бивни этого допотопнаго животнаго, находимые въ большомъ количествѣ въ мерзлой тундрѣ) и даже янтарь, собираемый по берегамъ Сѣв. Ледовитаго океана; вогулы и сибирскіе туземцы везли сюда кедровые орѣхи, дорогіе мѣха соболей, лисицъ, куницъ, песцовъ, бобровъ и проч. Всѣ эти люди пробыли цѣлый годъ въ безлюдныхъ тундрахъ и тайгѣ, припасы ихъ истощились, дѣти подросли, надо устраивать свадьбы, нуженъ калымъ, въ составъ котораго входятъ и сукна, и бусы, и разныя металлическія украшенія, но больше всего нуженъ хлѣбъ, порохъ, свинецъ и разныя рыболовныя при-

надлежности и снасти. И всѣмъ этимъ необходимо запастись на цѣлый годъ, такъ какъ раньше года возвратиться къ Обдорску невозможно: въ концѣ зимы надо уходить, чтобы къ лѣту быть поближе къ прохладнымъ приморскимъ берегамъ, гдѣ и овода меньше, и корма для оленей больше, и промыселъ прибыльнѣе.

Иванъ, по совѣту встрѣчныхъ самоѣдовъ, остановился значительно не доходя до Обдорска; здѣсь было не такъ безпокойно отъ сосѣдства съ шумной ярмаркой, да и кормъ для оленей былъ еще не вытравленъ. Отправляясь въ первый разъ на ярмарку, онъ запрягъ въ нарты двухъ оленей, сложилъ на нихъ то, что было похуже изъ добытыхъ имъ за зиму мѣховъ, чтобы не увлечься и не продать сразу все за безцѣнокъ, и одинъ отправился въ путь. Онъ думалъ, что ему будетъ очень легко разыскать своего свата, если только тотъ тоже окажется на ярмаркѣ, но, приближаясь къ Обдорску и видя всюду въ его окрестностяхъ живой, колеблющійся лѣсъ оленьихъ роговъ, причудливо вѣтвившихся заиндивѣвшими на морозѣ отростками, а также громадныя толпы народа, движеніе, шумъ, гамъ, крикъ и даже драки пьяныхъ, онъ понялъ, что это не такъ-то легко сдѣлать.

Село кишѣло пріѣзжими; улицы, площади, дома,—все было полно народа, и Иванъ былъ оглушенъ происходившимъ повсюду шумомъ и гамомъ. Онъ никогда еще за всю свою жизнь не бывалъ въ столь многолюдномъ обществѣ. Пестрая толпа народа была перемѣшана съ настолько же пестрымъ множествомъ оленей, собакъ, лошадей. Въѣхавъ въ средину села, Иванъ совершенно растерялся и не зналъ, что ему дѣлать.

— А, землякъ, здравствуй! услыхалъ онъ вдругъ подлѣ себя чей-то вкрадчивый голосъ.

Иванъ обернулся и увидалъ передъ собой зырянина, протягивавшаго ему руку для привѣтствія.

— Здравствуй! отвѣтилъ онъ. Не видалъ ли ты тутъ Степана?

— Какого Степана?

— Моего свата. Мнѣ тадибей „Оленій-Глазъ“ сказалъ, что онъ здѣсь.

— Нѣтъ, не видалъ; должно быть, еще не пріѣхалъ. Ты что, товаръ привезъ?

— Привезъ маленько, да не знаю, кому его и продавать.

— Ты вѣдь, кажись, изъ-за Печоры? спросилъ зырянинъ.

— Я изъ Канинской тундры! отвѣтилъ Иванъ.

— Вонъ что! А я сразу увидалъ, что землякъ. Я вѣдь тоже съ Печоры. У меня тутъ недалеко свой чумъ. Вотъ какая радость: земляка нашелъ! Пойдемъ ко мнѣ въ гости, я куплю у тебя твой товаръ.

И съ низкими поклонами и льстивыми рѣчами онъ сталъ упрашивать Ивана заѣхать къ нему напиться чаю и угоститься водкой. Зырянинъ былъ скупщикъ мѣховъ и пріѣхалъ на ярмарку затѣмъ, чтобы перехватывать ранѣе другихъ у простоватыхъ инородцевъ привезенные ими товары въ обмѣнъ на водку и необходимые для нихъ припасы, разумѣется, за безцѣнокъ. Многіе изъ печорскихъ зырянъ промышляютъ этимъ, и въ умѣніи обманывать довѣрчивыхъ дикарей нисколько не уступаютъ русскимъ кулакамъ.

Иванъ былъ радъ, что встрѣтилъ такого пріятнаго человѣка, и охотно послѣдовалъ за нимъ въ его чумъ, находившійся подлѣ самаго села.

Хозяинъ усадилъ гостя на почетное мѣсто, досталъ бутылку водки и подалъ ему стаканчикъ.

— Кушай на доброе здоровье, гостенекъ дорогой!

Иванъ не заставилъ себя упрашивать долго, разомъ опорожнилъ стаканъ, и пріятная теплота и нѣга разлилась у него въ груди. Онъ не могъ надивиться добротѣ и услужливости своего новаго знакомаго.

— На вотъ, кури сигару! подалъ зырянинъ Ивану одну изъ дешевенькихъ сигаръ, которыя въ большомъ употребленіи среди печорскихъ зырянъ и привозятся къ нимъ на англійскихъ и шведскихъ пароходахъ.

— Пошто курить,—я лучше сожру! сказалъ Иванъ и, разломивъ сигару пополамъ, одну половину положилъ про запасъ въ карманъ, а другую въ ротъ и началъ жевать, сплевывая по временамъ темнобурую слюну. Самоѣды по большей части вмѣсто куренія предпочитаютъ нюхать и жевать табакъ.

— Ну-ка еще, землячокъ, выкушай стаканчикъ! потчевалъ между тѣмъ хлѣбосольный хозяинъ своего гостя.

Иванъ не отказался и отъ второго стакана, и какъ-то сразу раскисъ и осовѣлъ.

А зырянинъ тѣмъ временемъ началъ выпытывать у него, что за товаръ онъ привезъ на ярмарку, и попросилъ показать ему.

Иванъ досталъ съ нартъ привезенныя съ собой шкуры и выложилъ ихъ передъ зыряниномъ. И скоро захмелѣвшій самоѣдъ продалъ за безцѣнокъ свой товаръ, или, вѣрнѣе, промѣнялъ его на самое незначительное количество муки, крупы, чаю, сахару и другихъ запасовъ, необходимыхъ въ хозяйствѣ. Когда торгъ былъ слаженъ, зырянинъ подъ благовиднымъ предлогомъ выпроводилъ отъ себя только что было разгулявшагося гостя, желавшаго продолжать пріятную компанію и готоваго за водку снять съ себя послѣднюю малицу. Но, провожая Ивана, хлѣбосольный хозяинъ просилъ его и впредь, если онъ снова привезетъ на ярмарку еще какіе-либо мѣха на продажу, непремѣнно заѣзжать къ нему, и, какъ бы въ задатокъ за эти будущіе товары, снабдилъ его цѣлою бутылкою водки.



Зыряне.

Выйдя изъ чума зырянина въ самомъ веселомъ настроеніи, Иванъ рѣшилъ поѣхать опять на ярмарку, посмотрѣть народъ и погулять среди него. Съ нимъ была полная бутылка водки, ѣхать домой ему не хотѣлось, но не хотѣлось и одному пить водку: онъ надѣялся подыскать какую-либо компанію, въ которой пить веселѣе.

Стояла средина зимы. На дворѣ была ночь, безпрерывная полярная ночь, освѣщаемая только звѣздами да отблесками сѣвернаго сіянія. Обдорскъ кишѣлъ народомъ. Шумъ и гамъ нисколько не уменьшились; напротивъ, ярмарка была въ самомъ разгарѣ.

Скоро Иванъ попалъ въ компанію какихъ-то подозрительныхъ личностей, которые увлекли его въ какую-то лачугу, гдѣ было много такихъ же самоѣдовъ и остяковъ, какъ и онъ, пировавшихъ и шумѣвшихъ въ веселомъ обществѣ русскихъ дѣвицъ и парней. Что было потомъ, у Ивана улетучилось изъ головы. Онъ смутно помнилъ, что кого-то угощалъ, кто-то его угощалъ, съ кѣмъ-то онъ цѣловался, пѣлъ пѣсни и даже плясалъ, но больше ничего не помнилъ.

Когда онъ очнулся, то увидалъ, что лежитъ подъ заборомъ на улицѣ и съ неба на него сыплется мелкій снѣгъ. Онъ поднялся, оглядѣлся вокругъ и съ перваго раза никакъ не могъ сообразить, гдѣ онъ и что съ нимъ. Голова его страшно болѣла, мысли путались, и его все еще покачивало на ногахъ. Кругомъ не видно было ни души; ярмарочный шумъ затихъ, и только издали доносилось дикое завываніе голодныхъ обдорскихъ собакъ; онѣ подняли такой чудовищный вой, какому могли бы позавидовать тысячи голодныхъ волковъ.

Наконецъ Иванъ пришелъ въ себя, и первою его мыслью было: „А гдѣ же мои олени?“ Онъ началъ оглядываться кругомъ, но оленей съ нартами и покупками и слѣдъ простылъ. Напрасно онъ бѣгалъ по опустѣвшимъ, заснувшимъ закоулкамъ Обдорска, отыскивая своихъ оленей: они исчезли, точно въ воду канули.

Но тутъ Иванъ вспомнилъ про своего вчерашняго пріятеля-зырянина и началъ отыскивать его чумъ, который ему и удалось наконецъ найти. Хозяинъ еще спалъ, когда Иванъ влѣзъ къ нему въ жилище. Посреди чума тлѣлъ маленькій огонекъ, и при его мерцаніи Иванъ нащупалъ своего вчерашняго знакомаго.

— Что такое? Кто тутъ? вскричалъ спросонья хозяинъ.

— Бѣда! У меня оленей украли! объявилъ Иванъ.

— Кто укралъ? Гдѣ украли? недоумѣвалъ зырянинъ, протирая глаза и не сразу соображая, что такое отъ него требуется.

— Моихъ оленей украли! повторилъ Иванъ. Не видалъ ли ты ихъ?

— Да что ты! Какъ же это могло случиться? очухался наконецъ хозяинъ чума.

— Ушелъ я вчера отъ тебя да и загулялъ съ какими-то купцами. Пилъ, много пилъ вина, а тамъ ужъ и не помню, что было. Только проснулся на улицѣ, а моихъ оленей нигдѣ нѣтъ.

— Куда же они могли дѣваться?

— А кто ихъ знаетъ! Уѣхалъ кто-нибудь на нихъ. Теперь не знаю, какъ и домой попасть: не на чемъ ѣхать и лыжъ нѣтъ, а безъ лыжъ какъ пойдешь домой по такому глубокому снѣгу? И покупки пропали. Ладно еще, что не весь товаръ-то привезъ продавать, а то теперь совсѣмъ и ѣсть было бы нечего.

— А много еще у тебя товару-то осталось? оживился барышникъ-зырянинъ.

— Да осталось еще; я вѣдь тебѣ не все продалъ! откровенно сознался Иванъ.

Зырянинъ началъ что-то соображать.

— Гдѣ теперь найдешь оленей! въ раздумьѣ промолвилъ онъ.—Пожалуй, можно заявить въ полицію, русскому чиновнику, да только врядъ ли какой толкъ будетъ.

— Русскому чиновнику?! Что ты, что ты! почти съ ужасомъ вскричалъ Иванъ. Пусть пропадаютъ мои олени, только не надо ничего говорить русскому чиновнику. Такой бѣды наживешь, что и не расхлебаешь. Мой братъ Трофимъ пожаловался когда-то русскому чиновнику на обидѣвшаго его купца,—такъ чиновникъ половину зубовъ у Трофима выбилъ, да его же завинилъ; едва-едва тотъ откупился. Нѣтъ, ужъ ты сдѣлай милость, ничего не говори русскому чиновнику.

— Это правда, что лучше съ русскими чиновниками не связываться! подтвердилъ зырянинъ. Только какъ же теперь быть-то? Ужъ, видно, дѣлать нечего, придется мнѣ самому отвезти тебя домой.

Онъ приподнялся и подбросилъ въ костеръ свѣжую охапку вереска.

— Что, поди, голова съ похмелья-то болитъ? спросилъ онъ у Ивана.

— Болитъ; такъ болитъ, что бѣда! сознался тотъ.

— Надо будетъ, коли такъ, опохмелиться! сказалъ заботливый хозяинъ и потянулся за бутылкой.

Иванъ не зналъ, какъ и благодарить его, и скоро онъ опять былъ пьянъ и готовъ былъ продолжать угощаться до безконечности; но зырянинъ уговорилъ его ѣхать домой. Онъ запрягъ оленей, положилъ на нарты кое-какіе кулечки и, усадивъ на нихъ своего захмелѣвшаго гостя, повезъ его въ стойбище. Пріѣхавъ туда, онъ скоро споилъ водкой и его, и Василья съ ихъ женами, и вымѣнялъ у нихъ всѣ запасы ихъ шкуръ и мѣховъ на привезенные съ собой кулечки съѣстныхъ припасовъ, а также на дешевенькіе лоскутки ситцу и разныя другія бездѣлушки.

Сдѣлавъ свое дѣло и оставивъ совершенно пьяныхъ самоѣдовъ, зырянинъ уѣхалъ домой.

Проспавшись послѣ попойки и осмотрѣвъ съѣстные припасы, оставленные зыряниномъ въ обмѣнъ за всѣ продукты ихъ зимняго промысла, самоѣды повѣсили головы. Всего этого могло имъ хватить не болѣе какъ на мѣсяцъ, на полтора, а между тѣмъ они разсчитывали запастись на ярмаркѣ всѣмъ необходимымъ на цѣлый годъ...

Розыски свата и разспросы о немъ не приводили ни къ чему. Напрасно Иванъ каждый день ѣздилъ на ярмарку въ надеждѣ встрѣтить его тамъ,—свата не было. Зырянинъ, къ которому онъ заѣзжалъ иногда въ гости, теперь не поилъ уже его виномъ и принималъ далеко не съ прежней любезностью и подъ разными предлогами старался поскорѣе отъ него отдѣлаться.

Ярмарка приближалась къ концу. Оставаться долѣе здѣсь было не за чѣмъ. Надо было собираться въ обратный путь.

Однажды Иванъ сидѣлъ печальный въ своемъ чумѣ передъ пылавшимъ огонькомъ и, по обыкновенію, мурлыкалъ себѣ подъ носъ тутъ же сочиняемую имъ пѣсню, какъ вдругъ услыхалъ снаружи лай собакъ. Вскорѣ кто-то подъѣхалъ и остановился возлѣ его чума. Не успѣлъ Иванъ выйти, чтобы посмотрѣть, кто бы это могъ быть, какъ во входѣ показалась

чья-то голова, и вскорѣ въ чумъ вползъ самоѣдъ, въ которомъ Иванъ, къ своему неописанному удивленію и радости, тотчасъ же узналъ столь долго разыскиваемаго имъ свата.

— Ну, сватъ, едва-то, едва я тебя разыскалъ! заговорилъ Степанъ, здороваясь съ хозяиномъ. А вѣдь ты, поди, подумалъ, что я хотѣлъ тебя обмануть и нарочно скрываюсь, чтобы не заплатить тебѣ условленнаго калыма?

Иванъ откровенно сознался, что дѣйствительно такъ было начиналъ думать, но что только тадибей „Олений-Глазъ“ успокоилъ его и велѣлъ ему ѣхать сюда, на Обдорскую ярмарку.

Тогда Степанъ разсказалъ своему свату, почему онъ не могъ исполнить своего слова и привести въ назначенный срокъ Ивановыхъ оленей въ Пустозерскъ. Онъ совсѣмъ уже собрался было туда ѣхать, да дорогой узналъ, что около Печоры не совсѣмъ благополучно, что тамъ моръ на оленей, и потому, не желая подвергнуть опасности ни свое стадо, ни стадо, назначенное въ уплату Ивану за калымъ, онъ вернулся и откочевалъ со своими оленями въ противоположную сторону, за Камень, на полуостровъ Ялмалъ. А потомъ, когда падежъ прекратился, онъ уже потерялъ изъ вида Ивана и не зналъ, гдѣ его разыскивать. И только теперь, пріѣхавъ въ Обдорскъ на ярмарку, онъ случайно узналъ отъ знакомыхъ самоѣдовъ, что Иванъ здѣсь же, и ему указали даже его стойбище.

Иванъ на радости зарѣзалъ одного изъ немногихъ оставшихся у него оленей и устроилъ цѣлое пиршество. У свата оказалась привезенной съ собой въ мѣшкѣ мороженная водка, которую самоѣды дробили на куски и грызли, какъ сахаръ, запивая теплою кровью зарѣзаннаго оленя.

На слѣдующій же день Иванъ, по предложенію своего свата, собралъ свои чумы и переселился поближе къ стойбищу Степана, гдѣ и получилъ отъ него выговоренное за дочь стадо оленей, которое вмѣстѣ съ приплодомъ, получившимся за эти три года, возросло до двухсотъ головъ.

Радость дочери Ивана, увидѣвшей своихъ родителей послѣ трехлѣтней разлуки, нельзя было и описать. Она не знала, какъ и чѣмъ ихъ угощать, и долго не могла съ ними наговориться. Ея братишки за это время настолько выросли, что она едва ихъ узнала.

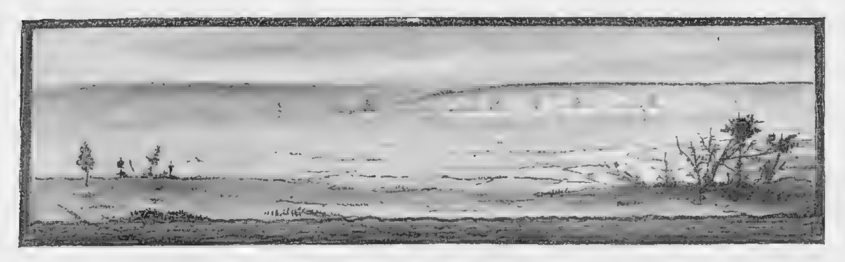
Семья у Степана была большая, и стойбище его состояло изъ нѣсколькихъ чумовъ. У него были три взрослыхъ женатыхъ сына, жившихъ каждый со своей семьей въ отдѣльномъ чумѣ, и двое сыновей и дочь еще малолѣтніе, жившіе при отцѣ. Кромѣ того, при немъ же жилъ его престарѣлый, уже почти совершенно слѣпой отецъ, часто прихварывавшій въ послѣднее время.

Послѣ того, какъ Степанъ устроилъ свои дѣла на ярмаркѣ, онъ уговорилъ Ивана отправиться на лѣто съ нимъ вмѣстѣ кочевать на сѣверъ Большеземельской тундры, въ такъ называемую Землю Самоѣдовъ, гдѣ около береговъ Ледовитаго океана у него были свои рыболовные промыслы.

V.

Наступила весна. Снѣгъ растаялъ, и обнаженная тундра зачернѣла отъ грязи и зажелтѣла отъ мховъ и лишаевъ, словно толстымъ мягкимъ ковромъ покрывавшихъ ее. Едва ли во всемъ мірѣ есть что-либо болѣе печальное, чѣмъ тундра. Она вся состоитъ изъ необозримыхъ болотъ и трясинъ или изъ черной грязи, наполовину смѣшанной съ пескомъ и съ сгнившими корнями водорослей. Кое-гдѣ среди этой грязи, часто ржавой отъ желѣзной руды, виднѣются кочковатыя, единственныя сухія мѣста, способныя держать ногу человѣка и звѣря, но въ большинствѣ случаевъ эта грязь до того жидка и водяниста, что стоитъ человѣку или животному попасть на ея поверхность, какъ нога его тотчасъ же погружается въ тину, и онъ погибаетъ тамъ неминуемо: тундра точно всасываетъ и постепенно проглатываетъ попавшуюся ей жертву.

Но вотъ вмѣстѣ съ тепломъ эта пустыня съ ея опасными зыбунами начала мало-по-малу развертывать свои полярные дары. Кое-гдѣ на южныхъ склонахъ небольшихъ пригорковъ стала показываться тощая травка, кое-гдѣ зазеленѣлъ жиденькій полярный кустарникъ, стала выглядывать маленькая, не выше аршина, приземистая березка; но ей было видимо не по себѣ въ этой грязной и мерзлой пустынѣ: она припадала къ землѣ, пригибалась и стлалась по пригоркамъ, точно боясь



Тундра.

выпрямиться и застудиться отъ холоднаго сѣвернаго вѣтра. Не даромъ русскіе зовутъ ее здѣсь „стланкою“.

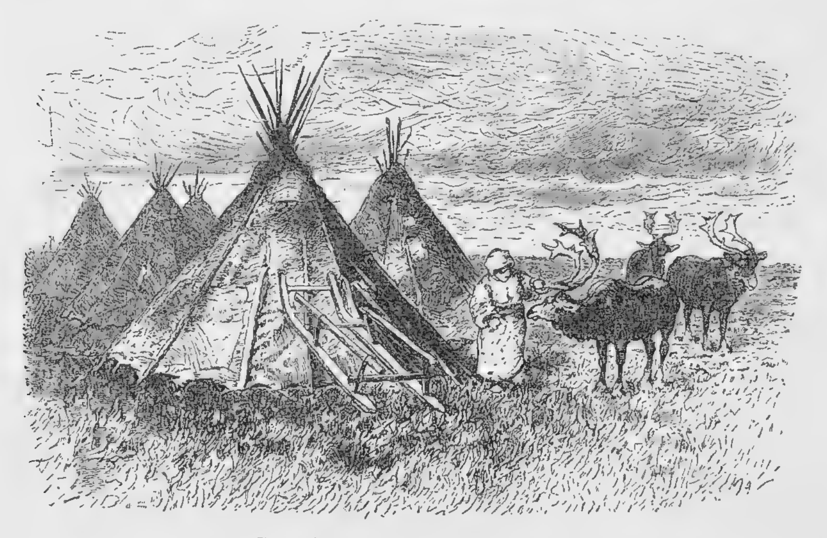
Едва только пахнуло весной и тундра начала обнажаться отъ покрывавшаго ее снѣжнаго покрова, какъ съ юга въ нее потянулись безчисленныя стаи утокъ, гусей, лебедей и многихъ другихъ разнообразныхъ птицъ, которыя въ этихъ дикихъ и привольныхъ мѣстахъ, обильныхъ для нихъ кормомъ, кладутъ свои яйца и выводятъ птенцовъ. Этой птицы здѣсь такое множество, что всѣ озера и болота буквально усѣяны ею, и въ теченіе всего лѣтняго времени въ тундрѣ стонъ стоитъ отъ ихъ крика и шума.

Въ то же самое время, вмѣстѣ съ прилетомъ птицъ, съ сѣвера, изъ океана, потянулись къ протекающимъ по тундрѣ многочисленнымъ рѣкамъ и рѣчкамъ громадныя стада рыбъ. Сперва стали появляться сельди, треска, за ними лососи, осетры. Эти рыбы идутъ къ рѣкамъ въ поискахъ тихихъ, теплыхъ заводей, гдѣ имъ можно было бы выметать икру и дать спокойно выйти изъ нея и подрости маленькимъ рыбкамъ. Слѣдомъ за рыбами, въ надеждѣ на богатую поживу поплыли изъ океана къ берегамъ разные прожорливые морскіе звѣри: тюлени, моржи, бѣлуха...

Но вотъ наступило и лѣто. По берегамъ рѣчекъ запестрѣли лужайки съ яркими цвѣтами, поспѣли ягоды, и вся тундра, насколько хваталъ глазъ, покрылась безконечнымъ ярко-пестрымъ ковромъ, усѣяннымъ безчисленнымъ множествомъ ягодъ всякихъ цвѣтовъ: на кочковатыхъ моховыхъ болотахъ, на сухихъ песчаникахъ, на каменистыхъ холмахъ, покрытыхъ низенькими кустарниками, карликовой березкой и полярной ивой, появились: оранжевая морошка, красная

брусника, синяя голубица и черная вороница... Казалось бы, здѣсь и для человѣка и для звѣря неисчерпаемый источникъ всякаго обилія пищи. Но бѣда въ томъ, что какъ разъ въ это время ни человѣку, ни звѣрю въ тундрѣ жить почти совершенно невозможно: въ теплое лѣтнее время здѣсь тучами кишитъ такое множество комаровъ, оводовъ и мошекъ, что и человѣкъ и звѣрь въ ужасѣ бѣгутъ спасаться отъ нихъ къ берегамъ океана, освѣжаемымъ прохладными отъ плавающихъ въ немъ льдинъ вѣтрами,—тамъ и овода меньше и нѣтъ комаровъ и мошекъ...

Въ началѣ весны Иванъ и Степанъ со своими семьями и стадами оленей кочевали на сѣверѣ Большеземельской тундры, гдѣ занимались ловлею рыбы и птицы; послѣднюю ловили главнымъ образомъ для пера и пуха. Во время этой весенней кочевки у Степана померъ престарѣлый отецъ. Покойника, одѣтаго въ его полную одежду,—въ малицу, совикъ, оленьи штаны, сапоги и оленью шапку,—положили въ одинъ изъ ящиковъ-сундуковъ, въ которыхъ самоѣды хранятъ и перевозятъ свои цѣнныя вещи. Въ этотъ своеобразный гробъ вмѣстѣ съ покойнымъ положили ружье, топоръ, сверло, а также всякой провизіи; затѣмъ гробъ закрыли и поверхъ его



Стойбище самоѣдовъ лѣтомъ.

опрокинули нарты; къ нартамъ приставили одного изъ истуканчиковъ и принесли ему въ жертву оленя, кровью и саломъ котораго обмазали идольчику ротъ и лицо, а все остальное съѣли сами. Рога оленя положили надъ гробомъ покойнаго, подвѣсивъ на веревочкахъ къ ихъ вѣтвямъ нѣсколько маленькихъ колокольчиковъ, которые при малѣйшемъ вѣтеркѣ могли издавать звонъ и отпугивать такимъ образомъ отъ трупа голодныхъ песцовъ и другихъ хищныхъ звѣрей тундры, не брезгающихъ мертвечиной.



Могила самоѣда язычника въ тундрѣ. (Она представляетъ грубо сложенный ящикъ изъ бревенъ, а на шестахъ висятъ приношенія духу покойнаго).

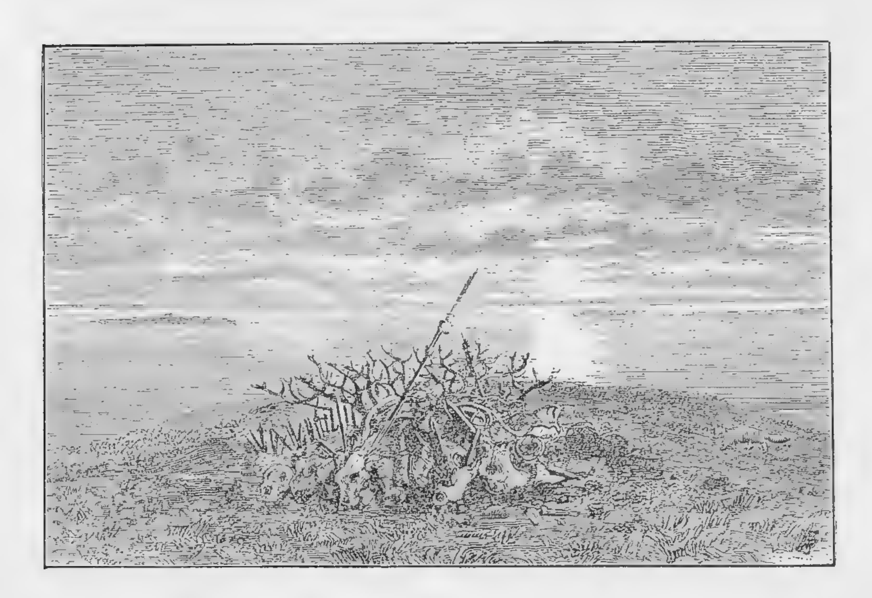
Справивъ такимъ образомъ поминки по покойномъ и оставивъ трупъ его на поверхности земли, самоѣды откочевали далѣе. Но, отправляясь въ путь, Степанъ взялъ изъ-подъ гроба горстку земли, чтобы при случаѣ отвезти ее православному священнику для совершенія надъ нею молитвы и потомъ снова привезти эту землю и положить ее на гробъ.

Когда наступили жары и оставаться долѣе въ глубинѣ тундры отъ мошкары сдѣлалось невозможнымъ, самоѣды перекочевали на берегъ Ледовитаго океана, къ рыбацкимъ шалашамъ Степана, гдѣ у него, какъ у настоящаго рыболова, хранились лодки, разныя рыболовныя принадлежности и даже

снасти для охоты на морскихъ звѣрей. Здѣсь водились тюлени, бѣлухи, а нерѣдко встрѣчались и моржи.

Однажды нашимъ самоѣдамъ особенно посчастливилось въ охотѣ за тюленями. Былъ теплый лѣтній день. Густой туманъ заволакивалъ океанъ. Иванъ сидѣлъ на высокомъ берегу возлѣ своего чума и покуривалъ трубку, какъ вдругъ со стороны океана до его слуха донесся чей-то говоръ. Казалось, будто гдѣ-то недалеко на водѣ находится большая толпа народа съ женщинами и дѣтьми, которую за туманомъ невозможно было разглядѣть. По временамъ слышалось тихое пищаніе ребятишекъ, которыхъ матери ласково старались успокоить, въ то время какъ отцы болѣе грубымъ голосомъ, хотя и сдержанно, покрикивали на нихъ. Отдѣльныхъ словъ разобрать было нельзя, но голоса были слышны явственно. Иванъ сразу же сообразилъ, въ чемъ дѣло, и бросился сообщить о своемъ открытіи остальнымъ самоѣдамъ, и скоро всѣ взрослые мужчины со всего становища, вооружившись особыми палками съ желѣзными крюками на концахъ, сѣли въ свои обшитыя тюленьими шкурами лодочки и отправились въ океанъ. Слѣдуя по направленію долетавшихъ до нихъ голосовъ, они наткнулись на огромную пловучую льдину, и едва къ ней приблизились, какъ подувшій вѣтерокъ разогналъ туманъ, и наши охотники увидали, что бѣлая середина этой льдины была вся усѣяна, словно бисеромъ, какими-то черными точками. Это было громадное стадо тюленей, не подозрѣвавшихъ объ опасности и мирно отдыхавшихъ на вольномъ воздухѣ. Охотники тихонько высадились на льдину въ такомъ мѣстѣ, откуда легко можно было отрѣзать тюленямъ отступленіе къ водѣ: съ двухъ сторонъ льдины высились большія глыбы льда, черезъ которыя тюленямъ на ихъ ластахъ невозможно было перебраться. Окруживъ тюленье стадо полукругомъ, самоѣды начали подползать къ нимъ одновременно съ разныхъ сторонъ и потомъ, разомъ вскочивъ на ноги, бросились на нихъ и стали безпощадно избивать своими палками, стараясь бить ихъ желѣзными наконечниками по носу. Совершенно беззащитные несчастные звѣри, застигнутые врасплохъ, не защищались и только жалобными, почти человѣческими глазами, полными слезъ, смотрѣли на своихъ убійцъ, точно умоляя ихъ о по-

щадѣ. Но самоѣды, конечно, не были расположены къ жалости. Они заботились только объ одномъ: какъ бы побольше набить животныхъ. И дѣйствительно, они уничтожили почти все стадо, состоявшее изъ нѣсколькихъ сотъ головъ; только очень немногимъ удалось уйти въ воду. Послѣ этого охотники тотчасъ же приступили къ обдиранію съ убитыхъ звѣрей шкуръ, которыя снимались вмѣстѣ съ подкожнымъ жиромъ. Нѣсколько разъ приходилось имъ нагружать съ верхомъ свои



Жертвенный холмъ на островѣ Вайгачѣ.

лодки и, съѣздивъ на нихъ къ берегу, снова возвращаться на льдину за новою нагрузкою. Надо было торопиться окончить работу, пока льдину не отнесло далеко въ океанъ.

Годъ выдался для промысловъ очень удачный, и въ теченіе лѣта и осени Иванъ напромышлялъ съ семьей свата столько, что никогда до тѣхъ поръ о такомъ прибыльномъ промыслѣ ему и не мечталось.

Но, выполняя совѣтъ „Оленьяго-Глаза“, Иванъ не забылъ съѣздить и на о. Вайгачъ и принести въ жертву Весаку и Ходоко по бѣлому оленю. Вайгачъ находился не особенно

далеко отъ того мѣста, гдѣ промышляли самоѣды, а отъ материка отдѣлялся только небольшимъ проливомъ, называемымъ Югорскимъ Шаромъ, шириною всего около 10 верстъ.

Съ этихъ поръ Иванъ сталъ каждое лѣто промышлять вмѣстѣ со своимъ сватомъ, который былъ гораздо опытнѣе его и лучше его зналъ, какъ вѣдаться съ русскими кулаками и съ барышниками изъ печорскихъ зырянъ.





Вогулы.

Вогулы принадлежатъ къ финскому племени; они когда-то были большимъ народомъ и занимали всю западную часть нынѣшней Тобольской губерніи, а также восточную часть Пермской, то-есть всю мѣстность, находящуюся между Уральскими горами и рѣками Обью, Иртышемъ, Тоболомъ и Исетью.

Впервые знакомство русскихъ съ вогулами началось въ началѣ XV столѣтія, а въ серединѣ этого столѣтія русскіе предпринимали противъ вогуловъ уже не мало походовъ съ цѣлью покоренія ихъ. Особенно большой походъ противъ вогуловъ былъ предпринятъ въ 1499 году; 5-ти-тысячный отрядъ, перейдя на лыжахъ черезъ Уральскія горы и двигаясь далѣе на оленяхъ и собакахъ, завоевалъ 40 укрѣпленныхъ мѣстечекъ и взялъ въ плѣнъ около 50 вогульскихъ князей. Послѣ этого вогулы присягнули на вѣрность Россіи и дали клятву платить ясакъ (подать, собираемую натурой, преимущественно мѣхами).

Но и послѣ этого бунты и возстанія отдѣльныхъ вогульскихъ князей противъ русскаго владычества не прекращались вплоть до XVII столѣтія.

Изъ многочисленныхъ отдѣльныхъ вогульскихъ княжествъ наиболѣе сильнымъ было княжество Кондійское, находившееся въ мѣстности рѣки Конды. До сихъ поръ въ полномъ титулѣ русскихъ государей имѣется, между прочимъ, и титулъ „Князь Кондійскій“.

Вогулы, жившіе ближе къ Уралу, почти совсѣмъ исчезли или смѣшались съ русскими и обрусѣли. Кондійскіе же и сосьвинскіе (Сосьва — лѣвый притокъ Оби, значительно сѣвернѣе Иртыша) вогулы, больше всѣхъ удаленные отъ сосѣдства съ русскими, еще и до сихъ поръ уцѣлѣли и сохранили свой языкъ, свои нравы и обычаи и даже донынѣ придерживаются своихъ прежнихъ вѣрованій, хотя всѣ они и крещены въ православную вѣру уже около двухсотъ лѣтъ тому назадъ.

Рѣка Конда, одинъ изъ самыхъ большихъ притоковъ Иртыша, вытекаетъ изъ болотъ, неподалеку отъ Уральскихъ горъ, течетъ сначала на полдень, потомъ поворачиваетъ на востокъ и, сдѣлавъ полукругъ болѣе, чѣмъ въ 800 верстъ, снова устремляется на сѣверъ и вливается въ Иртышъ, недалеко отъ его устья. Все это огромное пространство, извѣстное нынѣ подъ общимъ названіемъ *Конда,* представляетъ изъ себя большую тайгу съ непроходимыми лѣсами, неизмѣримыми тундровыми болотами и лѣсными топями, громадными озерами и множествомъ рѣчекъ.

Лѣса въ этой тайгѣ болѣе всего хвойные: сосна, ель, пихта, лиственница, кедръ; изъ лиственныхъ деревьевъ здѣсь встрѣчаются: береза, осина, ива, осокорь; изъ ягодныхъ растеній: рябина, калина, черемуха, смородина, клюква, черника и въ громадномъ количествѣ брусника.

Изъ звѣрей на Кондѣ водятся: лось, олень, соболь, выдра, бобръ, красная и чернобурая лисица, бѣлка, горностай, сибирскій хорекъ, ласка, росомаха, рысь, медвѣдь, волкъ; изъ рыбъ въ рѣкахъ: щука, язь, окунь, ершъ, чебакъ, налимъ, а въ озерахъ — карась. Красной рыбы въ Кондѣ нѣтъ; она ловится только около устья этой рѣки, и лишь изрѣдка заходитъ въ ея вершины нельма. Красная рыба не заходитъ въ эту рѣку, должно быть, потому, что вода въ ней для нея неподходяща: въ мѣстности Конды находится такое громадное количество болотной желѣзной руды, что даже цвѣтъ воды въ рѣкѣ краснобурый повсюду, до самаго устья.

Вогулы живутъ въ юртахъ, небольшими поселками, даже въ три, въ четыре юрты. Населеніе чрезвычайно рѣдкое, одинъ пауль, — какъ на Кондѣ называются эти поселки, — отстоитъ отъ другого часто на многіе десятки верстъ.

Познакомившись съ русскими, богатые вогулы начинаютъ замѣнять свои юрты пятистѣнными избами, съ обыкновенными русскими печами, такъ какъ эти печи болѣе удобны и даютъ больше тепла. Впрочемъ, печи эти устраиваются только для тепла и для печенія хлѣбовъ; мясо же и рыбу варятъ все-таки въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ, въ огромныхъ котлахъ, большими кусками; при томъ варятъ его обыкновенно безъ всякихъ приправъ, кромѣ соли, да и та не всегда случается. Зимой мяса бываетъ много или оленьяго, или лосинаго; лѣтомъ же ѣдятъ мясо сушеное, заготовленное съ зимы, а также дикую птицу и рыбу.

Хлѣбъ вогулы покупаютъ всегда въ мукѣ, потому что у нихъ нѣтъ мельницъ; ячмень же и другія крупы раздробляютъ маленькими ручными жерновами.

Самоваръ у вогуловъ есть почти въ каждой юртѣ и у богатыхъ и бѣдныхъ. Чай пьютъ кирпичный, а за неимѣніемъ его, пьютъ иногда настой нѣкоторыхъ лѣсныхъ травъ.

Огонь вогулы добываютъ посредствомъ кремня и огнива; впрочемъ, у богатыхъ всегда можно найти и спички. Жилище освѣщается лучиной.

Посуда вогуловъ вся или деревянная, или берестяная, самой незатѣйливой работы и безъ всякихъ украшеній. Издѣлій изъ глины и металловъ у нихъ нѣтъ, если не считать грубо отлитыхъ изъ олова перстней и колецъ да пуль для ружей. Единственная металлическая кухонная посуда вогуловъ большіе чугунные котлы для варки пищи привозные, русскаго изготовленія. Кузнецовъ среди нихъ нигдѣ нѣтъ.

Въ настоящее время вогулы совершено перестаютъ носить свою дѣдовскую одежду; теперешняя ихъ одежда почти ничѣмъ не отличается отъ русской. Мужчины носятъ покупные бараньи полушубки или армяки и пальто, ситцевыя рубахи и холщевые штаны, и только зимой въ морозы надѣваютъ малицы—шубы изъ оленьихъ шкуръ, мѣхомъ наружу; женщины же одѣваются въ платья. Украшеній ни мужчины, ни женщины не носятъ никакихъ, развѣ только самодѣльныя оловянныя кольца. Но это не значитъ, что вогулки не любятъ наряжаться, а просто имъ не во что наряжаться и негдѣ взять украшеній.

Мужчины стригутъ волосы въ кружокъ, какъ наши крестьяне; женщины носятъ косы. Впрочемъ, у вогуловъ, живущихъ нѣсколько далѣе къ сѣверу, на рѣкѣ сѣверной Сосьвѣ, мужчины тоже носятъ косы, но на Кондѣ этого обычая теперь уже нѣтъ.

Зимою, для хожденія по глубокому снѣгу на лыжахъ вогулы на ноги надѣваютъ саки—въ родѣ крестьянскихъ обутокъ съ подшитыми портянками изъ оленьей шкуры, мѣхомъ наружу; лѣтомъ же, для хожденія по болотамъ, вогулы носятъ бродни съ длинными кожаными голенищами. Любопытна у вогуловъ одежда изъ утичьихъ шкурокъ, очень легкая и теплая, но не особенно прочная; шкурки эти выдѣлываются особеннымъ способомъ, при чемъ крупныя перья выщипываются, и остается одинъ только пушокъ, такъ что трудно и распознать, что одежда сдѣлана не изъ мѣха.

Женщины у вогуловъ обыкновенно дѣлаютъ всѣ домашнія работы: онѣ рубятъ дрова, косятъ и возятъ сѣно, ходятъ за домашнимъ скотомъ, стряпаютъ пищу, — словомъ, вѣдаютъ все хозяйство. Вогулъ — охотникъ и, кромѣ своихъ промысловъ, ничего знать не хочетъ.

Нравомъ вогулъ кротокъ, незлобивъ, довѣрчивъ и разговорчивъ, но съ посторонними людьми избѣгаетъ говорить о своей домашней жизни, особенно о своихъ прежнихъ, завѣтныхъ вѣрованіяхъ. Ссоры между вогулами бываютъ довольно часты, но до драки дѣло доходитъ очень рѣдко, а убійствъ почти никогда не бываетъ. Въ сношеніяхъ съ русскими вогулъ выглядитъ обыкновенно робкимъ и запуганнымъ, боится всякаго громкаго окрика, сердитаго взгляда; но на охотѣ онъ удивительно выносливъ, мужественъ и смѣло идетъ со своимъ кремневымъ ненадежнымъ ружьемъ одинъ-на-одинъ на медвѣдя. Почетъ среди вогуловъ пріобрѣтается удачей въ охотѣ, и про хорошаго охотника слава идетъ далеко.

Въ домашней жизни вогулы неопрятны; въ особенности неопрятна бываетъ кухонная посуда и одежда, но юрты свои они держатъ довольно чистенько и часто моютъ.

Изъ болѣзней болѣе всего у нихъ бываютъ болѣзни живота,—должно быть, отъ глистовъ, оттого что они ѣдятъ сырое мясо, — а также болѣзни глазъ, и среди вогуловъ встрѣ-

чается много близорукихъ и даже совсѣмъ слѣпыхъ. Глаза у нихъ болятъ оттого, что они лѣтомъ постоянно бываютъ въ дыму, которымъ отгоняютъ комаровъ.

Въ прежнее время, до знакомства съ русскими, вогулы жили гораздо лучше и богаче, да и народу тогда у нихъ было больше. Въ 1892 г. во всей Шаимской волости, напримѣръ, было всего на все 314 душъ обоего пола, а между тѣмъ по книгамъ Шаимской церкви значится, что еще въ 1880 году ихъ было 349; значитъ, за 12 лѣтъ вогуловъ не только не стало больше, но ихъ еще убавилось на 35 человѣкъ. Если дѣло пойдетъ такъ и дальше, то очень можетъ быть, что скоро вогулы совсѣмъ перемрутъ.

Въ вогульскихъ урманахъ.

(Изъ жизни вогуловъ).

I.

Почувствовавъ приближеніе родовъ, Наталья, жена Федора, шепнула что-то на ухо старой Марьѣ, вмѣстѣ съ нею ушла изъ юрты въ хлѣвъ и тамъ разрѣшилась отъ бремени мальчикомъ.

Мужъ и старый Гаврило, сообразивъ, въ чемъ дѣло, сдѣлали видъ, что ничего не замѣчаютъ. Говорить о происходящемъ, по понятію вогуловъ, было бы неосторожно: это привлекло бы вниманіе Куля, злого духа, который могъ бы причинить вредъ и матери, и ребенку.

Несмотря на холодную, еще раннюю весну, Наталья должна была оставаться въ хлѣву вмѣстѣ съ телятами и ягнятами въ теченіе нѣсколькихъ дней, рискуя простудить и себя и новорожденнаго. Женщина въ первые дни послѣ родовъ считается у вогуловъ поганой и не должна въ это время находиться въ жилой юртѣ: нога ея можетъ осквернить и испортить всѣ тѣ предметы, на которые наступитъ или черезъ которые перешагнетъ, — эти предметы привелось бы предать сожженію.

И только когда Наталья совсѣмъ уже оправилась, Федоръ пошелъ къ ней въ хлѣвъ и окурилъ ее тамъ бобровой струей, послѣ чего она вернулась съ новорожденнымъ сыномъ въ юрту и снова стала заниматься своими обычными домашними работами.

Сначала Наталья думала, что колыбельку и этого ея ребенка, какъ прежнихъ, бывшихъ у нея двухъ, тоже скоро

придется повѣсить на старый священный кедръ, уже сверху донизу увѣшанный колыбельками другихъ, умершихъ въ этомъ паулѣ (поселкѣ) дѣтей, но новорожденный, къ ея радости, оказался живучимъ. Онъ стойко переносилъ первые дни своего суроваго существованія, и его нѣжный, но здоровый организмъ удачно боролся со всѣми невзгодами, выпавшими на его долю.

По случаю рожденія сына, Федоръ принесъ курицу и пѣтуха въ жертву своему домашнему шайтану, стоявшему въ ящикѣ, въ углу его юрты, и представлявшему изъ себя куклу, сшитую изъ тряпокъ. Федоръ вынулъ его изъ ящика, поставилъ передъ порогомъ своей юрты, дико прокричалъ передъ нимъ нѣсколько заклятій и воткнулъ ножъ въ темя сначала пѣтуха, потомъ курицы. Кровь этихъ животныхъ онъ выпустилъ въ подставленную чашку и, старательно вымазавъ ею ротъ и лицо у истукана, помазалъ этою кровью также лобъ и щеки у своего новорожденнаго сына. Это должно было принести ему здоровье. Остатки крови онъ частію выпилъ, частію вылилъ въ рѣку въ даръ водяному шайтану.

Мать до безумія любила своего малютку и всячески оберегала его отъ всего, что, по ея мнѣнію, могло причинить ему вредъ. Когда наступили лѣтнія жары, и въ тайгѣ появилось безчисленное множество комаровъ и мошекъ, не дававшихъ покоя ни одному живому существу, она дни и ночи держала подъ колыбелью своего сына дымящуюся жаровню съ тлѣвшимъ въ ней коровьимъ пометомъ, точно коптила окорокъ. Но другого средства отгонять отъ колыбели докучливыхъ насѣкомыхъ она не знала.

Трудновато было малюткѣ дышать дымомъ, который къ тому же ѣлъ ему глаза, но изъ двухъ золъ приходилось выбирать меньшее: или быть заживо заѣденнымъ комарами и мошками, или же привыкать къ дыму, задыхаясь въ его облакахъ. А когда измученный ребенокъ пересталъ брать у матери грудь, Наталья не на шутку перепугалась и съ великимъ усердіемъ начала накачивать его сырымъ коровьимъ молокомъ, постоянно нацѣживая его ему въ ротъ сквозь грязную прокисшую соску. И такъ какъ отъ этого у ребенка не сталъ

варить желудокъ, и онъ постоянно ходилъ подъ себя, такъ что мохъ въ его колыбелькѣ былъ вѣчно мокрый, то сердобольная мать еще съ большимъ стараніемъ стала топить его въ молокѣ, недоумѣвая, отчего это оно проходитъ у него насквозь, какъ она жаловалась Марьѣ. Она боялась, какъ бы ребенокъ не померъ съ голоду.

Однако, несмотря на всѣ эти нѣжныя материнскія заботы, ребенокъ все-таки остался живъ, а осенью, когда наступило холодное время, и мошки и комары исчезли, онъ и совсѣмъ оправился и началъ рѣзво ползать по грязному полу юрты, на радость и утѣшеніе Натальи и Федора.

II.

Пауль, гдѣ жилъ Федоръ съ семьей, какъ и всѣ вообще вогульскіе поселки, былъ небольшой; онъ состоялъ всего изъ пяти-шести юртъ съ населеніемъ не болѣе 20 душъ.

Юрта Федора представляла изъ себя большую четырехстѣнную избу, съ настланнымъ на самой землѣ поломъ и раздѣленную вдоль досчатою перегородкою на двѣ половины: одна половина служила кухней, и въ ней находился чувалъ (камелекъ), въ которомъ былъ вмазанъ большой чугунный котелъ, служившій и для варки пищи, и для стирки бѣлья, и для мытья ребятъ, и для нѣкоторыхъ другихъ надобностей; другая же половина была жилой. По стѣнамъ этой послѣдней тянулись широкія нары для спанья и для сидѣнья.

Передъ входомъ въ юрту были устроены крытыя сѣни, въ которыхъ были развѣшаны рыболовныя сѣти, луки, самострѣлы и другія принадлежности охоты и рыбной ловли.

Земледѣлія вогулы не знаютъ и живутъ исключительно охотой и рыбной ловлей.

Неподалеку отъ юрты стояло нѣсколько свайныхъ амбарушекъ, въ которыхъ хранились рыба, мясо и шкуры убитыхъ звѣрей. Каждая свая посрединѣ была подрублена такимъ родомъ, что мышь или крыса никоимъ образомъ по ней не могла проникнуть во внутренность помѣщенія.

Тутъ же стояло нѣсколько крытыхъ хлѣвовъ и сарайчиковъ для защиты скота отъ зимнихъ морозовъ и вьюги.



Въ вогульскомъ паулѣ.

Ни двора, ни ограды вокругъ юрты Федора, равно какъ и вокругъ юртъ другихъ вогуловъ, не было, и всѣ строенія были разбросаны среди урмана *) безъ всякаго плана и порядка, на берегу одного изъ верхнихъ притоковъ рѣки Конды въ Пермской губерніи.

Окруженные со всѣхъ сторонъ неопроходимыми лѣсными топями и болотами, жители этого пауля лѣтомъ могли сообщаться съ остальнымъ міромъ только рѣкой на своихъ небольшихъ лодочкахъ, а зимою или на лыжахъ, или на собакахъ, запрягаемыхъ въ легонькія нарты (санки на высокихъ копыльяхъ). Впрочемъ, зимою можно было сообщаться еще и на лошадяхъ по льду рѣки, но такъ какъ лошади у вогуловъ большая рѣдкость, то постояннаго санняго пути здѣсь не существовало.

Въ семействѣ Федора, кромѣ его жены Натальи съ новорожденнымъ, былъ еще престарѣлый, полуслѣпой старикъ Гаврило, отецъ Натальи, да старая родственница Федора, Марья, одинокая бобылка.

На слѣдующую весну, вскорѣ послѣ Пасхи, когда рѣки вскрылись и очистились отъ льда, въ пауль пріѣхалъ на лодкѣ священникъ съ иконами. Священникъ дѣлалъ свои объѣзды по обширному, но малонаселенному приходу одинъ разъ въ годъ и во время этого объѣзда онъ исправлялъ различныя требы среди вогуловъ, которые съ давнихъ поръ считаются всѣ православными.

Узнавъ заранѣе о томъ, что бачько ѣдетъ по приходу, Федоръ спряталъ подальше отъ его глазъ своего шайтана, такъ какъ боялся показывать его священнику.

— Бачько ѣздитъ по приходу со своими шайтанами и сильно бранится, когда находитъ въ юртахъ нашихъ шайтановъ, говорили вогулы про священника.

Они не понимали различія между православными иконами и тѣми шайтанами, которыхъ дѣлали сами.

На этотъ разъ священникъ окрестилъ у Федора и его новорожденнаго сына и назвалъ его Степаномъ. Въ благодарность за эту требу Федоръ далъ ему соболя и рубль денегъ.

---

*) Сосновый лѣсъ, боръ.

Кромѣ того, онъ надѣлилъ его нѣсколькими десятками паръ дикихъ утокъ, которыхъ священникъ собиралъ у вогуловъ вмѣсто руги.

Федоръ, какъ и вообще всѣ вогулы, охотно молился и кланялся православнымъ иконамъ и удивлялся только одному, почему это бачько не позволяетъ приносить въ жертву иконамъ животныхъ. Онъ былъ убѣжденъ, что такія жертвы были бы имъ гораздо пріятнѣе, чѣмъ однѣ только восковыя свѣчки, которыя заставлялъ ихъ покупать и зажигать передъ иконами священникъ. Въ переднемъ углу юрты Федора стояла икона Николая чудотворца, и Федоръ, несмотря на запрещеніе священника, не разъ уже приносилъ передъ нею въ жертву бѣленькаго барашка, жиромъ и кровью котораго былъ измазанъ весь ликъ на изображеніи чудотворца. Недоумѣвалъ также Федоръ и передъ тѣмъ, зачѣмъ бачько не велитъ вогуламъ кланяться ихъ собственнымъ шайтанамъ. Ему казалось, что бачько это дѣлаетъ просто изъ собственной корысти, чтобы продать побольше восковыхъ свѣчей.

Когда Великимъ постомъ ходилъ по паулямъ десятникъ и отъ имени священника приказывалъ вогуламъ итти въ сельскую церковь для говѣнія, Федоръ былъ единственный человѣкъ въ паулѣ, который всегда охотно исполнялъ это приказаніе. Это для него былъ своего рода праздникъ. Онъ зналъ, что въ селѣ, гдѣ была церковь, всегда можно было у мѣстнаго русскаго торговца, тайно промышлявшаго водкой, достать этой влаги, до которой всѣ вогулы большіе охотники. А кромѣ того, его очень занимала церковная служба. Подвыпивши и набравъ полную горсть восковыхъ свѣчекъ, онъ переходилъ во время службы по церкви съ мѣста на мѣсто, считая своей непремѣнной обязанностью водрузить свѣчу передъ каждою иконой, чтобы ни одной изъ нихъ не было обидно. Обдѣливъ такимъ образомъ всѣхъ святыхъ, онъ ждалъ случая, когда зазѣвается священникъ, чтобы проникнуть въ алтарь, и тамъ тоже поставить по свѣчкѣ передъ каждою иконою. И какъ ему иногда ни попадало отъ священника, запрещавшаго входить въ алтарь, но это мало на него дѣйствовало. Ему казалось, что если онъ которую-нибудь изъ иконъ обидитъ и не поставитъ передъ нею свѣчу или, по крайней

мѣрѣ, на время не дастъ ей погорѣть передъ нею, то святой этотъ осердится и будетъ чинить ему всякія неудачи на охотѣ.

Не понимая смысла церковной службы, онъ интересовался, конечно, только видимой, обрядовой ея стороной. Его занимала и одежда, въ которую облекался священникъ, и кадило, которымъ онъ кадилъ по церкви ладаномъ, и выходъ съ дарами. Но въ особенности ему казалось любопытнымъ, когда псаломщикъ сказывалъ среди церкви Апостола своимъ громкимъ, все болѣе и болѣе возвышающимся голосомъ. Вмѣстѣ съ другими вогулами онъ старался во время этого чтенія зайти передъ нимъ впередъ и съ любопытствомъ заглядывалъ ему въ ротъ, удивляясь его громкому голосу и дѣлая иногда вслухъ свои замѣчанія. Однако, самымъ интереснымъ изъ всей службы ему казался звонъ колоколовъ. Да и всѣ вогулы были большіе охотники до колокольнаго звона, и если только имъ удавалось проникнуть на колокольню, они поднимали тамъ такой трезвонъ, что можно было опасаться за цѣлость колоколовъ. Поэтому священникъ отдалъ приказъ трапезнику не пускать прихожанъ на колокольню. Но Федоръ и тутъ ухитрялся уловить минуту и, добравшись до самаго большого колокола, принимался зажаривать въ него съ такимъ усердіемъ, точно на пожаръ.

Такъ какъ священникъ запрещалъ приносить иконамъ кровавыя жертвы и мазать ихъ саломъ и кровью жертвенныхъ животныхъ, то Федоръ иногда украдкою приводилъ къ церковной оградѣ оленя и, привязавъ его къ ней, оставлялъ въ даръ святымъ. За это бачько не былъ въ претензіи и не только не воспрещалъ вогуламъ дѣлать это, но, наоборотъ, даже поощрялъ къ такимъ жертвамъ, потому что всѣ онѣ шли въ пользу причта.

Въ этомъ собственно и заключался для Федора и другихъ вогуловъ весь смыслъ христіанской религіи.

Но, кромѣ этой вѣры, у нихъ была еще другая, скрываемая ими отъ священника, который преслѣдовалъ ихъ за нее, какъ за отступничество отъ православія, и грозилъ судомъ.

III.

Для маленькаго Степана было труднѣе всего пережить тотъ нѣжный возрастъ, когда онъ былъ груднымъ ребенкомъ и когда мать усердствовала не по разуму, оберегая его отъ всякихъ болѣзней и напастей. Но съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ самостоятельно подниматься на ноги, когда пересталъ нуждаться въ материнской груди и въ рожкѣ и когда мать стала меньше обращать на него вниманія, для него уже легче стало бороться за свое существованіе.

Къ десяти годамъ Степанъ превратился въ шустраго и расторопнаго мальчугана, научился прекрасно стрѣлять изъ своего маленькаго дѣтскаго лука въ сорокъ и даже бѣлокъ, умѣлъ ставить слобцы (западни) на птицъ и управлять лодкой. Во всемъ паулѣ у него было только два сверстника: сынъ сосѣда, Петруха, да другой мальчикъ Тимоха, сынъ вдовы. Дѣтей у вогуловъ вообще очень мало; они умираютъ чаще всего грудными.

Трое пріятелей были почти неразлучны; лѣтомъ они вмѣстѣ собирали ягоды въ окружающемъ урманѣ, главнымъ образомъ, чернику и бруснику, которыя росли здѣсь въ изобиліи; осенью лазили на кедры и доставали орѣховыя шишки; зимой бѣгали на лыжахъ и съ помощью собакъ, которыхъ у вогуловъ, какъ у охотниковъ, всегда имѣются цѣлыя своры, выслѣживали и ловили зайцевъ, а иногда и лисицъ; весной плавали на лодкахъ по сосѣднимъ озерамъ, отыскивали и приносили во множествѣ утичьи и гусиныя яйца или же ловили пленками дикихъ утокъ.

Ловля пленками утокъ не представляетъ никакой трудности и заключается въ слѣдующемъ. Среди какого-либо озера вбиваютъ нѣсколько кольевъ такъ, чтобы изъ нихъ вышелъ кругъ; затѣмъ на эти колья натягиваютъ веревку вершковъ на шесть, на семь отъ поверхности воды; къ этой веревкѣ прицѣпляютъ сплошь рядъ петель, сдѣланныхъ изъ тонкихъ волосяныхъ нитей (пленокъ). Въ серединѣ круга привязываютъ для приманки живую утку или даже чучело. Табунъ утокъ, завидя свою подругу, садится подлѣ нея среди

круга, а охотники издали начинають тихонько подплывать къ нимъ на лодкахъ. Утки прежде чѣмъ вспорхнуть стараются удалиться отъ охотниковъ вплавь и попадаютъ головами въ петли, въ которыхъ и запутываются; охотнику же только остается, приблизившись на лодкѣ, вынимать ихъ изъ петель.

Такихъ круговъ на озерѣ дѣлается множество, и въ продолженіе весны и осени вогулы этимъ способомъ ловятъ утокъ сотнями. Мясо ихъ идетъ въ пищу, а изъ шкурокъ нѣкоторыхъ породъ утокъ дѣлается одежда, отличающаяся легкостью и теплотой, хотя и не особенно прочная.

Такъ какъ такая охота не требуетъ никакой особенной ловкости и не представляетъ опасности, то ею занимаются преимущественно дѣти, и нашимъ тремъ пріятелямъ во время перелета утокъ работы было всегда по горло.

Въ долгіе зимніе вечера, когда старшіе охотники уходили въ урманъ промышлять звѣрей и пропадали тамъ по недѣлямъ, а дома оставались только женщины и дѣти, наши три пріятеля любили слушать сказки и разсказы стараго дѣда Гаврилы, въ особенности про старину и про происхожденіе земныхъ тварей. Такъ, о происхожденіи собаки они узнали отъ него слѣдующую легенду. Собака умѣла когда-то говорить по-человѣчьи. Тормъ, творецъ міра, создавая собаку, назначилъ ее быть помощницей человѣку и научилъ ее, какъ владѣть лукомъ и стрѣлами. Но Тормчукъ, мать Торма, отсовѣтовала своему сыну давать такую искусную помощницу человѣку, говоря, что если собака будетъ дѣлать все за человѣка, то онъ излѣнится и возгордится. И тогда Тормъ отнялъ у собаки лукъ и стрѣлы и способность говорить и оставилъ ее служить человѣку безо всего этого. Съ тѣхъ поръ собака, хотя и не говоритъ, но вполнѣ понимаетъ человѣческую рѣчь.

Вообще старый дѣдъ не упускалъ ни одного случая, чтобы не разсказать дѣтямъ о происхожденіи звѣрей, птицъ, рыбъ и самихъ боговъ. Такъ, дѣти узнали отъ него, что боговъ много; одни изъ нихъ бываютъ добрыми, другіе злыми. Добрые боги помогаютъ человѣку въ его предпріятіяхъ, злые же тормозятъ ему во всемъ. Но какъ тѣмъ, такъ и другимъ богамъ необходимо приносить жертвы; однимъ, чтобы они еще болѣе помогали, другимъ, чтобы не вредили. Каждый

урманъ, каждая рѣчка, каждый пауль и даже каждая юрта, по словамъ дѣда, имѣютъ своихъ особыхъ покровителей, которые называются шайтанами. Изображеніе этихъ шайтановъ можетъ сдѣлать всякій самъ и приносить имъ жертвы. Но если эти домашніе шайтаны, несмотря на жертвы, не станутъ помогать, то ихъ можно даже наказывать розгами, чтобы они впередъ были болѣе внимательными и исполняли то, о чемъ ихъ просятъ и за что имъ приносятъ жертвы.

Но больше всего дѣти любили слушать разсказъ дѣда о происхожденіи медвѣдя. Медвѣдь былъ когда-то сыномъ самого Торма и жилъ вмѣстѣ съ нимъ на небесахъ. Но потомъ отецъ спустилъ его на землю и заставилъ творить правду и судъ надъ людьми. Однако, живя на землѣ, медвѣдь самъ сталъ впадать въ разныя прегрѣшенія, и за это Тормъ дозволилъ людямъ убивать его. Но убить медвѣдя можетъ только человѣкъ, не преступающій велѣній Торма. Злой и несправедливый человѣкъ не долженъ и пытаться ходить на охоту на медвѣдя, иначе онъ его задеретъ. Медвѣдь все знаетъ, все слышитъ и все видитъ, когда во время долгой зимы спитъ въ своей берлогѣ; онъ дѣлается слѣпымъ и перестаетъ отличать добро отъ зла, только когда выходитъ изъ своей берлоги, просыпается отъ своей зимней спячки.

Поэтому, чтобы не обращать на себя вниманіе медвѣдя, вогулъ никогда не назоветъ его по имени, а говоритъ про него „онъ“, „старикъ“.

IV.

Когда Степану было уже 15 лѣтъ, его дѣдъ, старый Гаврило, померъ. Федоръ сколотилъ гробъ, куда положили покойника. Наталья напекла разныхъ кушаній, которыя покойный любилъ при жизни. По вѣрованію вогуловъ, душа умершаго должна совершить очень большое путешествіе, прежде чѣмъ достигнуть своего будущаго подземнаго жилища, и для столь дальней дороги нуждается въ большомъ запасѣ провизіи. Поэтому Наталья наварила оленьяго мяса, рыбы, зажарила тетерева, нѣсколько рябчиковъ и проч., словомъ, приготовила всѣ тѣ блюда, какія только умѣла. Каждое изъ этихъ

блюдъ она поочередно приносила и ставила на столъ, на которомъ лежалъ гробъ съ умершимъ. Федоръ отъ каждаго изъ нихъ отдѣлялъ по кусочку и клалъ эти кусочки въ гробъ покойнаго. Когда всѣ блюда были переношены, онъ влилъ въ гробъ, за неимѣніемъ водки, нѣсколько рюмокъ самосадки, нарочно для этой цѣли приготовленной изъ ячменя; затѣмъ положилъ туда же трубку умершаго, табакъ, кремень и огниво, а также нѣсколько мѣдныхъ монетъ, — все это должно было пригодиться старому Гаврилѣ въ его дальней дорогѣ. Послѣ этого крышка гроба была заколочена, и Федоръ начертилъ на ней сверху мѣломъ какіе-то символическіе круги и знаки. Затѣмъ гробъ три раза приподняли на порогѣ до самаго потолка и вынесли изъ юрты. Поставивъ гробъ около входа, хозяева вернулись обратно и начали производить въ юртѣ невообразимый шумъ, крикъ, звонъ въ колоколецъ, стали перетряхивать все имущество, стучать во всѣхъ углахъ. Все это дѣлалось для того, чтобы выгнать изъ юрты смерть, которая могла послѣ покойника запрятаться гдѣ-либо въ юртѣ.

Наконецъ, юрту окурили пихтой и только послѣ того, какъ убѣдились, что ни въ одномъ изъ ея угловъ смерть не могла уже запрятаться, гробъ подняли снова и понесли на кладбище.

Кладбище находилось недалеко отъ пауля, среди урмана, на высокомъ, веселомъ мѣстѣ. Тамъ были похоронены предки Федора и его односельчане. Надъ каждою могилою былъ поставленъ небольшой деревянный памятникъ, въ видѣ маленькой юрты, изукрашенной рѣзьбой, и около каждаго такого памятника лежало или весло если покойный былъ мужчина, или корыто, если была похоронена женщина.

Среди кладбища была вырыта свѣжая могила, въ которую и опустили гробъ съ останками стараго Гаврилы.

Зарывъ тѣло покойнаго въ землю, вогулы принесли на кладбище, къ его могилѣ, остатки напеченыхъ кушаній и самосадки, сѣли въ кружокъ и начали справлять поминки. А вечеромъ, возвращаясь съ поминокъ домой, развели передъ юртой, гдѣ лежало тѣло покойнаго, очистительный огонь, черезъ который каждый изъ присутствовавшихъ на похоронахъ долженъ былъ перепрыгнуть и, кромѣ того, перебросить черезъ свою голову собаку.

Когда все это было выполнено, у порога юрты понатыкали рукоятками въ землю ножи, топоры, копья и стрѣлы, чтобы смерть, въ случаѣ, если бы она вздумала вернуться, напоролась на остреė разставленныхъ предметовъ. Наконецъ, полъ во всѣхъ комнатахъ усыпали ячменемъ въ знакъ того, что здѣсь благоденствіе и изобиліе плодовъ земныхъ и, стало-быть, смерти тутъ нечего дѣлать.

По случаю смерти своего отца, Наталья, въ знакъ траура, подвязала на правую ногу черную ленту, которую должна была носить до тѣхъ поръ, пока та не спадетъ сама собой.

V.

Степану было уже 19 лѣтъ, когда Федоръ сталъ пріучать его къ настоящей охотѣ за звѣрями. До сихъ поръ онъ не бралъ его съ собой въ урманъ по зимамъ потому, что не было лишняго ружья, и достать его въ тайгѣ было не у кого. Но когда Степанъ выросъ и возмужалъ, пріобрѣсть ружье для него сдѣлалось необходимымъ. И ружье было найдено въ одномъ изъ паулей у вдовой вогулки, у которой оно лежало безъ употребленія послѣ смерти ея мужа. Правда, ружье было старое, кремневое, но другихъ ружей у вогуловъ и не существовало.

Когда настала осень, рѣки и озера покрылись льдомъ, и выпалъ снѣгъ, Федоръ со Степаномъ стали готовиться къ зимней охотѣ.

Но прежде чѣмъ итти на охоту, надо было сначала принести жертву покровителю охоты, Толяхъ-хуму, изображеніе котораго находилось въ одной изъ священныхъ рощъ въ вотчинѣ Федора. Каждую осень, отправляясь на охоту, Федоръ со своими односельцами приносили этому шайтану въ жертву оленя. Но на этотъ разъ жертва требовалась болѣе цѣнная, такъ какъ надо было умилостивить Толяхъ-хума, чтобы онъ во всей дальнѣйшей жизни оказывалъ помощь и покровительство молодому охотнику Степану.

Самою цѣнною жертвой шайтанамъ считалась сивая лошадь, но разыскать такую лошадь было нелегко. Лошадей въ тайгѣ у вогуловъ вообще мало, а сивыхъ и тѣмъ менѣе, по-

тому что онѣ считаются священными; спросъ на нихъ среди вогуловъ очень большой, и цѣнятся онѣ чрезвычайно дорого. Однако, все-таки Федору удалось разузнать, что въ одномъ изъ паулей у русскаго поселенца есть такая лошадь. Онъ съѣздилъ въ этотъ пауль, купилъ сивку и привелъ его съ собой, а по пути захватилъ также и шамана, который долженъ былъ исполнить обрядъ жертвоприношенія.

И вотъ, однажды, всѣ взрослые мужчины, а въ томъ числѣ и Степанъ со своими двумя пріятелями, которые начали ходить звѣровать въ урманъ немного ранѣе его, захвативъ сивку, отправились въ священную рощу. Тамъ, въ самой глухой чащѣ, скрытое отъ чужихъ любопытныхъ глазъ, находилось капище Толяхъ-хума. Непосвященному человѣку проникнуть къ этому капищу не представлялось никакой возможности. На всѣхъ тропахъ, ведущихъ къ нему, были разставлены тайные луки, западни и самострѣлы. Незнающій человѣкъ могъ напороться на одну изъ смертоносныхъ стрѣлъ, если бы вздумалъ одинъ, безъ проводника, пойти отыскивать это мѣсто.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ ходьбы, охотники, съ шаманомъ во главѣ, приблизились къ подножію небольшого холма, на вершинѣ котораго, покрытой буреломникомъ и лѣсной чащей, находился истуканъ. Каждое дерево, каждый кустикъ, росшіе на этомъ холмѣ, считались священными. Женщины, какъ существа низшія, не могли всходить на этотъ холмъ. Имъ предоставлялось молиться истукану только у подошвы холма и класть свои жертвы въ видѣ платковъ, колецъ и серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ лишь гдѣ-либо возлѣ корней священныхъ деревьевъ. Всходить на вершину холма могли только одни мужчины.

Капище шайтана представляло обыкновенный амбаръ, поставленный на сваяхъ. Когда вогулы приблизились къ этому капищу, шаманъ растворилъ двери амбара, и всѣ охотники упали ницъ передъ изображеніемъ шайтана. Это былъ толстый деревянный обрубокъ, на которомъ очень грубо было высѣчено топоромъ подобіе человѣческаго лица.

Шаманъ велѣлъ привязать лошадь около амбара къ дереву, вырубилъ сосновый колъ и заострилъ его съ одного

конца. Затѣмъ онъ сѣлъ передъ истуканомъ, ударилъ въ барабанъ и запѣлъ пѣсню, дико выкрикивая какія-то заклятія. Потомъ, поднявшись на ноги, онъ взялъ въ руки приготовленный колъ и, нацѣливъ имъ въ сердце сивки, съ силою воткнулъ его въ передній пахъ несчастнаго животнаго. Сивка взвился было на дыбы, издавъ тихое жалобное ржаніе, но тотчасъ же грохнулся наземь. И въ то время, когда изъ зіяющей раны забила горячая кровь, шаманъ припалъ къ лошади, подставилъ къ струѣ крови берестяную чумашку (чашку) и нацѣдилъ ее до краевъ теплой кровью животнаго. Этою кровью онъ обмазалъ губы у истукана, а остатки выпилъ, послѣ чего передалъ чумашку Федору, который, въ свою очередь, нацѣдилъ изъ этого живого чана алой, дымящейся крови и также выпилъ и передалъ чумашку Степану. И такъ поочередно всѣ охотники напились лошадиной крови. Потомъ они распороли у сивки животъ и съ наслажденіемъ начали пожирать его теплыя трепещущія внутренности, при чемъ шаманъ не забывалъ откладывать наиболѣе лакомые куски внутренностей въ капище шайтана и жиромъ ихъ мазать губы истукану.

Совершивъ эту кровавую трапезу, охотники содрали съ сивки шкуру вмѣстѣ съ головой и копытами и развѣсили ее на длинномъ шестѣ между двухъ перекладинъ передъ капищемъ Толяхъ-хума. Оставивъ въ даръ шайтану шкуру сивки, они съ окровавленными ртами отправились домой.

VI.

Въ эту зиму Федоръ со Степаномъ звѣровали на одной изъ лѣсныхъ рѣчекъ, гдѣ у Федора было сооружено зимнее охотничье становище. Это временное жилище представляло изъ себя большой бревенчатый шалашъ безъ оконъ, свѣтъ въ который проникалъ черезъ узкое, тянувшееся во всю длину крыши отверстіе, служившее также и для прохода дыма отъ костра, раскладываемаго среди шалаша на земляномъ полу. Вдоль стѣнъ шалаша, почти на самомъ полу, были устроены нары, на которыхъ охотники, сидя или лежа возлѣ костра, проводили долгія зимнія ночи.

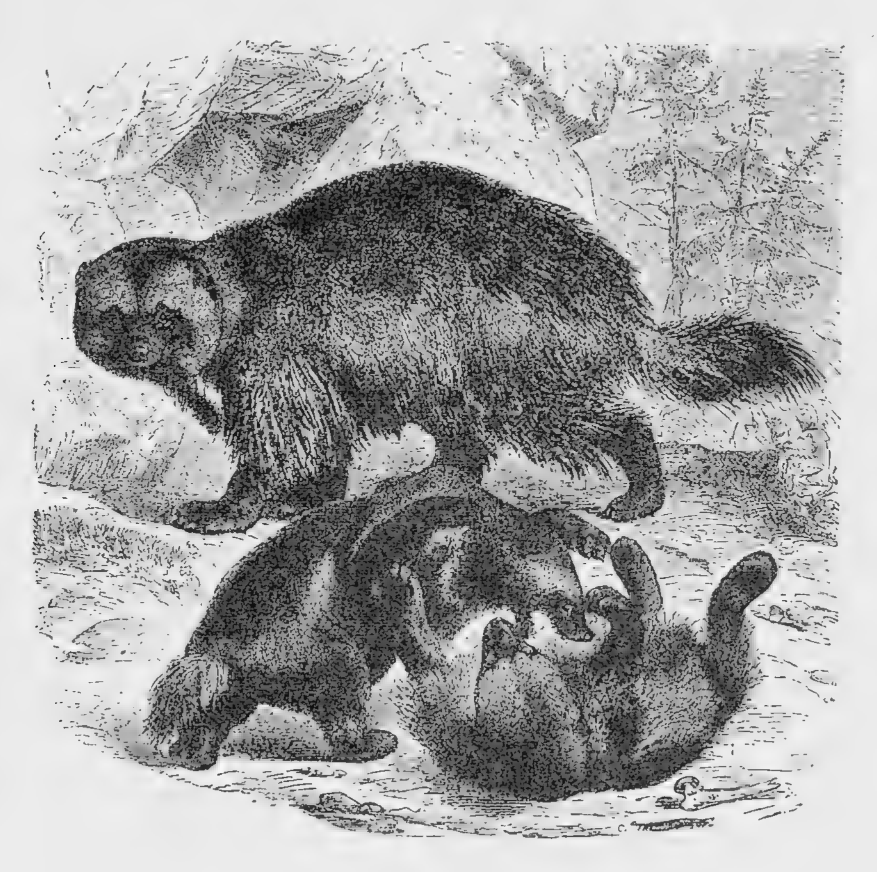
Неподалеку отъ этого первобытнаго жилища былъ устроенъ шумлихъ для храненія шкуръ и мяса убитыхъ животныхъ отъ хищныхъ звѣрей. Это былъ небольшой съ низкимъ срубомъ амбаръ, поставленный на двухъ высокихъ, срубленныхъ на высотѣ двухъ саженъ и гладко обструганныхъ, толстыхъ стволахъ сосенъ. Когда нужно было попадать въ такой магазинъ, къ нему приставляли лѣстницу, а по миновaніи надобности ее убирали. Такимъ образомъ, ни медвѣдь, ни рысь, ни россомаха не могли добраться до провизіи охотниковъ. Шкуры убитыхъ животныхъ здѣсь хранились обыкновенно до весны, когда ихъ сплавляли на лодкахъ, а мясо отвозили домой, въ пауль, по мѣрѣ надобности, для прокормленія домашнихъ и собакъ.

Каждое утро, просыпаясь отъ сна и приготовивъ въ котелкѣ, висѣвшемъ надъ костромъ, завтракъ изъ оленьяго мяса или сушеной рыбы, охотники отправлялись выслѣживать оленей и лосей, а иногда и пушного звѣря и возвращались обратно въ шалашъ только поздно вечеромъ. Прежде Федоръ жилъ въ урманѣ во время зимней охоты вмѣстѣ со своимъ сосѣдомъ Иваномъ, отцомъ Петрухи. Но на этотъ разъ у каждаго изъ нихъ былъ свой помощникъ и потому они раздѣлились. Федоръ остался со Степаномъ въ прежнемъ шалашѣ, а Иванъ съ Петрухой переселились въ другой шалашъ, за нѣсколько верстъ отъ прежняго, стоявшій на той же рѣчкѣ.

Звѣря въ этомъ году было довольно, и работы охотникамъ хватало за глаза.

Степанъ съ отцомъ во время охоты всегда старались быть неподалеку другъ отъ друга, но отъ своего шалаша они удалились иногда на очень большое разстояніе. И нужно было удивляться тому, какъ въ такой лѣсной глуши они умѣли находить дорогу туда, куда имъ было нужно, и не блуждать. Но при опредѣленіи странъ свѣта они руководствовались не однимъ солнцемъ и звѣздами, а также и деревьями. Стороны стволовъ вѣковыхъ деревьевъ, обращенныя на сѣверъ, всегда нѣсколько отличаются отъ сторонъ, обращенныхъ на югъ; первыя слегка обрастаютъ мохомъ, и это обстоятельство служило имъ компасомъ при опредѣленіи того или иного направ-

ленія. Если же случалось охотникамъ очень далеко уходить отъ своего жилища, и глубокая морозная ночь заставала ихъ гдѣ-нибудь среди урмана, тогда они, не долго думая, рубили топорами, всегда находившимися у нихъ за опояской, длин-



Россомаха.

ныя толстыя полѣнья, сажени въ полторы, двѣ длиной, накладывали ихъ параллельно одно на другое и зажигали, а затѣмъ, въ разстояніи сажень двухъ-трехъ отъ такого костра, раскладывали другой такой же костеръ, параллельный первому, и располагались въ промежуткѣ между ними на ночлегъ. И, бывало, какой бы морозъ ни случился, они спали между двумя

кострами вмѣстѣ со своими собаками, какъ у себя на печи, не чувствуя никакого холода.

— Ну, Степанъ, сказалъ однажды Федоръ своему сыну, я нашелъ берлогу „старика“. Надо будетъ повидаться съ Иваномъ и позвать ихъ съ Петрухой помочь поднять его изъ берлоги.

Степанъ ни разу еще до тѣхъ поръ не принималъ участія въ охотѣ на медвѣдя, и предстоящая встрѣча съ сыномъ Торма охватила его жуткимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сладостнымъ волненіемъ. Онъ не былъ трусомъ, но все-таки невольно призадумывался надъ тѣмъ, какъ-то онъ выйдетъ изъ предстоящаго ему испытанія. Степанъ зналъ, что „старикъ“ опасенъ бываетъ только для людей злыхъ, воровъ и обидчиковъ, и онъ невольно припоминалъ свою прошлую жизнь, не было ли тамъ чего-нибудь такого, изъ-за чего ему слѣдуетъ бояться встрѣчи съ медвѣдемъ. Онъ припомнилъ свое частое неповиновеніе матери, когда былъ ребенкомъ, и искренно каялся въ душѣ за свои вольныя и невольныя прегрѣшенія передъ нею.

Вскорѣ они побывали въ шалашѣ Ивана и условились съ нимъ относительно дня, въ который предпримутъ охоту на медвѣдя. И когда Иванъ съ сыномъ явились въ становище Федора, они всѣ вмѣстѣ отправились къ берлогѣ звѣря, находившейся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ становища. Собаки, почуявъ звѣря, начали неистово лаять и метаться вокругъ берлоги.

Такъ какъ чаща деревьевъ возлѣ берлоги была очень густа, а охотники были на лыжахъ, то приходилось дѣйствовать съ величайшей осторожностью. Прежде всего они внимательно осмотрѣли мѣстность и распредѣлили роли. Было рѣшено, что Федоръ съ Иваномъ станутъ по сторонамъ берлоги: Петръ — противъ предполагаемаго выхода изъ нея медвѣдя, а Степанъ долженъ былъ поджечь ворохъ сухого хвороста, который предварительно набросали поверхъ берлоги съ цѣлью выгнать изъ нея звѣря.

Когда все было готово, Степанъ высѣкъ огня и поджегъ хворостъ, а самъ осторожно отошелъ въ сторону, взявъ на прицѣлъ ружье.

Прошло нѣсколько минутъ. Снѣгъ подъ костромъ растаялъ, и горячіе уголья посыпались въ образовавшееся надъ берлогой отверстіе. Вдругъ въ берлогѣ раздалось яростное рычаніе. Звѣрь высунулъ голову, испуганно взглянулъ на огонь и съ остервенѣніемъ ударилъ лапой по горѣвшему костру, такъ что искры полетѣли въ разныя стороны.

Петръ, стоявшій напротивъ, нацѣлилъ въ голову звѣря; раздался выстрѣлъ, но пуля пролетѣла мимо, не задѣвъ медвѣдя. Съ яростнымъ ревомъ бросился мишка на Петруху, но тотъ успѣлъ ускользнуть отъ него на своихъ лыжахъ въ сторону. Въ тотъ же мигъ Федоръ спустилъ курокъ. Но — увы! — ружье дало осѣчку. Выстрѣлилъ, въ свою очередь, Иванъ и только ранилъ звѣря. Медвѣдь повернулъ голову въ его сторону и съ ревомъ устремился на Ивана, и не успѣлъ тотъ увернуться, какъ мишка подмялъ его подъ себя въ глубокій снѣгъ. Положеніе становилось критическимъ. Степанъ не успѣлъ выпустить своего заряда, и теперь, когда медвѣдь насѣлъ на Ивана, онъ боялся стрѣлять, чтобы вмѣсто медвѣдя не угодить въ Ивана. Плохо пришлось бы Ивану, если бы не двѣ собаки, бывшія съ охотниками. Онѣ съ визгомъ устремились на медвѣдя и, вцѣпившись въ него зубами, повисли у него на ляжкахъ. Видя, что ему не такъ-то легко расправиться съ охотникомъ, медвѣдь оставилъ Ивана и бросился въ кусты. Въ это время Степанъ послалъ ему вдогонку пулю, но она опять-таки только ранила медвѣдя, а не уложила его на мѣстѣ. Сопровождаемый преслѣдованіемъ собакъ, медвѣдь скрылся въ лѣсу.

Охотники поспѣшили на помощь къ окровавленному Ивану, лежавшему въ снѣгу безъ движенія, думая, что онъ мертвъ. Но онъ оказался лишь раненымъ. У него было почти совершенно оторвано правое ухо и исцарапано лицо. Составили совѣтъ, какъ быть. По повѣрью вогуловъ, раны, нанесенныя медвѣдемъ, могутъ быть залѣчены только жиромъ раненнаго медвѣдя, и потому рѣшено было во что бы то ни стало отыскать и убить ускользнувшаго звѣря.

Снова зарядили и осмотрѣли исправность своихъ ружей и отправились отыскивать медвѣдя. Искать его, впрочемъ, привелось недолго: убѣгая, онъ оставлялъ за собой на бѣломъ

снѣгу кровавые слѣды, по которымъ охотники вскорѣ достигли до густой чащи, около которой кружили лаявшія собаки. Вогулы начали натравливать ихъ на спрятавшагося звѣря, пока онѣ не выгнали его изъ кустовъ на чистое мѣсто. Увидѣвъ Степана, ближе всего къ нему находившагося, медвѣдь съ яростнымъ ревомъ бросился на молодого охотника, но обѣ собаки въ тотъ же мигъ опять повисли у него по обѣимъ сторонамъ и заставили остановиться. Этимъ моментомъ воспользовался Степанъ и, нацѣлившись медвѣдю въ ухо, свалилъ его выстрѣломъ съ ногъ. Нѣсколько мгновеній тѣло звѣря потрепыхало въ конвульсіяхъ и затѣмъ сдѣлалось неподвижнымъ.

Охотники содрали съ него шкуру, по обычаю, вмѣстѣ съ головой и лапами, жиромъ медвѣдя помазали раны Ивана, а остальную тушу закопали въ снѣгъ и забросали хворостомъ, такъ какъ оставлять мясо и кости сына Торма на расхищеніе хищнымъ звѣрямъ считалось грѣхомъ.

Послѣ этого они съ торжествомъ понесли домой въ пауль медвѣжью шкуру, чтобы устроить „похороны медвѣдя" — обычай, который обязательно исполняется вогулами всякій разъ, когда имъ случится убить медвѣдя. Ни одинъ охотникъ-вогулъ никогда не согласится продать шкуру медвѣдя, прежде чѣмъ надъ ней не будетъ исполненъ обрядъ „погребенія".

VII.

Такъ какъ убитый оказался самцомъ, то праздникъ долженъ былъ продолжаться пять дней; при убитой самкѣ празднуютъ только четыре.

Начались приготовленія къ празднику. Охотники стали варить самосадку, а вогулки стряпать разныя кушанья въ ожиданіи постороннихъ гостей изъ ближайшихъ паулей, въ которыя было дано знать о совершившемся событіи и предстоящемъ праздникѣ. Вогулы такъ увлеклись этими приготовленіями, что забросили и охоту.

Въ назначенный день со всѣхъ концовъ стали стекаться гости, приглашенные на праздникъ, чтобы принять участіе въ погребеніи медвѣдя.



Пляска вогуловъ.

Первымъ на праздникъ пріѣхалъ Трофимъ, считавшійся однимъ изъ самыхъ зажиточныхъ вогуловъ, съ женой и дочерью Дарьей, дѣвушкой-невѣстой. Онъ привезъ съ собой въ подарокъ бутылку водки, какими-то судьбами сохранившейся у него еще съ осени. Дарья была бойкая черноглазая дѣвица съ довольно миловиднымъ лицомъ. Она скоро своею живостью очаровала всѣхъ молодыхъ парней, присутствовавшихъ на праздникѣ. Но въ особенности она понравилась Степану, который все время праздника не отходилъ отъ нея ни на шагъ.

Когда, наконецъ, всѣ гости съѣхались, приступили къ „погребенію медвѣдя", сопровождаемому различными обрядностями и пѣніемъ такъ называемыхъ медвѣжьихъ пѣсенъ. Затѣмъ начался пиръ.

Первые два дня праздника прошли очень, оживленно и весело. Охотники состязались въ борьбѣ, въ стрѣльбѣ изъ ружей и луковъ, пѣли пѣсни и плясали. Пляска у вогуловъ совсѣмъ особенная, не похожая на наши пляски. Она напоминаетъ собою скорѣе представленіе, чѣмъ пляску. Пляшущій вогулъ вооружается лукомъ и колчаномъ со стрѣлами, затыкаетъ за опояску топоръ и охотничій ножъ и, притопывая въ ладъ музыки, старается изобразить изъ себя охотника, преслѣдующаго какого-либо звѣря, при чемъ звѣря этого изображаетъ другой охотникъ, прыгающій на четверенькахъ. Въ этой пляскѣ такимъ образомъ вогулы изображаютъ въ лицахъ разные случаи охоты или вообще какіе-нибудь эпизоды изъ своей жизни. Пляшущій представляетъ, какъ охотникъ натыкается на слѣдъ звѣря, какъ ощупью старается распознать, свѣжій онъ или старый, какъ выслѣживаетъ и подкрадывается къ звѣрю, какъ стрѣляетъ и убиваетъ его и проч.

Пляска женщинъ у вогуловъ тоже особенная. Женщины во время пляски закрываютъ головы шалями, берутъ въ каждую руку по платку и въ ладъ музыкѣ повертываются то въ ту, то въ другую сторону, притопываютъ ногами, нагибаются и разгибаются и въ то же время выдѣлываютъ руками, различныя движенія, то поднимая руки вверхъ, то опуская, то сгибая, то разгибая, то разбрасывая по сторонамъ.

VIII.

На третій день праздника въ пауль неожиданно пріѣхалъ русскій торговецъ съ водкой.

Торговля водкой среди вогуловъ запрещена закономъ, и доставать ее въ тайгѣ чрезвычайно трудно, — надо ѣхать для этого нарочно за цѣлыя сотни верстъ. Но русскіе кулаки-торговцы, проживающіе среди вогуловъ, частенько доставляютъ имъ водку тайно, контрабандой. И такъ какъ вогулы, какъ и вообще всѣ дикія племена, страшно падки на водку, то кулаки пользуются этой ихъ слабостью и, опаивая ихъ, чуть не задаромъ забираютъ у нихъ всѣ продукты ихъ промысловъ.

Данило, какъ звали пріѣхавшаго торговца, давно уже жилъ среди вогуловъ въ томъ селѣ, гдѣ стояла церковь, занимаясь мелкой торговлей и скупкой пушнины, а главнымъ образомъ тайной доставкой и продажей водки. У него-то Федоръ и другіе вогулы и доставали водку, когда пріѣзжали великимъ постомъ въ село говѣть. И вотъ теперь, прослышавъ, что въ одномъ изъ паулей охотники убили медвѣдя и готовятся праздновать его „похороны", Данило захватилъ съ собой боченокъ съ водкой и тоже отправился на праздникъ, надѣясь на богатую поживу.

И Данило не ошибся въ своихъ расчетахъ. Вогулы пришли въ неистовый восторгъ, когда узнали, что къ нимъ на праздникъ пріѣхалъ русскій купецъ съ водкой.

— Ну, Федоръ Иванычъ, какой я тебѣ подарокъ-то привезъ для праздника, если бы ты зналъ! первымъ дѣломъ заявилъ купецъ, здороваясь съ Федоромъ.

— Отъ кого подарокъ? спросилъ Федоръ.

— А вотъ угадай-ка, отъ кого? Тебѣ и во снѣ не снилось.

— Не знаю, сказалъ вогулъ.

— Отъ самаго бѣлаго русскаго царя. Вотъ, братъ, отъ кого!

— Ну, че напрасно брехать, недовѣрчиво разсмѣялся Федоръ.

— Вотъ убей меня Богъ, правда! побожился Данило. Ѣздилъ я, видишь, нынче лѣтомъ въ Санктъ-Петербургъ и заходилъ въ гости къ нашему батюшкѣ-царю. Ну, сталъ онъ меня разспрашивать, какъ живутъ вогулы, хорошо ли промышляютъ, и кто изъ нихъ больше всѣхъ удачливъ въ охотѣ. Я, само собой, разсказалъ все честь-честью, а про тебя сказалъ, что нѣтъ болѣе удачливаго охотника, какъ Федоръ Ивановичъ Федотовъ. Такъ и говорю: нѣтъ, говорю, супротивъ него лучшаго охотника, потому онъ больше всѣхъ набиваетъ за зиму соболей и лисицъ. Ну, царь и говоритъ: „Такъ вотъ, говоритъ, на, отвези ему отъ меня подарокъ. Пусть пьетъ на доброе здоровье".

И при этихъ словахъ плутъ-торгашъ вытащилъ изъ-за пазухи бутылку, имѣвшую форму медвѣдя, и подалъ ее оторопѣвшему отъ изумленія Федору.

Присутствовавшіе вогулы окружили счастливца и съ разинутыми ртами стали разглядывать находившуюся у него въ рукахъ диковинную, невиданную ими бутылку.

— „Онъ"! „Старикъ"! Вѣдь это „онъ"! послышались кругомъ восклицанія. Вотъ такъ подарокъ!

— Вотъ видишь, тутъ и печать царская; при мнѣ самъ царь собственноручно ее и приложилъ и строго-настрого наказалъ передать эту бутылку тебѣ нераспечатанной. Ну, знамо, развѣ я могъ ослушаться царя? Вотъ глядите всѣ, передаю бутылку при свидѣтеляхъ: печать въ исправности. А вотъ тутъ и царскіе двухглавые орлы, гербами называются, началъ объяснять Данило, указывая на этикетку у бутылки.

У Федора не осталось болѣе никакихъ сомнѣній: подарокъ былъ дѣйствительно царскій!

— Ну, благодарю, Данило Назарычъ! Правда, что мнѣ и во снѣ не снилось такого подарка. Только чѣмъ же я отдарю за него бѣлаго царя?

— А ужъ это твоя воля. Царь говорилъ, что онъ хочетъ новую шубу царицѣ шить, да хорошихъ соболей на воротникъ, говоритъ, въ Петербургѣ нѣту; такъ, можетъ-быть, у тебя найдутся, — вотъ и пошли ему.

— А это вѣрно, обрадовался Федоръ. Спасибо, что надоумилъ. У меня два хорошихъ соболя еще съ прошлой

зимы лежатъ; все думалъ, что, можетъ, самъ когда поѣду въ Пелымь, такъ продамъ ихъ тамъ подороже. Такъ ты ужъ сдѣлай милость, когда опять поѣдешь въ Петербургъ, отвези ихъ отъ меня царю въ подарокъ.



Соболь.

— Ладно, ладно, сказалъ Данило, тащи ихъ сюда, покажи, что за соболя, стоитъ ли ихъ везти, чтобы и мнѣ тоже передъ царемъ изъ-за нихъ не осрамиться.

Федоръ полѣзъ въ амбаръ, гдѣ у него хранились заготовленныя на продажу шкурки разныхъ звѣрей, досталъ оттуда двухъ лучшихъ соболей и подалъ Данилѣ.

— Ужъ сдѣлай милость, передай ихъ бѣлому царю и скажи ему отъ меня поклонъ. Это самыя лучшія шкурки, какія я добылъ прошлою зимой.

Данило осмотрѣлъ шкурки и одобрилъ ихъ.

— Шкурки ничего; такъ ужъ и быть, передамъ ихъ царю. А у тебя еще много такихъ шкурокъ?

— Есть, да тѣ будутъ похуже.

Плутъ-торговецъ взялъ шкурки и спряталъ ихъ въ своемъ чемоданѣ.

Федору сначала жаль было распивать драгоцѣнную царскую водку; онъ хотѣлъ ее поберечь на память, но не удержался отъ соблазна попробовать, что у нея былъ за вкусъ. И бутылка скоро была распита. Всѣ находили, что это истинно царская водка, и что никто изъ вогуловъ до сихъ поръ ни разу такой не пивалъ.

Когда такимъ образомъ починъ былъ сдѣланъ, торговецъ вытащилъ изъ саней свой боченокъ, и тутъ ужъ пошло такое безшабашное пьянство, какое только и возможно среди дикарей.

Напились буквально всѣ: и мужчины, и женщины, и дѣти, даже груднымъ ребятишкамъ давали водки.

И скоро всѣ продукты вогульской охоты оказались въ рукахъ кулака. А водка между тѣмъ не убывала. Плутъ Данило уже не разъ подбавлялъ въ нее воды, но вогулы не замѣчали, что пьютъ разбавленную водку. Они пропили все, даже женъ и дѣтей.

Но Данило былъ хитеръ. Онъ хотя и зналъ, что вогулы всегда свято держатъ разъ данное слово, и долги свои платятъ добросовѣстно, но для большей важности все-таки считалъ нужнымъ поломаться, прежде чѣмъ уступить ихъ просьбамъ.

— Вѣдь вотъ ты, Тимоха, просишь дать тебѣ въ долгъ, сказалъ онъ пріятелю Степана, когда тотъ клялся и божился, что уплатитъ ему въ свое время добросовѣстно, а вѣдь ты мнѣ ужъ давно долженъ, а до сихъ поръ и не подумалъ заплатить.

— Какъ? Когда я тебѣ задолжалъ? Я и вижу-то тебя еще въ первый разъ, ты у насъ, вѣдь, ни разу не бывалъ, удивился молодой охотникъ.

— Да задолжалъ мнѣ не ты, а твой отецъ; вотъ его долгъ у меня въ книгѣ записанъ, сталъ показывать Данило запись въ книгѣ безграмотному Тимохѣ. Ты его наслѣдникъ, стало-быть, по закону ты долженъ заплатить долги своего отца.

— Это вѣрно, стали говорить другіе вогулы, коли въ книгѣ записано, стало-быть, правда, надо заплатить.

— Я этого не зналъ, сконфуженно началъ оправдываться Тимоха. Если бы ты это раньше сказалъ, я давно бы заплатилъ.

— Вотъ то-то и есть. Какой же ты послѣ этого вѣрный человѣкъ? Ты долженъ былъ знать, кому твой отецъ остался долженъ, и уплатить за него, а то какъ онъ на томъ-то свѣтѣ будетъ жить съ оставленными на землѣ долгами? Они ему тамъ покоя не дадутъ, сталъ упрекать Тимоху новоявленный проповѣдникъ.

— И много онъ остался тебѣ долженъ? спросилъ опечаленный Тимоха.

— Да вотъ, смотри, тутъ записано 57 руб. 45 коп., ткнулъ пальцемъ въ книгу Данило.

Тимоха тяжело вздохнулъ.

— Ну, что же? Какъ-нибудь заплачу, сказалъ онъ.

— Знамо, надо заплатить. Какъ же не заплатить отцовскіе долги? заговорили вогулы.

— Да ужъ сказалъ заплачу, такъ заплачу, повторилъ Тимоха.

— А можешь ли ты мнѣ поклясться на носу медвѣдя, что навѣрное заплатишь? спросилъ Данило, знавшій всѣ обычаи вогуловъ.

Тимоха поблѣднѣлъ. Клятва на носу медвѣдя у вогуловъ считается самою страшною клятвой, и неисполнившій ея охотникъ долженъ вѣчно опасаться мести со стороны оскорбленнаго сына Торма.

— Вотъ если поклянешься, такъ тогда и бутылку водки дамъ въ долгъ, сказалъ купецъ.

Соблазнъ получить бутылку водки превозмогъ страхъ Тимохи.

— Ну, что же? Если ты этого хочешь, такъ могу и поклясться, согласился онъ.

Охотники съ Данииломъ окружили столъ, на которомъ лежалъ уже „отпѣтый“ медвѣдь. Тимоха вынулъ изъ-за опояски топоръ и, занеся его надъ головой медвѣдя, громко проговорилъ: „Задери меня въ урманѣ, когда буду звѣровать, если только не заплачу Даниилѣ долгъ своего отца“.

И онъ ударилъ топоромъ по носу медвѣдя.

— Ну, вотъ теперь можно и повѣрить, сказалъ Данило и снабдилъ Тимоху бутылкой водки.

Точно такую же клятву бралъ Данило и съ пріѣзжихъ гостей, просившихъ у него водки въ долгъ, при чемъ ставилъ непремѣннымъ условіемъ, что они никому другому, кромѣ него, не продадутъ звѣриныя шкуры, добытыя ими за эту зиму.

Словомъ, жатва для купца оказалась обильною, и онъ даже пожалѣлъ, что мало захватилъ съ собой водки, а то могъ бы окончательно и надолго закабалить довѣрчивыхъ дикарей.

Забравъ все, что можно было забрать, а въ томъ числѣ и пропитую вогулами шкуру убитаго медвѣдя, кулакъ отправился съ нагруженными санями обратно домой.

Провожая „отпѣтаго“ медвѣдя, вогулы, по обычаю, начали бросать вслѣдъ отъѣзжавшему купцу лопатами снѣгъ и заметать слѣды.

Веселъ былъ праздникъ, но тяжело было послѣ него похмелье. Вогулы чувствовали себя обобранными, но жаловаться, разумѣется, было некому.

Вскорѣ всѣ гости разъѣхались, и хозяева снова отправились въ урманъ, чтобы опять приняться за прерванную охоту.

IX.

Приближалась весна. Глубокій снѣгъ въ тайгѣ подъ теплыми лучами солнца началъ оттаивать и осѣдать, а по утрамъ появились заморозки, дѣлавшіе столь желанный для охотниковъ *чарымъ* — гололедицу. Во время чарыма для вогуловъ наступаетъ самая горячая пора охоты, и за нѣсколько хорошихъ дней охотникъ можетъ, при удачѣ, набить столько звѣря, сколько не набьетъ и за всю зиму. Въ это время ему

достаточно напасть на слѣдъ крупнаго звѣря, и тотъ уже не уйдетъ отъ него.

Однажды Степанъ во время чарыма наткнулся на слѣдъ цѣлаго стада оленей числомъ десятка въ два головъ. Слѣдъ былъ еще свѣжій; олени, очевидно, только что прошли. Степанъ бросился догонять ихъ на своихъ подволокахъ (лыжи, подшитыя оленьей шкурой съ мѣхомъ) и скоро настигъ стадо. Завидѣвъ охотника, олени сначала быстро начали улепетывать отъ него, прыгая по глубокому, проваливающемуся подъ ихъ ногами снѣгу, но Степанъ не отставалъ. Черезъ нѣсколько времени онъ сталъ замѣчать на бѣломъ снѣгу капли крови на слѣдахъ оленей. Охотникъ надбавилъ шагу. Кровь все въ большемъ количествѣ стала появляться на снѣгу. Вотъ онъ замѣтилъ одного отставшаго отъ стада оленя, который безпомощно стоялъ среди урмана. Степанъ приблизился къ нему почти вплоть. Олень попробовалъ было сдѣлать еще нѣсколько прыжковъ, но скоро опять остановился, печально смотря на свои окровавленныя ноги, изрѣзанныя обледянѣлою снѣжною корою. Не желая тратить заряда, Степанъ подошелъ къ оленю вплоть и, вынувъ изъ-за опояски топоръ, оглушилъ его обухомъ по головѣ. Олень свалился на землю. Тогда Степанъ, не теряя времени, бросился догонять другихъ оленей. Скоро онъ настигъ второго, находившагося въ такомъ же безпомощномъ положеніи, и убилъ его точно такимъ же образомъ. И такъ, одного за однимъ, онъ уничтожилъ все стадо.

На слѣдующій день они съ Федоромъ съ утра до вечера только и дѣлали, что вывозили перебитыхъ оленей изъ урмана къ своему становищу и складывали ихъ шкуры и мясо въ шумлихѣ.

Такъ какъ чарымъ въ эту весну продолжался довольно долго, а звѣря въ лѣсу было достаточно, то охотники успѣли за это время наверстать все, что они пропили Данилѣ при празднованіи похоронъ медвѣдя.

Весна все болѣе и болѣе начала вступать въ свои права, и суровая таежная природа стала мало-по-малу сбрасывать свои ледяныя оковы. Снѣгъ въ урманахъ началъ быстро

вянуть, ледъ на озерахъ вздулся, одна за другой стали вскрываться мелкія лѣсныя рѣчушки и затоплять окружающую тайгу. Ожили безмолвные до тѣхъ поръ урманы: повсюду въ нихъ запорхали и зачирикали мелкія пташки, задолбили дятлы, закричали вороны, а вскорѣ начался и прилетъ болѣе крупной птицы. Сначала прилетѣли утки и лебеди, за ними появились орлы, чайки, потомъ гуси и журавли.

Охота на звѣрей прекратилась; вогулы вернулись домой и стали приготовлять рыболовныя снасти для весенняго лова рыбы: плесть кулупи (сѣти), чинить гамги (верши), оттачивать крюки и жерлицы, а также заготовлять пленки для ловли дикихъ утокъ и проч.

Когда рѣчки и озера окончательно очистились отъ льда, Степанъ со своимъ отцомъ по цѣлымъ днямъ не вылѣзали изъ лодокъ. Они или осматривали свои рыболовныя ловушки, поставленныя въ разныхъ мѣстахъ, или охотились за дикими утками и гусями. Дикія утки водились здѣсь въ изобиліи, въ особенности изъ породы такъ называемыхъ турпановъ — одна изъ самыхъ жирныхъ утокъ. Кромѣ ловли пленками, этихъ утокъ вогулы ловятъ еще и слѣдующимъ способомъ. Гдѣ-либо въ лѣсу, у берега рѣки, прорубаютъ просѣку, соединяющую рѣку съ какимъ-либо близлежащимъ озеркомъ или болотомъ, излюбленнымъ утками. Эту просѣку перегораживаютъ развѣшанной на блокахъ сѣтью и ночью съ озера спугиваютъ стаи утокъ; утки черезъ просѣку устремляются къ рѣкѣ и попадаютъ въ сѣть, которая тотчасъ же спускается съ поддерживающихъ ее блоковъ и прикрываетъ собой иногда за одинъ разъ по нѣсколько сотенъ утокъ.

Пришло и лѣто съ его жарами и безчисленнымъ множествомъ комаровъ и мошекъ, цѣлыми тучами висѣвшихъ въ воздухѣ. Выслѣживать звѣря теперь стало уже не такъ легко и удобно, какъ зимой, да и безцѣльно, потому что лѣтняя шкура не представляетъ почти никакой цѣнности. Охотники рѣдко стали выходить на охоту, развѣ лишь по нуждѣ, когда надо было достать свѣжаго мяса. Вогулы въ лѣтнее время по большей части возятся около дома, занимаясь какими-либо хозяйственными постройками, да иногда отправляются всѣмъ обществомъ ловить общимъ неводомъ рыбу.

X.

Все чаще и чаще въ свободное отъ охоты время стала приходить на умъ Степану черноглазая Дарья, и онъ началъ задумываться надъ тѣмъ, что хорошо было бы ему съ ней повидаться. Пауль, гдѣ жила Дарья, стоялъ на той же рѣкѣ, но плыть до него привелось бы вверхъ по теченію, по крайней мѣрѣ, дня три.

Однажды Степанъ не вытерпѣлъ и сказалъ своему отцу, что поѣдетъ на лодкѣ *тормовать* звѣря, т.-е. подкарауливать его, когда онъ во время жары, спасаясь отъ комаровъ, заходитъ въ рѣку, и стрѣлять съ лодки. Онъ предупредилъ Федора чтобы его скоро не ждали, такъ какъ поѣдетъ онъ по направленію къ паулю Трофима и, можетъ-быть, пробудетъ тамъ нѣсколько дней.

— Ну, что же, поѣзжай. Можетъ-быть, тамъ посватаешься за Дарью, пошутилъ Федоръ.

Степанъ захватилъ на дорогу двѣ ковриги, нѣсколько кусковъ вяленаго оленьяго мяса, сушеной рыбы и отправился въ путешествіе.

Погода стояла прекрасная, но отъ мошекъ и комаровъ дышать было трудно. Они лѣзли всюду: въ носъ, въ ротъ, въ уши, слѣпили глаза. Чтобы защитить себя отъ нихъ, Степанъ, отправляясь въ дорогу, одѣлся, несмотря на жару, въ доху, на голову надѣлъ тоже мѣховую шапку съ ушами, а лицо завѣсилъ платкомъ, въ которомъ для глазъ были прорѣзаны два отверстія.

Въ первый день своего путешествія Степанъ не встрѣтилъ ни одного звѣря. Когда настала ночь, онъ привязалъ свою лодку къ воткнутому среди рѣки колу и легъ въ ней спать; посрединѣ рѣки было не такъ жарко и комаровъ было меньше, чѣмъ на берегу, въ лѣсной чащѣ.

Но къ вечеру, на слѣдующій день, онъ вышелъ на берегъ, чтобы сварить себѣ въ котелкѣ сушеной рыбы. Набравъ хворосту, онъ уже готовился поджечь его, какъ вдругъ услыхалъ всплески воды у противоположнаго берега рѣки, имѣвшей въ этомъ мѣстѣ не болѣе саженъ пятнадцати въ ширину...

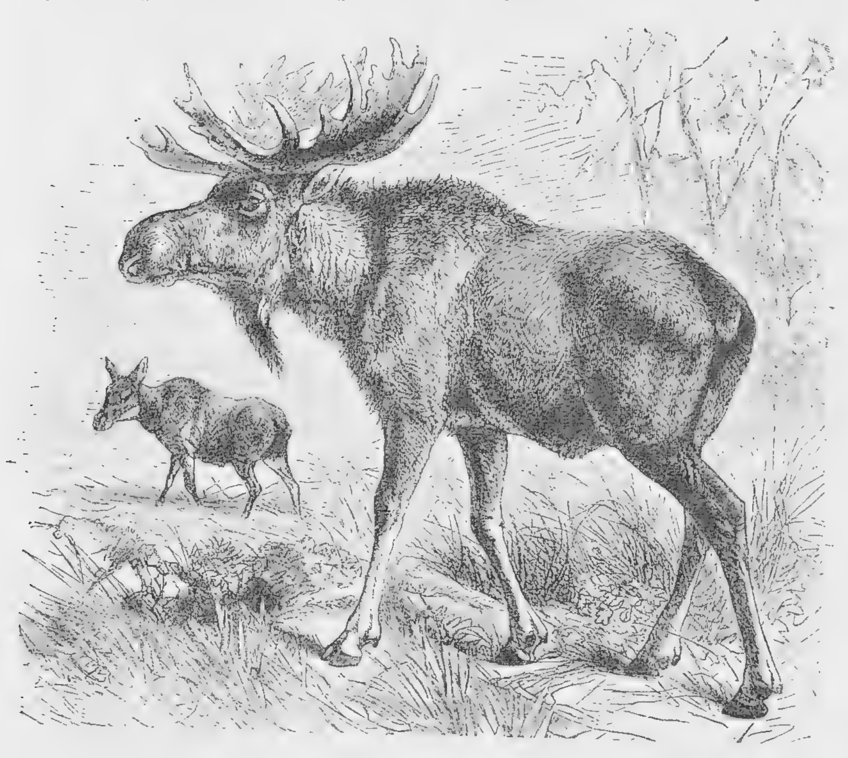
Онъ схватился за ружье и сталъ внимательно всматриваться, кто бы изъ звѣрей это могъ быть, и скоро разглядѣлъ возлѣ противоположнаго берега, уже затѣненнаго сумерками наступающей ночи, огромнаго лося, только что вышедшаго изъ лѣсу и погрузившагося въ воду по самую шею, такъ что изъ воды торчала только голова съ длинными вѣтвистыми рогами. Лось, очевидно, спасался отъ комаровъ, не дававшихъ ему покоя. Степанъ осторожно подползъ къ берегу и началъ нацѣливать въ голову звѣря изъ своего ружья, какъ вдругъ въ этотъ самый моментъ въ ближайшихъ отъ лося кустахъ что-то затрещало и какая-то темная масса бросилась съ берега и очутилась на спинѣ лося. Лось испустилъ жалобный крикъ, и въ водѣ передъ глазами изумленнаго Степана произошла яростная борьба двухъ звѣрей. Сначала Степанъ не разобралъ хорошенько, что за звѣрь напалъ на лося, но скоро убѣдился, что это былъ большихъ размѣровъ медвѣдь.

Степанъ молча, не шевелясь, началъ наблюдать за исходомъ происходившей передъ его глазами борьбы. Но она была непродолжительна. Медвѣдь быстро сломалъ хребетъ у несчастнаго лося и потащилъ его къ берегу. Вода въ этомъ мѣстѣ была неглубока, и ему безъ особеннаго труда удалось извлечь тушу лося изъ рѣки на берегъ. И едва только медвѣдь оказался на берегу, какъ тотчасъ же около него откуда-то появились два медвѣженка, которые начали рѣзво, какъ маленькіе ребятишки, прыгать и рѣзвиться вокругъ убитаго лося, залѣзая на него и кувыркаясь съ него на землю. Мать съ ворчаніемъ останавливала шалуновъ и даже раздавала имъ шлепки, когда они ужъ слишкомъ безцеремонно начинали ей мѣшать, но тѣ не унимались.

Степанъ сидѣлъ ни живъ ни мертвъ, боясь пошелохнуться, чтобы не выдать своего присутствія. Онъ зналъ, что медвѣдица да еще съ медвѣжатами гораздо опаснѣе медвѣдя самца. Хотя у него и было наготовѣ ружье, но оно было ненадежное, да онъ могъ и промахнуться. А въ случаѣ, если бы только онъ ранилъ звѣря, бѣда для него была бы неминучая. Медвѣдица легко могла переплыть на его сторону и не уйти бы ему отъ ея когтей и зубовъ. Къ его счастью, дулъ легкій вѣтерокъ отъ медвѣдицы прямо на него, и,

увлеченный завтракомъ, звѣрь не чуялъ и не замѣчалъ близости человѣка.

Утоливъ свой голодъ и голодъ своихъ медвѣжатъ, медвѣдица начала купать ихъ въ рѣкѣ. Она брала поочередно за шкурку зубами то того, то другого и, несмотря на протестующее рявканье и барахтанье, окунала ихъ въ воду. Все



Лось.

это казалось Степану и забавнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ себя очень жутко.

Ночь была свѣтлая, одна изъ тѣхъ ночей, которыя въ Петербургѣ называютъ бѣлыми. Заря сходилась съ зарей, и кругомъ все было видно отлично до мелочей. Выкупавъ медвѣжатъ и предоставивъ имъ свободно рѣзвиться на берегу, медвѣдица забралась по самое горло въ рѣку и, въ свою очередь, спасаясь отъ докучливыхъ насѣкомыхъ, усѣлась въ

ней неподвижно. Но ея торчавшая надъ водой голова представляла очень соблазнительную мишень для прицѣла.

Въ Степанѣ заговорило чувство охотника. Отчего ему не попытаться застрѣлить медвѣдицу? Зачѣмъ опускать такой удобный случай прославиться на всю округу и пріобрѣсть себѣ репутацію удачливаго и искуснаго охотника? Вѣдь если онъ явится къ отцу Дарьи съ такимъ подаркомъ, какъ шкура этой медвѣдицы, этимъ онъ вызоветъ всеобщее къ себѣ уваженіе. Всѣ будутъ удивляться его смѣлости: не побоялся одинъ на одинъ пойти на медвѣдицу! И если онъ посватается потомъ за Дарью, то, можетъ-быть, отецъ ея и не запроситъ за нее очень большого калыма.

И подъ вліяніемъ этихъ мыслей Степанъ началъ нацѣливать прямо между глазъ не подозрѣвавшей объ опасности медвѣдицы. Грянулъ выстрѣлъ. Степанъ быстро вскочилъ на ноги и, бросивъ ружье, выхватилъ изъ-за опояски топоръ и всталъ въ оборонительную позу. Но, когда дымъ отъ выстрѣла разсѣялся, онъ увидалъ, что тѣло медвѣдицы извивается въ водѣ въ предсмертныхъ конвульсіяхъ, а два медвѣжонка, перепуганные громомъ выстрѣла, быстро карабкаются на ближайшее дерево, съ недоумѣніемъ озираясь вокругъ, какъ бы спрашивая, что такое произошло.

Степанъ снова зарядилъ ружье и, переплывъ на ту сторону рѣки, пристрѣлилъ также и обоихъ медвѣжатъ. Вытащивъ затѣмъ изъ воды трупъ медвѣдицы, онъ ободралъ съ нея и съ медвѣжатъ шкуры. Послѣ этого онъ вырѣзалъ у лося языкъ и губу и, вернувшись на прежній берегъ, сварилъ ихъ въ своемъ котелкѣ на ужинъ. Затѣмъ развелъ большой костеръ, вытащилъ лодку на берегъ, опрокинулъ ее и легъ подъ нею спать.

На утро, забравъ трофеи своей вчерашней охоты, онъ отправился дальше. Отъ послѣдняго его ночлега до пауля, въ которомъ жила Дарья, оставалось всего восемь плесъ. Вогулы измѣряютъ разстоянія между паулями не верстами, а количествомъ плесъ на рѣкѣ, и хотя плеса бываютъ не одинаковой длины, но за неимѣніемъ другого способа измѣренія разстояній они вполнѣ удовлетворяютъ путешествующихъ по рѣкамъ вогуловъ. Заранѣе зная число плесъ отъ

одного пауля до другого и считая ихъ, можно все-таки болѣе или менѣе точно отыскать нужный пауль или другое какое-либо мѣсто.

Солнце было уже близко къ закату, когда лай собакъ, раздавшійся съ берегу, возвѣстилъ Степану, что онъ приближается къ цѣли своего путешествія.

XI.

Дарья сидѣла на берегу рѣки, когда увидала чью-то лодку, плывшую снизу къ ихъ паулю. Она знала, что въ паулѣ были всѣ дòма и, стало-быть, лодка принадлежала кому-то чужому. Такъ какъ въ этой мѣстности посторонніе люди бываютъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, то понятно, что появленіе чужой лодки сильно ее заинтересовало. „Кто бы это могъ къ нимъ ѣхать?“ думала она. Но каково-же было ея удивленіе и радость, когда она увидала, что въ лодкѣ сидѣлъ Степанъ, о которомъ она грезила во снѣ и наяву съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ познакомилась съ нимъ на праздникѣ „похоронъ медвѣдя“. Степанъ не могъ не замѣтить, что Дарья ему обрадовалась, и былъ чрезвычайно доволенъ этою встрѣчей.

— Что это у тебя тамъ, въ лодкѣ? спросила вогулка, когда Степанъ причалилъ къ берегу и поздоровался съ ней.

— Старуха съ двумя ребятами, сказалъ Степанъ, съ гордымъ видомъ побѣдителя, смотря на молодую дѣвушку.

— Гдѣ ты ихъ взялъ? удивилась Дарья.

— Убилъ дорогой и привезъ тебѣ въ подарокъ, отвѣтилъ охотникъ.

Лицо Дарьи расцвѣло отъ удовольствія.

— Вотъ какой удачливый! Въ прошлый разъ ты же убилъ старика и теперь опять убилъ старуху, да еще съ дѣтьми, произнесла она и бросилась домой сообщать о пріѣздѣ гостя и о привезенныхъ имъ медвѣдицѣ съ медвѣжатами.

Скоро всѣ обыватели пауля высыпали на берегъ и съ любопытствомъ начали разспрашивать молодого охотника, какъ ему удалось одному убить такого громаднаго звѣря.

И когда Степанъ разсказалъ имъ о своемъ приключеніи, удивленію и восторгамъ вогуловъ не было конца. Всѣ хвалили его смѣлость, ловкость и удачу и предсказывали ему, что изъ него выйдетъ со временемъ очень удачливый охотникъ.

— Только второй годъ, какъ началъ охотиться, а вотъ уже второго убилъ! Слыханное ли дѣло!? говорили вогулы.

Степанъ былъ особенно радъ тому, что отецъ Дарьи, Трофимъ, былъ также въ числѣ тѣхъ, которые восхищались его удачей.

— Ну, заходи къ намъ, гость будешь, пригласилъ Трофимъ Степана.

Начались разспросы, какъ здравствуютъ отецъ, мать, какъ удачлива была весенняя охота, много ли ловится рыбы и проч.

— Да какъ же ты сюда-то попалъ? За дѣломъ, что ли, пріѣхалъ? спросилъ Трофимъ.

— А нѣтъ, такъ. Скучно стало; вотъ и поѣхалъ тормовать звѣря. Поѣхалъ, да и убилъ старуху, а тутъ ужъ недалеко было до васъ. Дай, думаю, заѣду въ гости и подарю имъ старуху. Вотъ, возьми ее, сказалъ Степанъ.

— Вишь ты, какой богатый! Ну, что же, спасибо. Только когда же мы ее отпѣвать будемъ? Теперь лѣто, придется подождать зимы. Когда поѣдемъ въ Пелымъ за казеннымъ хлѣбомъ, можно будетъ тамъ захватить и водки. А то безъ водки какое же отпѣваніе?

— Знамо дѣло. Какое отпѣваніе безъ водки, подтвердили другіе вогулы.

И шкура медвѣдицы была завернута въ лучшую шаль и повѣшена до зимы въ амбаръ.

Степанъ прожилъ у Трофима нѣсколько дней. Дарья призналась ему, что она тоже сильно скучала по немъ и уже не разъ помышляла поѣхать въ ихъ пауль, да ей, по ея словамъ, почему-то стыдно было.

И Степанъ съ Дарьей слюбились.

— Большой калымъ запроситъ за тебя твой отецъ? спросилъ разъ Степанъ Дарью, когда они мечтали о своей будущей совмѣстной жизни.

— Не знаю, отвѣтила вогулка. Ну, да если много запроситъ, и у тебя нечѣмъ будетъ заплатить, такъ, вѣдь, мы можемъ убѣжать къ попу, и онъ насъ повѣнчаетъ. Моя двоюродная сестра Овдотья сдѣлала такъ же, когда ея отецъ не хотѣлъ ее отдавать за Митрія.

Передъ отъѣздомъ домой Степанъ сказалъ Трофиму, что Дарья ему нравится и что онъ будетъ сватать ее.

— Ну, что же, присылай сватовъ; коли дашь хорошій калымъ, такъ и отдамъ, сказалъ тотъ, довольный, что у Дарьи будетъ мужемъ такой задачливый охотникъ.

Возвратившись домой, Степанъ разсказалъ отцу о томъ, какъ во время своей поѣздки онъ убилъ медвѣдицу съ медвѣжатами и какъ сватался за Дарью.

Федоръ одобрилъ выборъ сына, но только выразилъ сомнѣніе, что наврядъ ли Трофимъ дешево отдастъ свою дочь; пожалуй, запроситъ такой калымъ, что у нихъ нечѣмъ будетъ его уплатить.

— Вотъ если бы въ прошлый разъ не подвелъ насъ Данило, тогда все было бы хорошо, а то за весну и 50 руб. не выручили, вздохнулъ Федоръ, припоминая веселый праздникъ.

XII.

Вскорѣ послѣ Петрова дня рѣшено было послать Трофиму хайтехумовъ (сватовъ) свататься за Дарью. Хайтехумами были избраны сосѣдъ Федора Иванъ и еще другой однодеревенецъ Семенъ. Они должны были условиться съ Трофимомъ о размѣрахъ калыма.

По пріѣздѣ въ пауль невѣсты, выйдя изъ лодокъ, хайтехумы вооружились черемуховыми тросточками, на одной изъ которыхъ была подвязана красная лента, и направились въ юрту Трофима. Тамъ ихъ встрѣтили очень привѣтливо и стали усаживать. Но, соблюдая обычай, хайтехумы не приняли предложенія садиться, а все время переговоровъ оставались на ногахъ, не снимая даже шапокъ.

— Мы пришли, Трофимъ, сватать твою дочь за Степана, объявили они. Говори, сколько ты за нее хочешь взять калыма?

— Моя дочь молода, красива, хорошая хозяйка, и меньше ста рублей я за нее никакъ не могу взять, сказалъ Трофимъ.

— Сто рублей! Да въ умѣ ли ты? вскричалъ Иванъ. Вѣдь за сто рублей можно купить двѣ лошади и двѣ коровы, а твоя дочь ни молока, ни масла, вѣдь, не будетъ давать, да и запрягать ее въ хрясла (розвальни) нельзя. А нашъ женихъ первый охотникъ въ округѣ. За него съ радостью отдадутъ любую дѣвицу даже безъ всякаго калыма.

— Ну, по первой удачѣ нельзя судить, что изъ него будетъ потомъ. А на мою дочь заглядываются всѣ, возразилъ Трофимъ.

— Да кто же заглядывается? Если бы была еще жирная да высокая, а то вѣдь и маленькая и худая. Вотъ хочешь, бери двадцать рублей и по рукамъ.

И Иванъ вынулъ изъ-за пазухи двѣ десятирублевки и положилъ ихъ на столъ, послѣ чего оба свата удалились. Но, спустя нѣкоторое время, они опять пришли въ юрту Трофима.

— Ну, что? Согласенъ, что ли, за двадцать отдать дочь?

— Двадцать мало. Если хотите, такъ ужъ и быть, за пятьдесятъ отдамъ, сказалъ Трофимъ.

— Да ты что же это, смѣешься, что ли, надъ нами? Слыханное ли дѣло, чтобы въ нынѣшнія времена запрашивали такой калымъ за невѣсту?! Русскіе, вонъ, никакого калыма за невѣстъ не берутъ, а русскія дѣвки покрасивѣе твоей Дарьи будутъ. Бери, вотъ еще прибавимъ десять, и по рукамъ, произнесъ Иванъ, вынимая десятку и кладя ее на столъ возлѣ прежнихъ двадцати. Подумай, и скажи отвѣтъ, больше не прибавимъ.

И сваты снова удалились. Но черезъ нѣсколько времени они пришли опять и добавили еще пять рублей.

Наконецъ, торгъ былъ улаженъ, и Трофимъ въ знакъ того, что условіе состоялось, привязалъ къ черемуховой тросточкѣ второго свата красный платокъ.

Тѣмъ временемъ Степанъ съ нетерпѣніемъ поджидалъ возвращенія сватовъ, чтобы узнать объ успѣшности ихъ переговоровъ. И велика была его радость, когда онъ увидалъ красный платокъ на черемуховой тросточкѣ Семена, кото-

рымъ тотъ издали махалъ, подъѣзжая къ дому. Значитъ, дѣло уладилось!

Степанъ тотчасъ же принялся снаряжать лодку, устроивъ въ ней изъ розоваго ситца занавѣски, подъ которыми должна была ѣхать въ домъ жениха невѣста. И когда лодка была готова, женихъ въ сопровожденіи Федора, Натальи, двухъ дружекъ, Петра и Тимохи, и двухъ хайтехумовъ, плывшихъ на отдѣльныхъ лодкахъ, отправились въ путь.

Въ домѣ невѣсты уже все было готово для встрѣчи гостей: припасена самосадка и напечены разныя яства.

Но прежде чѣмъ приступить къ свадебному пиршеству, женихъ и невѣста обмѣнялись кольцами и въ сопровожденіи своихъ родителей отправились къ мѣстному шайтану, находившемуся въ амбарѣ, недалеко отъ пауля, и представлявшему изъ себя простое полѣно, высѣченное на подобіе человѣческой фигуры и одѣтое въ разноцвѣтные лоскутки. Амбаръ, въ которомъ находился шайтанъ, былъ сплошь заваленъ и завѣшанъ разными жертвами: тутъ были, уже испорченныя молью, собольи и лисьи шкурки, шали и платки, мѣдныя и серебряныя монеты, кольца и проч.

По случаю выдачи своей дочери замужъ, Трофимъ закололъ передъ шайтаномъ 7 головъ отъ разныхъ животныхъ: двѣ курицы, двухъ пѣтуховъ, двухъ бѣленькихъ барашковъ и молодого оленя. Кровью и жиромъ этихъ животныхъ онъ обмазалъ губы у шайтана, а оставшуюся кровь выпили присутствовавшіе при этомъ жертвоприношеніи вогулы. Женихъ съ невѣстой оставили передъ шайтаномъ свои обручальныя кольца, а также положили по платку и по нѣсколько серебряныхъ монетъ.

Послѣ этого всѣ вернулись въ юрту и усѣлись за столъ, при чемъ Степанъ, по обычаю, во все время свадебнаго пира сидѣлъ въ шапкѣ.

Отпраздновавъ у тестя, Степанъ посадилъ свою невѣсту въ приготовленную лодку, подъ занавѣски, самъ сѣлъ на руль, а дружки на весла. Родители молодыхъ, хайтехумы и нѣкоторые приглашенные на свадьбу сѣли въ другія лодки, и свадебная процессія тронулась въ обратный путь. Хайтехумы отъ времени до времени выходили на берегъ, чтобы

сдѣлать на деревьяхъ топоромъ зарубки для обозначенія направленія, по которому была везена невѣста. Это дѣлалось для того, чтобы показать, что она увезена съ согласія родителей.

По пріѣздѣ домой, Степанъ высадилъ изъ лодки невѣсту, а ситцевыя занавѣски, подъ которыми она ѣхала, снялъ съ лодки и повѣсилъ на священный кедръ, на которомъ вогулки вѣшали колыбельки своихъ умершихъ дѣтей. Этимъ приношеніемъ Степанъ хотѣлъ задобрить лѣсного духа, покровителя дѣтей, чтобы онъ не отнималъ у него его будущихъ ребятъ.

Затѣмъ Федоръ принесъ своему домашнему шайтану также семь головъ отъ разныхъ животныхъ. Число семь у вогуловъ считается священнымъ.

Справивъ пиршество такъ же и у жениха, гости разъѣхались, а молодые зажили, какъ мужъ съ женой. Съ вѣнчаніемъ въ церкви по христіанскому обряду они не спѣшили. За это привелось бы платить особо священнику, а калымъ и угощеніе гостей и такъ стали не дешево.

Но на слѣдующее лѣто священникъ, объѣзжая по своему приходу, узналъ, что Степанъ живетъ съ Дарьей невѣнчаннымъ и что у нихъ уже былъ даже ребенокъ, хотя и померъ. Священникъ началъ бранить Степана и угрожать ему судомъ, если тотъ не исполнитъ христіанскаго обряда.

И только послѣ этой угрозы, чтобы и въ самомъ дѣлѣ не нажить бѣды, Степанъ съ Дарьей явились въ церковь и упросили бачьку за нѣсколько лисьихъ и собольихъ шкурокъ повѣнчать ихъ.

Клятва «на носу щуки».

Степанъ былъ угрюмый, хворый и нелюдимый вогулъ. Онъ почти постоянно хворалъ, и своимъ видомъ внушалъ и жалость, и непріязненное къ себѣ отношеніе; сознавая это, онъ старался сторониться отъ людей такъ же, какъ и они его избѣгали.

Но голодъ и нужда частенько заставляли его понавѣдываться къ намъ въ юрту. Въ особенности его привлекали наши колачи, которые мы стряпали изъ привезенной нами бѣлой муки. Вогулы не знаютъ земледѣлія, и хлѣбъ даже у богатыхъ изъ нихъ бываетъ рѣдко. Живутъ они одной охотой да рыбной ловлей, и обычную ихъ пищу составляютъ мясо убитыхъ звѣрей и рыба, которая варится не всегда даже съ солью, такъ какъ и соль попадаетъ къ нимъ не часто.

Понятно поэтому, что наши колачи, да еще изъ бѣлой, крупичатой муки, должны были казаться вѣчно голодному Степану особенно вкусными.

Обыкновенно, зайдя къ намъ въ юрту и покрестившись на образа, онъ не рѣшался проходить дальше порога, а, усѣвшись на него, вынималъ изъ-за пазухи свою трубку, набивалъ ее вмѣсто табака какой-то травой и молча начиналъ попыхивать, выпуская облака невозможно удушливаго дыма.

— Ну, что, Степанъ, какъ дѣла? спрашивали мы.

— Хуто, отнако, былъ его обычный отвѣтъ.

— Что такъ?

— Ѣсть нѣтъ; тругой тень нѣтъ; ничего не ѣлъ!..

— Что же, развѣ рыба плохо ловится?

— Ничего не ловится, че нарошно.

И мы уже знали, что Степану, дѣйствительно, приходилось плохо, и давали ему или колачъ, или другое что-нибудь изъ провизіи, послѣ чего онъ всегда, молча, позабывая сказать „спасибо", удалялся.

Хозяева нашей юрты относились къ Степану враждебно и не совѣтовали намъ пускать его къ себѣ даже на порогъ, такъ какъ, по ихъ увѣреніямъ, онъ былъ воръ.

Воровство у вогуловъ считается самымъ величайшимъ изъ преступленій, какое только они могутъ себѣ представить. Обыкновенно у нихъ не существуетъ никакихъ запоровъ, а о желѣзныхъ замкахъ они даже и понятія не имѣютъ. Оставляя въ тайгѣ шкуры убитыхъ звѣрей или какія-либо другія цѣнныя вещи, вогулъ вырубаетъ на ближайшемъ деревѣ свою тамгу, т. е. особенный значокъ, замѣняющій нашу печать, и уже увѣренъ, что никто другой не прикоснется къ его собственности. Амбары съ провизіей тоже никогда не запираются, кромѣ какъ отъ хищныхъ звѣрей, и всякій нуждающійся вогулъ воленъ приходить въ чужой амбаръ, какъ въ свой собственный, и брать тамъ, что нужно. И это не считается воровствомъ, это — право каждаго.

Но Степанъ давно уже этого права лишился. Дѣло въ томъ, что, несмотря на свою болѣзнь, не позволявшую ему много ходить на лыжахъ и охотиться за звѣрями наравнѣ съ другими, онъ все-таки былъ на ногахъ, а не лежалъ въ постели, и вогулы поэтому были увѣрены, что онъ отлыниваетъ отъ промысловъ только изъ-за одной лѣни, а между тѣмъ его однообщественникамъ приходилось вносить за него въ казну ясакъ [1]), и это ихъ сильно противъ него вооружало. Они не только запретили ему брать провизію изъ своихъ амбаровъ, но даже лишили его пая въ общественной рыбной ловлѣ, которая производится ими лѣтомъ общимъ неводомъ.

Юрта Степана походила скорѣй на хижину какого-то пещернаго человѣка, чѣмъ на жилище современнаго. Она состояла изъ небольшого низкаго деревяннаго сруба съ земля-

---

[1]) Подать натурой, нынѣ переведенная на деньги.

нымъ поломъ и крытымъ дерномъ потолкомъ. Два крошечныхъ оконца съ натянутой на нихъ оленьей брюшиной вмѣсто стеколъ давали очень мало свѣта. Въ одномъ углу находился чувалъ, съ вмазаннымъ въ него большимъ чугуннымъ котломъ для варки пищи. Вмѣсто стола — двѣ широкихъ плахи на козлахъ, вмѣсто стульевъ — два толстыхъ обрубка. У одной изъ стѣнъ — широкія нары [1]). И это все. Никакихъ сундуковъ для храненія бѣлья и одежды; никакихъ чулановъ, никакихъ амбаровъ для склада провизіи не существовало, такъ какъ и хранить-то было нечего. Сѣней не было, и дверь изъ юрты выходила прямо въ тайгу. Все богатство Степана состояло изъ заржавѣвшаго кремневаго ружья, давно уже не бывавшаго въ употребленіи, старой лодки, двухъ гамговъ [2]), нѣсколькихъ кулупяхъ [3]) и пленкахъ [4]) да изъ двухъ-трехъ лобцовъ [5]), разставленныхъ въ урманѣ. Впрочемъ, въ его хозяйствѣ была еще собака, но она уже сама должна была заботиться о своемъ пропитаніи.

Около юрты Степана, какъ около берлоги хищнаго звѣря, валялась цѣлая груда обглоданныхъ костей. Нерѣдко единственной его пищей служили кости, выбрасываемыя послѣ обѣдовъ его односельцами своимъ собакамъ. Онъ собиралъ эти кости, оспаривая ихъ у животныхъ, вываривалъ въ своемъ котлѣ и питался ими вмѣстѣ со своими ребятишками, которыхъ у него было двое: мальчикъ — лѣтъ семи и дѣвочка — пяти.

Несмотря на суровую зиму, оба ребенка не имѣли не только теплой одежды, но даже цѣльныхъ рубашонокъ и ходили полуголыми, въ особенности дѣвочка. Степанъ былъ вдовъ, и, такимъ образомъ, въ довершеніе всего, ребятишки связывали его по рукамъ и ногамъ.

Что касается мальчика, то онъ, какъ шустрый, расторопный и услужливый ребенокъ, постоянно торчалъ въ юртѣ нашего хозяина Тимофея, гдѣ мелъ полы, ходилъ за водой, таскалъ дрова и вообще, не смотря на свои лѣта, старался

---

1) Нары — лавки.
2) Гамга — рыболовный снарядъ, родъ верши.
3) Кулупи — сѣти.
4) Пленки — волосяныя петли для ловли дикихъ утокъ.
5) Лобцы — западни для ловли лѣсной птицы.

быть, насколько возможно, полезнымъ; и за это семья Тимофея сажала его за общій столъ и кормила, такъ что ему на свою судьбу жаловаться было нельзя. Другое дѣло — его сестренка. Она была совсѣмъ безпомощна и жила со своимъ отцомъ, терпя вмѣстѣ съ нимъ и голодъ, и холодъ, и всевозможныя лишенія.

Какъ-то разъ, вскорѣ послѣ нашего водворенія въ юртѣ, Степанъ пришелъ къ намъ, захвативъ съ собою своего ребенка. Это было крохотное, болѣзненное созданіе съ несоразмѣрно большимъ животомъ на тоненькихъ ножкахъ, съ черными, серьезными не по-лѣтамъ, глазами и никогда не улыбающимся, курносымъ личикомъ. Весь костюмъ дѣвочки состоялъ изъ нѣсколькихъ грязныхъ лоскутковъ, остатковъ отъ ея прежняго платья, болтавшихся на ея худенькихъ плечикахъ, тогда какъ ноги и животъ были совершенно голые. Она не имѣла никакой обуви, и пришла къ намъ по снѣгу босая. Чтобы прикрыть чѣмъ-нибудь ея наготу, мы дали ей старую рубашку изъ своего бѣлья. И нужно было видѣть, какъ подѣйствовалъ нашъ подарокъ на этого, непривыкшаго къ посторонней внимательности, загнаннаго и запуганнаго голодомъ и нуждою ребенка. По-русски она не понимала ни слова; но когда мы надѣли на нее рубашку, и когда она убѣдилась, наконецъ, что эта рубашка дарится ей совсѣмъ, она сначала поблѣднѣла, точно испугалась огромности свалившагося на нее счастія, затѣмъ, съ самымъ серьезнымъ, совсѣмъ не-дѣтскимъ выраженіемъ лица, встала среди комнаты и начала степенно креститься и класть земные поклоны, строгимъ взглядомъ взрослой, много испытавшей женщины, смотря въ передній уголъ на икону и шепча какія-то слова молитвы. Кто научилъ ее съ такою вѣрою и такимъ чувствомъ молиться — это осталось для насъ загадкой, такъ какъ Степанъ, какъ и большинство вогуловъ, хотя и считался христіаниномъ, но скорѣе только на бумагѣ; на самомъ же дѣлѣ онъ кланялся своимъ шайтанамъ и приносилъ имъ языческія жертвы.

Дѣти Степана, повидимому, были крѣпко привязаны другъ къ другу. Общія лишенія, которыя имъ приходилось часто испытывать, заставляли мальчика горячо сочувствовать се-

стренкѣ и заботиться о ней. Когда наступила весна, и снѣгъ вокругъ пауля растаялъ, мы частенько видали, какъ дѣти вмѣстѣ играли на берегу озера, возлѣ котораго стояла юрта Степана, и съ какой внимательностью относился братъ къ сестрѣ, собирая ей разноцвѣтные камушки и, какъ нянька, окружая ее всяческими попеченіями.

Но вотъ въ одинъ прекрасный день мы узнали, что наши хозяева, пріютившіе за своимъ столомъ маленькаго вогула, прогнали его прочь и даже запретили ему показываться въ домѣ.

Оказалось, что однажды послѣ обѣда, по выходѣ изъ-за стола, одна изъ хозяекъ замѣтила, что рубашонка у мальчика что-то слишкомъ оттопырилась.

— Что это у тебя за пазухой? спросила вогулка.

Мальчикъ перепугался и молчалъ.

— Говори, что у тебя тамъ?

Ребенокъ вмѣсто отвѣта бросился бѣжать; но его схватили, распоясали, и, къ общему удивленію и негодованію, изъ-подъ его рубашки высыпалось на полъ нѣсколько кусочковъ хлѣба и мяса.

— А, ты еще воровать вздумалъ, негодный?

И на бѣднаго мальчика посыпались удары и пощечины. Напрасно маленькій преступникъ умолялъ о помилованіи, напрасно объяснялъ онъ, что сдѣлалъ это не для себя, а для своей голодающей сестренки, напрасно давалъ онъ клятвы и обѣщанія впередъ никогда этого не дѣлать. Мольбамъ его не внимали, обѣщаніямъ не вѣрили. Всѣмъ ясно было только одно, что мальчикъ оказался воромъ. Какъ, почему, въ это никто не вникалъ.

— Отецъ воръ, и сынъ воръ; отъ худого сѣмени не можетъ быть добраго плода, разсуждали вогулы.

И мальчикъ былъ изгнанъ.

И вотъ у Степана, бѣднаго, голоднаго Степана прибавился еще лишній ротъ, который необходимо было тоже такъ или иначе кормить.

Между тѣмъ съ наступленіемъ весны охота на оленей и лосей прекратилась; мяса у вогуловъ не стало; перелетной птицы въ этомъ году было мало; рыба ловилась плохо; а

хлѣбъ, какъ сказано, и въ добрую пору былъ рѣдкостью и служилъ скорѣе, какъ лакомство.

Положеніе Степана съ его скудными рыболовными снарядами сдѣлалось отчаяннымъ.

Вскорѣ послѣ изгнанія маленькаго вогула, у Тимофея стала пропадать рыба изъ садковъ. Это его страшно озлобляло, такъ какъ онъ былъ увѣренъ, что кромѣ Степана рыбу у него воровать было некому. Однажды, зайдя неожиданно въ юрту послѣдняго, онъ засталъ его за варкою трехъ большихъ щукъ, которыя какъ разъ въ это утро исчезли изъ садка Тимофея. Но Степанъ клялся и призывалъ въ свидѣтели всѣхъ шайтановъ, что щукъ этихъ онъ поймалъ самъ въ свою гамгу.

Такъ какъ рыба продолжала исчезать, то Тимофей рѣшилъ, во что бы то ни стало, изловить вора и уличить его на мѣстѣ преступленія.

Несмотря на привычку сладко поспать и обычную лѣнь, свойственную всѣмъ вогуламъ, онъ въ продолженіе нѣсколькихъ ночей подъ рядъ слѣдилъ за своимъ подозрѣваемымъ сосѣдомъ.

Надо сказать, что весеннія ночи въ этой мѣстности вовсе не похожи на наши.

Заря никогда совершенно не потухаетъ, и въ глубокую полночь бываетъ свѣтло, какъ днемъ.

И вотъ, въ одну изъ такихъ ночей Тимофей, бывшій на стражѣ, замѣтилъ, какъ Степанъ, выйдя изъ своей юрты, сѣлъ въ лодку и отправился вдоль берега озера по направленію къ небольшой рѣчкѣ, около устья которой находились запоры Тимофея и садокъ для пойманной рыбы.

Такъ какъ до рѣчки можно было добраться и пѣшкомъ черезъ тайгу, то Тимофей не сѣлъ въ лодку, а побѣжалъ къ своимъ рыболовнымъ снарядамъ берегомъ. Онъ пришелъ туда въ то время, когда Степанъ, стоя въ лодкѣ, вылавливалъ изъ садка рыбу.

Тимофей подкрался изъ-за деревьевъ почти вплоть къ Степану, но, находясь на берегу, онъ, разумѣется, не могъ его схватить.

— Богъ помочь, Степанъ Захарычъ! насмѣшливо крикнулъ онъ.

Степанъ до того испугался отъ этого неожиданнаго окрика, что выронилъ сакъ изъ рукъ и едва самъ не опрокинулся изъ своей узенькой лодчонки въ воду.

— Что, много тебѣ Богъ послалъ на сегодняшній день?! насмѣхался Тимофей.

Но Степанъ уже оправился и, схвативъ весло, быстро началъ отчаливать отъ злополучныхъ ловушекъ.

— Постой! Куда же ты? Подѣлись хоть со мной! У меня тоже семья пить-ѣсть хочетъ! издѣвался ему вслѣдъ Тимофей.

Но Степанъ ничего не слушалъ и удиралъ все дальше и дальше.

— Врешь, не уйдешь! Все же домой-то воротишься! ворчалъ Тимофей, придумывая, какому наказанію подвергнуть уличеннаго вора.

Осмотрѣвъ свой садокъ и убѣдившись, что рыбы въ немъ довольно-таки поубавилось, Тимофей не спѣша воротился домой. Торопиться ему было не къ чему; онъ зналъ, что Степану все равно скрыться отъ дому и ребятишекъ некуда.

Придя въ пауль, онъ прежде всего постарался оповѣстить своихъ односельцевъ, что накрылъ вора, и такъ какъ и тѣ уже давно замѣчали, что и изъ ихъ ловушекъ иногда исчезаетъ куда-то добыча, то общимъ совѣтомъ было рѣшено „поучить“ немного озорника, чтобы ему впредь было неповадно.

Однако, когда озлобленные вогулы пришли въ юрту Степана, чтобы потребовать его на расправу, то тамъ не только самого виноватого, но ни ребятишекъ, ни даже собаки его не оказалось. Лодки Степана тоже нигдѣ не было. Очевидно, онъ, забравъ съ собой свою семью, куда-то улетучился. Но куда? Это была загадка, и вогулы находились въ совершенномъ недоумѣніи. Положимъ, тайга велика, и хорошій промышленникъ не пропалъ бы въ ней съ голоду, но только не Степанъ. Какъ и чѣмъ онъ надѣялся прокормить себя да еще двухъ полуголыхъ ребятишекъ?..

— Воротится. Куда уйдетъ?! Ѣсть, небось, захочетъ. Гляди, къ ночи явится, рѣшили они.

Но Степанъ не явился и на слѣдующій день.

Прошло еще три дня, а о Степанѣ и его ребятишкахъ не было ни слуху, ни духу. Никто даже и не видалъ, въ какую сторону онъ уѣхалъ.

Вогулы стали безпокоиться.

— А ну его! пускай бы онъ тамъ пропалъ въ тайгѣ вмѣстѣ съ своимъ воровскимъ сѣменемъ—плакальщиковъ по немъ было бы мало. Но бѣда въ томъ, что исчезновеніе его замѣтятъ посторонніе, пойдутъ разговоры и разспросы, куда дѣлся мужикъ съ ребятами? Что они станутъ отвѣчать? Знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ! Но, вѣдь, имъ не повѣрятъ. А тамъ слухъ дойдетъ до засѣдателя. Заставятъ разыскивать и подавать его живого или мертваго. Заварится такая каша, что и не расхлебаешь. О, они еще очень хорошо помнили, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ у Федора въ Пачерахъ-паулѣ утонула теща, и какъ засѣдатель чуть не два года заставлялъ караулить мертвое тѣло, пока не пріѣхалъ лекарь и не велѣлъ закопать. Съ тѣхъ поръ Федоръ совсѣмъ разорился, даромъ что былъ богатый: вытрясли изъ него мошну-то. То же самое будетъ и съ ними. Бѣда! И сунуло этого Тимофея такъ напугать мужика? Эка важность, что взялъ изъ ловушекъ рыбу! Вѣдь не раззорился бы. Тоже, чай, у него ребятишки: пить-ѣсть хотятъ.

Такъ разсуждали вогулы, да и самъ Тимофей уже начиналъ приходить къ тому заключенію, что далъ маху.

Но вотъ утромъ на пятый день, едва только Тимофей переступилъ порогъ своей юрты, чтобы итти осматривать ловушки, какъ передъ нимъ, точно изъ земли, выросъ совершенно отощавшій, съ ввалившимися глазами Степанъ и повалился ему въ ноги.

— Прости! не буду больше... взмолился бѣдняга.

— Ба! Степанъ Захарычъ! Откуда Богъ принесъ? обрадовался Тимофей, чувствуя, точно гора съ плечъ у него свалилась...

— Прости... не буду... бормоталъ Степанъ.

— Ну, ладно ужъ! Че ужъ съ тобой дѣлать? Богъ проститъ.

Узнавъ о возвращеніи Степана, всѣ обыватели были обрадованы, въ особенности женщины. Онѣ наперерывъ

старались угостить, кто чѣмъ могъ, совершенно оголодавшихъ ребятишекъ и натащили имъ всякой провизіи чуть не на цѣлый мѣсяцъ.



Сказочникъ вогулъ и его проводникъ.

Однако, чтобы оградить себя на будущее время отъ воровства, вогулы общимъ совѣтомъ рѣшили заставить Степана торжественно поклясться на носу щуки, что онъ никогда больше не будетъ брать безъ ихъ вѣдома рыбу изъ ихъ ловушекъ.

Въ одно прекрасное утро среди урмана, на берегу озера, недалеко отъ ловушекъ Тимофея, гдѣ Степанъ былъ уличенъ въ воровствѣ, собралась возлѣ разложеннаго костра кучка охотниковъ. Передъ огнемъ былъ поставленъ деревянный истуканъ, шайтанъ Сянга-пупи. Это былъ толстый обрубокъ дерева, высѣченный на подобіе фигуры человѣка. По грубости работы это изображеніе очень походило на тѣхъ чучелъ, какія дѣлаютъ зимой изъ снѣга крестьянскіе ребятишки.

На широкой плахѣ передъ истуканомъ была положена большая, еще трепещущая щука, а возлѣ нея топоръ.

— Ну, Степанъ, подходи! сказалъ Тимофей, заправлявшій церемоніей и ради такого торжественнаго случая, переставая насмѣшливо величать Степана по отчеству.

Степанъ, неувѣренно посматривая на истукана, подошелъ и взялся за топоръ. Затѣмъ онъ взмахнулъ имъ надъ головой и однимъ ударомъ отрубилъ у щуки носъ.

Тимофей разрѣзалъ обезображенную щуку и ея слизкими внутренностями помазалъ по губамъ шайтана Сянга-пупи. Отрубленный носъ щуки онъ бросилъ въ огонь, а туловище и внутренности кинулъ въ озеро.

— Вотъ теперь дѣло-то будетъ вѣрнѣе! произнесъ онъ, и охотники начали расходиться.

— А ужъ ты возьми у меня опять мальчонку-то! — сказалъ Степанъ, обращаясь къ Тимофею, видя его благодушное настроеніе.

— Да че ужъ съ тобой дѣлать? Ладно, пусть ходитъ.

Такимъ образомъ все было улажено къ обоюдному удовольствію.

По языческому вѣрованію вогуловъ, всякій нарушившій клятву на носу щуки, уже навсегда долженъ былъ отказаться отъ надежды поймать когда-либо въ свои ловушки щуку.

Прошло нѣсколько времени.

И вотъ снова Степанъ сидѣлъ у насъ на порогѣ, попыхивая изъ своей трубки.

— Ну что, Степанъ, какъ дѣла?

— Худо, отнако.

— Что такъ?

— Шрать нѣтъ; тругой тень нѣтъ; ничего не ѣлъ. Рыпа совсѣмъ перестала ловиться.

— А клятву-то на щучьемъ носу ты еще не нарушилъ?

Степанъ нахмурился. Вогулы держали въ тайнѣ отъ насъ свои языческія вѣрованія, и онъ даже не подозрѣвалъ, что мы знали объ его клятвѣ.

— Зачѣмъ нарушать? Че нарошно, угрюмо потупившись, отвѣтилъ онъ.

— Отчего же не ловится-то?

— А кто ее знаетъ...

Наступило неловкое положеніе. У насъ тоже провизія была на исходѣ. Но не это насъ смущало, насъ смущало будущее Степана. Какъ онъ будетъ жить потомъ со своимъ ребенкомъ, если у него дѣла пойдутъ и дальше такъ же плохо, какъ шли съ самаго начала этой весны? Ему останется опять одинъ исходъ воровать.

— А какъ по-вашему, правда, што щуки не путутъ ловиться, коли я опять украту рыпу? спросилъ вдругъ Степанъ, точно угадывая наши мысли.

Мы съ пріятелемъ переглянулись.

Что намъ было отвѣтить на такой вопросъ? Сказать, что это безсмысленное суевѣріе, значитъ, какъ бы поощрить его этимъ къ совершенію новаго воровства; отвѣтить ему, что правда, значитъ, въ нѣкоторомъ родѣ укрѣпить этого темнаго человѣка въ его грубомъ невѣжествѣ. Доказывать ему, что воровать вообще не слѣдуетъ безполезно, потому что онъ и самъ прекрасно понимаетъ, что воровать и не хорошо, и стыдно, и тяжело, а дѣлаетъ онъ это только по необходимости, чтобы не умереть съ голода со своимъ ребенкомъ.

Хорошо, будучи сытымъ, читать наставленія о добродѣтели; но вѣдь голодному человѣку отъ этихъ нравоученій ничуть не сытнѣе.

Мы рѣшительно ничего не нашлись отвѣтить на этотъ мудреный вопросъ и промолчали.

Сердитый шайтанъ.

(Вогульское преданіе изъ временъ покоренія Сибири).

I.

Далеко гремѣло по Сибири славное имя могучаго шайтана Урманъ-Хума, и со всѣхъ сторонъ спѣшили къ нему на поклонъ съ богатыми дарами пилигримы. Съ Печоры, Сосьвы, Тавды и Оби несли вогулы на Конду въ завѣтныя сокровищницы шайтана дорогіе мѣха соболей, чернобурыхъ лисицъ, бобровъ, куницъ и многихъ другихъ звѣрей, которыми всемогущій Тормъ въ избыткѣ населилъ эти страны.

Каждый охотникъ, отправляясь на промыселъ, давалъ клятвенное обѣщаніе, по окончаніи охоты, снести въ даръ Урманъ-Хуму перваго убитаго имъ звѣря, и горе было тому, кто осмѣлился бы пренебречь этой клятвой! Напрасно онъ сталъ бы рыскать по завѣтнымъ урманамъ, отыскивая добычу: оскорбленное божество поразило бы слѣпотой его очи, и онъ проходилъ бы мимо самаго звѣря, не замѣчая его.

Въ торжественные дни въ жертву этому божеству приносились цѣлыя стада оленей, лосей и другихъ звѣрей, и горячая кровь этихъ священныхъ животныхъ никогда не высыхала на вѣчно окровавленныхъ губахъ шайтана.

Съ каждымъ годомъ росли и умножались богатства Урманъ-Хума, а вмѣстѣ съ ними росла и распространялась далеко за предѣлами вогульскаго княжества слава о немъ.

Всѣ сокровища, принадлежавшія шайтану, находились въ завѣдываніи мудраго шамана; но эти сокровища не представляли изъ себя мертвый капиталъ. По существовавшему обычаю, каждый нуждающійся вогулъ могъ во всякое время приходить и брать изъ нихъ столько, сколько ему было нужно.

съ тѣмъ, разумѣется, условіемъ, чтобы впослѣдствіи, послѣ первой же удачной охоты, возвратить взятое обратно. Такимъ образомъ, сокровищница при шайтанѣ играла роль безпроцентнаго банка.

Капище Урманъ-Хума находилось неподалеку отъ резиденціи главнаго вогульскаго князя Сатыги, расположенной на одномъ изъ притоковъ Большой Конды. Рѣка Большая Конда, составляющая самый сѣверный, лѣвый притокъ многоводнаго Иртыша, въ среднемъ своемъ теченіи принимаетъ въ себя съ правой стороны рѣку Малую Конду. Эта послѣдняя въ своихъ вершинахъ прорѣзываетъ три большихъ *ту̀мана* (проходныхъ озера). Здѣсь-то, на одномъ изъ этихъ ту̀мановъ, на мысѣ далеко вдающемся въ воду, и находилась крѣпость князя Сатыги, обнесенная двойною деревянною стѣною. Высокій холмъ, на которомъ она стояла, съ трехъ сторонъ круто опускался въ воду, а часть, примыкавшая къ сушѣ, была окружена глубокимъ рвомъ, наполненнымъ водою, за которымъ тотчасъ же начинался земляной валъ, обнесенный частоколомъ.

Крѣпость по тогдашнему времени считалась неприступной. Невдалекѣ начинался дремучій темный урманъ, тянувшійся далеко вглубь страны.

Обладатель этой неприступной крѣпости, храбрый и воинственный князь Сатыга, являлся грозою для своихъ сосѣдей и нерѣдко производилъ на нихъ опустошительные набѣги.

Въ первые годы своего княженія Сатыга былъ для своего народа довольно добрымъ княземъ, но какъ-то разъ послѣ одного удачнаго похода на зырянъ, онъ привезъ съ собой плѣненную имъ зырянскую княжну Хатыму. Красавица Хатыма скоро, въ свою очередь, такъ плѣнила сердце Сатыги, что сдѣлала его рабомъ своихъ прихотей. Озлобленная за гибель своего рода, она рѣшилась жестоко отомстить вогульскому народу и орудіемъ своей мести избрала очарованнаго ею князя Сатыгу. И вотъ, слѣдуя ея коварнымъ навѣтамъ, онъ началъ мало-по-малу притѣснять и угнетать свой собственный народъ. Онъ обложилъ его непосильными податями и обязалъ всѣхъ взрослыхъ подданныхъ являться въ извѣстное

время для тяжелыхъ полевыхъ работъ [1]), при чемъ усталые отъ дневной работы люди должны были ночью пѣть пѣсни и плясать для увеселенія его возлюбленной. Но мало этого, онъ сталъ оскорблять отечественныхъ боговъ и разгромилъ не одно уже капище. Напрасно мудрые шаманы [2]) взывали къ его благоразумію, напрасно они угрожали ему гнѣвомъ оскорбленныхъ шайтановъ, — Сатыга, ослѣпленный волшебными чарами злой Хатымы, ничего не хотѣлъ слушать.

Народъ глухо ропталъ, но что онъ могъ сдѣлать съ княземъ, котораго боялись всѣ сосѣднія племена? Окруженный испытанною въ бояхъ дружиною, съ которою онъ вмѣстѣ пировалъ и дѣлился награбленною добычею, Сатыга чувствовалъ свою силу, и ему не страшенъ былъ ропотъ его подданныхъ.

А между тѣмъ алчная и коварная Хатыма не дремала. Она давно уже нашептывала князю святотатственныя рѣчи разграбить богатства Урманъ-Хума. Но князь не рѣшался окончательно раздражать свой народъ, да кромѣ того, онъ боялся вооружить противъ себя могущественныхъ сосѣдей-остяковъ, не менѣе вогуловъ почитавшихъ шайтана Урманъ-Хума.

Тогда княжна рѣшилась хитростью добиться своего: она взяла съ Сатыги слово, что тотъ, въ случаѣ, если у нея родится сынъ, положитъ къ ея ногамъ сокровища шайтана. Дѣйствительно, у нея родился сынъ, и князь волей-неволей долженъ былъ исполнить ея желаніе.

II.

На многія сотни верстъ кругомъ раскинулась тайга съ ея непроходимыми дремучими лѣсами, дебрями и болотами.

Глубокая зимняя ночь. Блѣдный серпъ луны меланхолически смотритъ съ высоты яснаго, усѣяннаго яркими звѣздами неба, напрасно стараясь погрузить свои серебристые лучи въ глубину таинственнаго урмана, гдѣ даже и днемъ, при

---

[1]) По преданію, прежде на Кондѣ процвѣтало земледѣліе.

[2]) Шаманы — жрецы.

яркомъ солнечномъ свѣтѣ, все такъ мрачно и угрюмо... Огромныя, косматыя вѣтви столѣтнихъ кедровъ, елей и пихтъ, опушенныя густыми шапками снѣга, какъ-будто хотятъ заслонить отъ нескромныхъ взоровъ небеснаго свѣтила то, что творится въ нѣдрахъ вѣкового лѣса... Мертвая, ничѣмъ ненарушаемая тишина царствуетъ всюду.

Причудливою бѣлою лентой тянется сквозь лѣсную чащу извилистая рѣка Конда. На одномъ изъ ея береговъ, подъ



Группа вогуловъ.

величественными сводами кедровника пріютилось нѣсколько вогульскихъ юртъ. Это — Вытлыхъ-пауль.

Въ одной изъ юртъ ярко пылаетъ въ чувалѣ [1]) привѣтливый огонекъ. Возлѣ него сидитъ группа женщинъ съ прялками и тихо разговариваютъ между собой. На широкихъ, тянущихся вдоль стѣнъ нарахъ лежитъ съ бѣлою, какъ снѣгъ, головою старый слѣпой дѣдъ. Въ одномъ изъ угловъ возятся двое ребятишекъ — мальчикъ и дѣвочка.

[1]) Чувалъ — камелекъ.

Въ переднемъ, красномъ углу юрты, убранномъ свѣжими вѣтками пихты, стоятъ нѣсколько деревянныхъ истуканчиковъ, одѣтыхъ въ яркіе лоскутки,—это домашніе шайтанчики, покровители семейнаго очага. По стѣнамъ развѣшаны луки, колчаны со стрѣлами, рогатины и сѣкиры. На шестахъ, подъ самымъ потолкомъ, рыболовныя сѣти; полъ устланъ оленьими шкурами; въ сундукахъ женскія наряды, шитыя бисеромъ; за перегородкою малицы [1]) и дохи [2]) изъ оленьихъ и лисьихъ мѣховъ. Небольшія окна юрты, густо переплетенныя продольными жердочками, затянуты оленьей брюшиной, даже и днемъ пропускающей мало свѣта.

— Долго что-то наши охотники не возвращаются, ужъ не случилось ли чего-нибудь съ ними,—да сохранитъ ихъ всемогущій Тормъ!—произнесла одна изъ женщинъ, подбрасывая въ чувалъ свѣжую охапку дровъ.

— Ну вотъ! Зачѣмъ они теперь-то воротятся? Вѣдь вчера и сегодня такой хорошій чарымъ [3]), возразилъ старикъ. Теперь самое удобное время для охоты: ни одинъ крупный звѣрь далеко не уйдетъ отъ охотника.

— И медвѣдь не уйдетъ, дѣдушка? спросила маленькая черноволосая и черноглазая внучка, подходя къ дѣду.

— Тсс!.. Въ умѣ ли ты? Развѣ можно произносить *его* имя? съ испугомъ закричали на нее женщины.

Дѣвочка смутилась, растерянно озираясь вокругъ.

— Никогда, дитя, не упоминай зря *его* имени, а въ особенности ночью, строго сказалъ старикъ положивъ руку на голову дѣвочки.

Затѣмъ, помолчавъ немного, онъ добавилъ болѣе мягкимъ тономъ:

— Да, если поднять *его* изъ берлоги, то и *ему* трудно бороться съ охотникомъ во время чарыма. Охотникъ на лыжахъ ускользнулъ, и нѣтъ его; а *онъ-то* далеко ли ускачетъ по глубокому, заледенѣвшему снѣгу? Во время чарыма самая подходящая на *него* охота.

---

[1]) Малица — мѣховая одежда, мѣхомъ наружу.

[2]) Доха — одежда изъ оленьей шкуры.

[3]) Чарымъ — гололедица.

— А отчего, дѣдушка, нельзя называть *его* по имени? спросилъ, подходя къ дѣду, маленькій, такой же черноволосый и черноглазый, какъ и дѣвочка, внучекъ.

— Не любитъ *онъ* этого, не любитъ, когда упоминаютъ *его* имя.

— Да развѣ *онъ* слышитъ? усомнилась дѣвочка.

— *Онъ* все слышитъ, все видитъ и все знаетъ, хотя и спитъ въ своей берлогѣ, съ убѣжденіемъ произнесъ дѣдъ. Тормъ и послалъ *его* на землю за тѣмъ, чтобы *онъ* чинилъ судъ и расправу на землѣ и наказывалъ тѣхъ людей, которые не повинуются волѣ Торма.

— Да, вѣдь, охотники убиваютъ же *его?* возразилъ внучекъ.

— Ну, что же, что убиваютъ? Вѣдь *онъ* и самъ не безгрѣшенъ; *онъ* и самъ, когда просыпается и выходитъ изъ берлоги, дѣлается такимъ же слѣпымъ, какъ люди, и часто не умѣетъ отличать добро отъ зла. За это Тормъ и позволилъ охотникамъ убивать *его.*

— А правда ли, что нашъ князь Сатыга не вѣритъ въ нашихъ боговъ и разоряетъ ихъ казну? спросила одна изъ женщинъ.

— Всѣ говорятъ это, сказалъ старикъ. Да только накликаетъ онъ этимъ бѣду и на свою, и на нашу голову. Связался онъ съ негодной зырянкой Хатымой, она и мутитъ его. А не къ добру это, не къ добру. Въ прежнее время не такъ люди жили, къ богамъ относились почтительно, ну и всего у нихъ было вволю. А теперь, съ каждымъ годомъ жить становится все труднѣе и труднѣе. Ну, да и то сказать, прежде и звѣри-то, и птицы были другіе, а теперь все измельчало. Вотъ, къ примѣру, рябчикъ. Развѣ онъ прежде былъ такой маленькій? Онъ по величинѣ былъ больше лося. Да сидѣлъ онъ одинъ разъ въ кустѣ, а мимо въ это время проѣзжалъ на своей колесницѣ Тормъ. Рябчикъ вдругъ какъ выпорхнетъ изъ куста, кони-то у Торма и испугались, да и понесли. Ну, Тормъ разсердился, да и говоритъ рябчику: „Не къ чему, говоритъ, быть тебѣ такой махиной, коли ты не умѣешь тихо себя вести“. Взялъ да и ощипалъ его, вотъ онъ съ тѣхъ поръ и сдѣлался такимъ маленькимъ.

Такъ вотъ онъ и Сатыгу можетъ также пощипать, засмѣялся дѣдъ.

Дѣти и женщины внимательно слушали стараго дѣда, и долго за полночь не умолкали его разсказы о происхожденіи звѣрей, птицъ, рыбъ, самихъ боговъ и шайтановъ.

Вдругъ гдѣ-то въ урманѣ послышались голоса, и чья-то веселая пѣсня... Всѣ присутствующіе насторожились... Пѣніе слышалось все ближе и ближе.

— Батюшки!.. да вѣдь это наши возвращаются! вскричала одна изъ женщинъ, и всѣ бросились навстрѣчу охотникамъ.

— Что такъ рано? И чего они поютъ? въ раздумьи промолвилъ дѣдъ. Неужто *его* убили? Должно быть, что такъ, иначе не пѣли бы веселыхъ пѣсенъ.

И онъ также поднялся съ наръ и направился къ дверямъ вслѣдъ за другими навстрѣчу возвращающимся охотникамъ.

— Встрѣчайте, радуйтесь! *Онъ* съ нами! *Его* привезли! кричали охотники, выходя толпою изъ темнаго урмана и махая шапками.

Посреди нихъ двигались запряженныя собаками нарты на которыхъ лежала, содранная вмѣстѣ съ головой и лапами шкура огромнаго медвѣдя.

Скоро весь пауль былъ на ногахъ. Женщины и ребятишки прыгали, кричали и били въ ладоши.

— Встрѣчайте дорогого гостя! Вынимайте окно! распоряжался старый дѣдъ.

Въ самой просторной изъ юртъ оконная рама съ брюшиной была выставлена, и шкура медвѣдя съ подобающимъ почетомъ была втащена черезъ окно внутрь юрты, такъ какъ такой необычный гость не долженъ былъ входить обыкновеннымъ путемъ, чрезъ дверь, въ жилище грѣшнаго вогула.

Послѣ этого шкуру разостлали въ переднемъ, красномъ углу передъ домашними шайтанчиками и прикрыли до поры до времени самыми дорогими матеріями, какія только нашлись въ паулѣ.

На слѣдующій день по всѣмъ окрестнымъ пауламъ разосланы были гонцы съ приглашеніемъ всѣхъ охотниковъ, желающихъ принять участіе въ предстоящемъ праздникѣ

„похоронъ медвѣдя“, явиться въ назначенный день. Этотъ праздникъ долженъ былъ продолжаться пять дней.

Начались приготовленія: пекли различныя кушанья, варили брагу и медъ, вынимали изъ-подъ спуда наряды.

Но вотъ наступилъ и ожидаемый день.

Съ ранняго утра начали стекаться въ Вытлыхъ-пауль со всѣхъ сторонъ гости, при чемъ нѣкоторые являлись издалека, за многіе десятки верстъ.

Шкура медвѣдя была разукрашена; вмѣсто глазъ были вставлены серебряныя монеты, на шею были надѣты бусы, на каждомъ ногтѣ серебряныя и мѣдныя кольца. Вокругъ стояло множество деревянныхъ и берестяныхъ посудинъ съ различными яствами и глиняныхъ кувшиновъ съ брагою и медомъ.

Подлѣ медвѣдя находился шаманъ, исполнявшій различныя церемоніи и наблюдавшій за порядкомъ.

По данному имъ знаку, въ юрту начали входить одинъ за другимъ охотники въ берестяныхъ маскахъ, чтобы медвѣдь не могъ ихъ узнать. При входѣ стояли женщины и дѣвушки и плескали на входившихъ мужчинъ водой.

Первыми явились тѣ, которые принимали участіе въ охотѣ на убитаго медвѣдя. Каждый изъ нихъ, подходя къ лежавшей шкурѣ медвѣдя, отвѣшивалъ низкій поклонъ, цѣловалъ у него правую лапу и говорилъ:

— Не сердись на меня, старикъ! Я не хотѣлъ тебя убивать, а убилъ нечаянно. Впередъ никогда не сдѣлаю этого. Прости меня!

И онъ снова кланялся, наливалъ чарку и выпивалъ ее въ честь убитаго.

За участниками охоты стали подходить и другіе и также кланялись, цѣловали лапу и пили.

Послѣ мужчинъ начали входить въ юрту женщины. Онѣ цѣловали у медвѣдя лѣвую лапу и приговаривали:

— Не пугай меня въ лѣсу, сынъ Торма, когда я буду брать ягоды.

За ними слѣдовали дѣвушки. Эти обращались къ медвѣдю съ различными просьбами: сыскать имъ жениха, приворожить сердце милаго и т. п.

Послѣ этого женщины и дѣвушки, выпивъ также по чаркѣ, удалялись, такъ какъ женщина, по понятіямъ вогуловъ, существо низшее и поганое и потому не должна осквернять своимъ присутствіемъ священнаго отпѣванія и слушать священныя медвѣжьи пѣсни.

Когда всѣ эти предварительныя церемоніи были окончены, присутствующіе мужчины размѣстились вокругъ медвѣдя, и начался пиръ. Мало-по-малу общество начало оживляться, и къ концу обѣда всѣ почувствовали себя развязно и весело.

Но вотъ шаманъ зазвонилъ въ колокольчикъ, и пирующіе размѣстились по нарамъ вдоль стѣнъ, освободивъ середину юрты. На сцену появился знакомый намъ слѣпой дѣдъ съ лебедемъ [1]) въ рукахъ. Шаманъ накинулъ на себя шкуру медвѣдя, взялъ въ руки лукъ и стрѣлы, а сзади велѣлъ привязать клокъ сухой травы. Музыкантъ ударилъ по струнамъ и запѣлъ былину о медвѣдѣ, въ которой говорилось о его славной жизни на небесахъ и о пришествіи на землю. Въ то время какъ музыкантъ игралъ и пѣлъ, шаманъ въ тактъ музыкѣ началъ приплясывать и производить различныя тѣлодвиженія, стараясь въ лицахъ изобразить то, о чемъ говорилось въ былинѣ.

„Въ давно-давнія времена, пѣлъ старый дѣдъ, когда люди не знали еще ни лука, ни стрѣлъ и не умѣли добывать огня, *онъ* былъ любимымъ сыномъ у Торма и жилъ вмѣстѣ съ нимъ на небесахъ. И вотъ оттуда, изъ-за облаковъ *онъ* часто любилъ смотрѣть на нашу землю и видѣлъ, какъ она то покрывалась бѣлою пеленою, то зеленымъ ковромъ. Любопытство стало его разбирать, и начало ему казаться, что на землѣ жить гораздо веселѣе, чѣмъ на небѣ, и сталъ *онъ* просить своего отца, Торма, чтобы тотъ отпустилъ его погулять на землю. Три раза отказывалъ ему Тормъ въ его просьбѣ, но, наконецъ, надоѣло ему вѣчно слушать одно и то же; посадилъ онъ его въ колыбель и спустилъ съ небесъ на землю. И сталъ *онъ* ходить по землѣ и смотрѣть, что на

[1]) Лебедь — музыкальный инструментъ, родъ гуслей.

ней дѣлается. Долго ли, коротко ли *онъ* бродилъ такъ, только захотѣлъ ѣсть, а ѣсть было нечего. И вотъ началъ *онъ* опять просить своего отца, чтобы тотъ взялъ его обратно къ себѣ на небо. Но Тормъ за *его* упрямство не захотѣлъ взять *его* къ себѣ, а чтобы *онъ* не померъ съ голоду, далъ ему лукъ, стрѣлы и огонь и велѣлъ жить на землѣ и самому добывать себѣ пропитаніе. Кромѣ того, онъ наказалъ *ему* творить на землѣ судъ и расправу надъ людьми и не трогать тѣхъ, кто повинуется волѣ Торма, а наказывать только злыхъ. „А ежели, сказалъ Тормъ, ты самъ будешь поступать несправедливо, то человѣкъ будетъ и съ тобой расправляться.

„Прошло много ли, мало ли времени, и началъ *онъ* употреблять во зло данные ему Тормомъ лукъ и стрѣлы, и много бѣдъ натворилъ бы *онъ* на землѣ, если бы не выискался вогулъ, отнявшій у *него* его оружіе“.

При этихъ словахъ пѣвца къ пляшущему шаману присоединились семь охотниковъ, которые тоже начали приплясывать, жестами изображая то, о чемъ пѣлось.

„Было семь братьевъ вогуловъ,' продолжалъ пѣвецъ. Однажды отправились они въ урманъ промышлять звѣря. Былъ лютый морозъ. Долго бродили братья, не находя ничего. Наступила ночь, и такъ какъ тогда не знали еще огня, то начали братья мерзнуть. Только вдругъ замѣтили они вдали огонекъ, направились на него и увидали, что сидитъ возлѣ костра *онъ* и грѣется. Тогда старшій братъ говоритъ другому: „Ступай, братецъ, попроси у *него* огня, чтобы мы могли обогрѣться“. Но на того напалъ страхъ, потому что совѣсть у него была не чиста, и онъ, въ свой чередъ, сталъ просить слѣдующаго брата сходить къ *нему* за огнемъ. Третій братъ тоже не пошелъ и началъ просить четвертаго. Такъ перекорялись они, пока очередь не дошла до младшаго. Этотъ оказался удалѣе ихъ всѣхъ. Онъ тотчасъ же согласился и пошелъ къ *нему* просить огня. Но *онъ* осердился и не хотѣлъ ему давать огня. Тогда младшій братъ выхватилъ свой ножъ и вступилъ съ *нимъ* въ бой. Видитъ *онъ*, что не справиться ему съ младшимъ братомъ, и говоритъ: „На, возьми мой огонь, да ужъ съ нимъ вмѣстѣ возьми отъ меня лукъ и стрѣлы, а я пойду зимовать въ берлогу“.

При послѣднихъ словахъ пѣвца клокъ сухой травы былъ подожженъ, изображавшій медвѣдя шаманъ выскочилъ съ горѣвшей травой изъ юрты, и здѣсь, при общемъ ликованіи, охотникъ, изображавшій младшаго брата, свалилъ его въ снѣгъ и отнялъ у него огонь, лукъ и стрѣлы.

Послѣ этого праздникъ принялъ еще болѣе оживленный характеръ. Начались другія пѣсни и пляски, частію тоже аллегорическаго свойства, частью плясали уже безъ всякихъ аллегорій, при чемъ въ пляскахъ принимали участіе и женщины.

И долго за полночь продолжалось торжество вогуловъ, и слышались ихъ пѣніе и топотъ пляски.

III.

Праздникъ продолжался и въ слѣдующіе дни. Снова ѣли, пили, плясали, состязались въ стрѣльбѣ изъ луковъ, въ метаніи копій и проч.

Къ вечеру четвертаго дня изъ урмана неожиданно показалась высокая фигура сѣдого старика, съ суровымъ лицомъ. Онъ шелъ на лыжахъ и направлялся прямо къ состязающимся.

— Шаманъ шайтана Урманъ-Хума! съ удивленіемъ зашептали присутствующіе. Какъ? Зачѣмъ онъ сюда? Что случилось?

Всѣ знали суроваго шамана шайтана Урманъ-Хума, и всѣмъ было извѣстно, что онъ никуда не отлучался отъ капища своего шайтана, и должно было случиться что-либо очень важное, если онъ теперь рѣшился оставить идола одного и уйти отъ него такъ далеко.

Между тѣмъ шаманъ молча снялъ свои лыжи и, приставивъ ихъ къ стѣнѣ около юрты, громко проговорилъ:

— Идите сюда за мной, *манзи!* [1]) Всѣ, кромѣ женщинъ, идите сюда!

И онъ вошелъ въ юрту, гдѣ лежалъ медвѣдь и откуда слышались пѣніе и топотъ пляски.

---

[1]) Вогулы называютъ себя манзями.

При его появленіи все замерло: всѣ почувствовали, что случилось что-то недоброе.

Шаманъ низко поклонился лежавшему въ переднемъ углу медвѣдю, приложился губами къ его лапѣ и, оглянувъ всѣхъ присутствующихъ, съ почтительной робостью на него смотрѣвшихъ, снова обратился лицомъ къ медвѣдю и возбужденно заговорилъ:

— Я узналъ, что здѣсь сынъ Торма, и нарочно пришелъ сюда, чтобы въ его присутствіи разсказать всѣмъ здѣсь находящимся объ ужасномъ злодѣяніи, которое совершилъ нашъ безбожный князь Сатыга. Горе намъ, манзи! Съ тѣхъ поръ, какъ солнце стало всходить надъ нашими урманами, никогда еще не было въ нашей странѣ подобнаго дѣла. Знайте: три дня тому назадъ нашъ безумный князь дерзнулъ наложить свою святотатственную руку на сокровища шайтана Урманъ-Хума!

Ропотъ негодованія пронесся въ толпѣ присутствующихъ.

— Онъ надругался надъ святыней, онъ оскорбилъ божество, продолжалъ шаманъ, которое чтутъ всѣ, даже самыя отдаленныя племена вогуловъ и остяковъ, родственныхъ намъ по вѣрѣ. Великій шайтанъ разгнѣванъ и требуетъ отмщенія.

Вогулы, какъ уже было сказано, давно ненавидѣли своего князя за его алчность и безчеловѣчность, а теперь окончательно были возмущены его поступкомъ. Однако, никто не рѣшался первымъ вслухъ высказать свое порицаніе: князь былъ очень суровъ, и всѣ передъ нимъ трепетали.

Шаманъ понялъ ихъ настроеніе и, торжественно поднявъ руку, произнесъ:

— Клянитесь мнѣ предъ лицомъ этого грознаго сына Торма, что отнынѣ вы не будете признавать Сатыгу своимъ княземъ.

— Клянемся! закричали въ одинъ голосъ сразу воодушевившіеся вогулы.

— Клянитесь мнѣ, что вы не будете платить ему ни ясака, ни обработывать его полей; что вы скорѣе перейдете на сторону его враговъ, чѣмъ позволите ему заставить себя служить его безумнымъ прихотямъ.

— Клянемся! повторили вогулы.

Я знаю, продолжалъ шаманъ, Сатыга силенъ и будетъ стараться силою принудить васъ къ повиновенію, но знайте, что шайтанъ Урманъ-Хумъ сильнѣе его и сумѣетъ его наказать. Горе тому, кто будетъ держать сторону Сатыги, такъ какъ онъ сдѣлается врагомъ Урманъ-Хума! Пусть лучше мы перетерпимъ отъ князя всяческія насилія, но не будемъ отступниками и врагами Урманъ-Хума. И такъ, клянитесь мнѣ на носу этого всевидящаго сына Торма, что вы свято сдержите свое слово.

При этихъ словахъ шаманъ вынулъ изъ-за пояса сѣкиру и положилъ ее подлѣ головы медвѣдя.

Клятва на носу медвѣдя считалась и до сихъ поръ считается самою страшною клятвою у вогуловъ и замѣняетъ собою присягу.

Охотники одинъ за другимъ стали подходить къ медвѣдю, брали поочередно сѣкиру въ руки и, нанося ею ударъ по носу медвѣдя, произносили:

— Задери меня, когда я буду звѣровать въ урманѣ, если только я нарушу свое обѣщаніе!

Когда такимъ образомъ клятва была произнесена всѣми присутствующими, шаманъ взялъ въ руки сѣкиру и, обратясь лицомъ къ медвѣдю, торжественно произнесъ:

— Да будетъ проклятъ тотъ, кто осмѣлится нарушить данное тебѣ обѣщаніе, могучій сынъ Торма! Пусть ни одинъ звѣрь не встрѣтится ему, когда онъ выйдетъ въ урманъ звѣровать, пусть ни одна птица не попадетъ въ его лобцы, и ни одна рыба въ его сѣти. Пусть онъ, голодный, какъ волкъ, будетъ рыскать по урманамъ, пока не попадетъ въ твои могучія лапы!

Сказавъ это, шаманъ однимъ взмахомъ сѣкиры отдѣлилъ носъ медвѣдя отъ головы.

Послѣ этого передъ юртой былъ разложенъ огромный костеръ, и священный носъ торжественно преданъ сожженію.

Такъ была произнесена клятва вогулами.

Сдѣлавъ свое дѣло, шаманъ Урманъ-Хума отправился въ другіе паули. И такъ ходилъ онъ по всей Кондѣ, всюду вооружая вогуловъ противъ оскорбителя ихъ боговъ, князя Сатыги.

IV.

Наступила весна. Рѣки вскрылись, вышли изъ береговъ и затопили тайгу съ ея непроходимыми лѣсными дебрями. Бассейны рѣкъ Конды, Тавды и Сосьвы слились въ одно и представили изъ себя сплошную массу воды, такъ что тамъ, гдѣ лѣтомъ были топи и болота, сдѣлалось возможнымъ черезъ лѣсную глушь сообщеніе на лодкахъ. Незатопленными остались только высокія урманы, среди которыхъ обыкновенно находились вогульскіе паули.

Вскорѣ по вскрытіи рѣкъ по всей Кондѣ разнеслась вѣсть, что въ верховьяхъ рѣки Тавды, отъ Пелымскаго княжества, пробравшись въ бассейнъ рѣки Конды, плывутъ на многочисленныхъ лодкахъ какіе-то неизвѣстные витязи, закованные въ мѣдь и желѣзо, и что нѣтъ возможности противустоять имъ, такъ какъ въ ихъ рукахъ громъ и молнія.

— Это Урманъ-Хумъ послалъ своихъ мстителей за злодѣйство Сатыги, и самъ Чохоль-Вонзи [1]) далъ имъ въ руки свои стрѣлы. Бѣда намъ! говорили вогулы и, въ страхѣ оставляя свои паули, разбѣгались или, вѣрнѣе, уплывали на своихъ лодкахъ въ самые дальніе и глухіе уголки рѣки Конды и ея притоковъ.

Напрасно князь Сатыга разсылалъ гонцовъ по окрестнымъ паулямъ, призывая своихъ подданныхъ сплотиться противъ общаго врага и спѣшить въ его замокъ; никто не хотѣлъ его слушать. Всѣ были убѣждены, что виною несчастія онъ самъ, и что помогать ему, значитъ, сдѣлаться врагомъ грознаго разгнѣваннаго шайтана Урманъ-Хума.

Видя, что подданные его оставили, Сатыга одинъ со своею дружиною заперся въ своей крѣпости, укрѣпилъ ее, насколько могъ, еще болѣе и рѣшился защищаться противъ невѣдомаго врага по послѣдней крайности.

Въ одинъ прекрасный день безмолвные лѣсистые берега ту́мана, на которомъ стояла крѣпость Сатыги, огласилась громкою, незнакомою въ тѣхъ мѣстахъ пѣснею:

Внизъ да по матушкѣ по Волгѣ...

---

[1]) Божество завѣдующее громомъ и молніей.

А вскорѣ изъ-за ближайшаго поворота, отъ верхняго теченія рѣки Малой Конды, показалось нѣсколько лодокъ, наполненныхъ неизвѣстными воинами.

Это были казаки, сподвижники Ермака, покорителя Сибири.

Дрогнуло сердце Сатыги, но не упалъ онъ духомъ.

Высадившись недалеко отъ замка, казаки послали нѣсколькихъ вогуловъ, перешедшихъ на ихъ сторону и служившихъ имъ проводниками, для переговоровъ къ Сатыгѣ съ требованіемъ сдать крѣпость, обѣщая ему, въ случаѣ добровольной покорности, даровать всѣмъ находящимся въ замкѣ жизнь и отпустить на всѣ четыре стороны.

Но, вмѣсто отвѣта, Сатыга приказалъ умертвить посланныхъ на глазахъ казаковъ и бросить ихъ въ воду.

Тогда казаки, подъ прикрытіемъ урмана, подступили къ крѣпости и, наведя пушки, стали палить изъ нихъ въ осажденныхъ. Послѣдніе сначала пришли въ ужасъ отъ никогда неслыханнаго грома огнестрѣльныхъ орудій и ихъ смертоноснаго дѣйствія, но потомъ, ободряемые княземъ Сатыгой, нѣсколько уже знакомымъ съ употребленіемъ ружей, скоро оправились и въ отвѣтъ на выстрѣлы, въ свою очередь, начали пускать въ казаковъ тучи стрѣлъ и камней изъ пращей.

Видя, что первое впечатлѣніе отъ смертоноснаго, неизвѣстнаго въ этихъ мѣстахъ, оружія не произвело надлежащаго дѣйствія и не испугало вогуловъ, казаки рѣшили итти на приступъ, но были отбиты, потерявъ нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей. Нѣсколько разъ повторяли они свои нападенія, но безуспѣшно; Сатыга былъ очень искусный воинъ и умѣлъ вѣдаться съ врагами.

Такъ прошло не мало дней. Однако, ядра и пули дѣлали свое дѣло, и число защитниковъ крѣпости съ каждымъ днемъ рѣдѣло все болѣе и болѣе. Среди осажденныхъ началось глухое броженіе. Многіе изъ нихъ уже не прочь были и сдаться, но всѣ молчали и боялись высказывать вслухъ свои мысли изъ страха передъ суровымъ, непреклоннымъ Сатыгой.

Наконецъ, казаки, наскучивъ продолжительной осадой, прибѣгли къ хитрости.

Узнавъ отъ находившихся съ ними вогуловъ, что подданные Сатыги разбѣжались и чураются его за то, что онъ

раззорилъ капище шайтана Урманъ-Хума, казаки отрядили нѣсколько лодокъ съ тѣмъ, чтобы привезти въ ихъ станъ изображеніе этого идола. Когда это было исполнено, они незамѣтно для осажденныхъ отвели свои лодки за ближайшій мысъ, надѣлали чучелъ, одѣли ихъ въ свои одежды и посадили вмѣстѣ съ ними въ лодки нѣсколькихъ гребцовъ. Въ одну же изъ лодокъ поставили стоймя изображеніе шайтана, представлявшее изъ себя огромнаго деревяннаго истукана съ оловянными глазами и окровавленнымъ лицомъ, и приказали гребцамъ, по данному сигналу, плыть съ этой фантастической флотиліей прямо на замокъ.

Была глубокая полночь. Но весеннія ночи на сѣверѣ совсѣмъ не похожи на наши. Солнце скрывается за горизонтомъ на самое короткое время. Полуночная заря ярко горѣла пурпурнымъ свѣтомъ, придавая всей природѣ блѣдно-розовый, прозрачный оттѣнокъ. Кругомъ можно было видѣть на громадное пространство, какъ у насъ лѣтнимъ утромъ передъ восходомъ солнца. Ни одной звѣзды не мерцало на совершенно ясномъ, безоблачномъ небѣ. Въ воздухѣ стояла невозмутимая тишина, и только безчисленныя миріады комаровъ и мошекъ пѣли свои докучныя пѣсни въ лѣсной чащѣ. Берега тумана начинали дымиться отъ испареній, но средина его была совершенно чиста, такъ что далеко можно было различить на ней малѣйшіе предметы.

Крѣпость, господствовавшая надъ озеромъ, казалось, была погружена въ крѣпкій сонъ.

Вдругъ изъ урмана, гдѣ былъ расположенъ казачій лагерь, показалось бѣлое облачко, и вслѣдъ за нимъ среди ночной тишины раздался пушечный выстрѣлъ. Громоподобное эхо подхватило звукъ выстрѣла и загрохотало, переливаясь вдали отъ одного берега тумана къ другому, пока не замерло гдѣ-то далеко-далеко въ глубинѣ неизмѣримой тайги. Вслѣдъ за первымъ выстрѣломъ послѣдовалъ второй, за нимъ третій. Окрестности тумана ожили. Громъ выстрѣловъ и долго несмолкавшее, повторяемое на тысячу ладовъ, эхо наводили ужасъ не на однихъ только осажденныхъ въ крѣпости, но и на всѣхъ дикихъ звѣрей, обитавшихъ въ тайгѣ. Точно гроза съ непрерывными раскатами грома разразилась надъ окрестностью.

И вотъ, подъ прикрытіемъ своихъ пушекъ, казаки дружно бросились на приступъ, но осажденные мужественно встрѣтили ихъ нападеніе. Долго и безуспѣшно силились казаки ворваться въ крѣпость, какъ вдругъ въ разгарѣ боя одно изъ казачьихъ ядеръ пробило обѣ стѣны, окружавшія крѣпость, и влетѣло въ растворенное окно, передъ которымъ сидѣла Хатыма съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ. Сраженная Хатыма замертво упала на полъ. Когда Сатыгѣ, увлеченному битвой, донесли объ этомъ, онъ бросился внутрь своего терема на помощь Хатымѣ, но отъ нея остался уже только одинъ обезображенный трупъ. Въ бѣшенствѣ выскочилъ онъ изъ терема, желая отплатить казакамъ за потерю Хатымы, но въ это самое время изъ-за сосѣдняго мыса показались казачьи лодки, направлявшіяся прямо на крѣпость, а впереди ихъ осажденные съ ужасомъ увидали столь знакомую имъ, страшную фигуру шайтана Урманъ-Хума.

— Шайтанъ!.. Шайтанъ!.. Самъ шайтанъ Урманъ-Хумъ идетъ на насъ! закричали они, обезумѣвъ отъ страха.

Напрасно Сатыга отдавалъ приказанія не оставлять постовъ и защищать стѣны, напрасно выказывалъ онъ чудеса храбрости, бросаясь одинъ въ средину враговъ и желая своимъ примѣромъ увлечь дружину, она окончательно потеряла голову, побросала оружіе и закричала казакамъ, что сдается.

Тогда казаки немедленно же ворвались въ крѣпость и овладѣли ею, а Сатыгу взяли въ плѣнъ.

Такъ пало вогульское княжество. Такъ былъ наказанъ за свое кощунство князь Сатыга.

Могучъ былъ шайтанъ Урманъ-Хумъ, могучъ и страшенъ въ своемъ гнѣвѣ! говорили въ народѣ.



2-75

